

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

А. А. Золотухин

РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Учебно-методическое пособие

Воронеж 2016

Печатается по рекомендации учебно-методического совета факультета журналистики ВГУ. Протокол № 5 от 18 февраля 2016 г.

Рецензенты: Ю. А. Гордеев, канд. филол. наук, доцент, зав. каф. теории и практики журналистики ВГУ;
А. А. Черваков, канд. филол. наук.

А. А. Золотухин (автор-составитель) **Расследовательская журналистика** – Факультет журналистики ВГУ. – Воронеж, 2016. 144 с.

Учебно-методическое пособие по курсу «Расследовательская журналистика». Рекомендуются для студентов факультетов журналистики.

Введение

Расследовательская журналистика была и остается одной из вершин мирового журнализма. Студенты факультетов журналистики всей планеты мечтают стать новыми Вальрафами, Вудвортами, Шекочихиными. Лучшие журналисты-расследователи своими произведениями заставляют уйти в отставку президентов и правительства, помогают правоохранителям по закону и по справедливости наказывать высокопоставленных коррупционеров и даже предотвращают фашистские перевороты. Сегодня в расследовательскую журналистику наряду с классическими методами и приемами работы пришли практически неограниченные возможности сетевого поиска информации и инструменты журналистики данных. Но такие качества журналиста-расследователя, как чувство справедливости, принципиальность, бескомпромиссное уважение человеческого достоинства, гуманизм, человеколюбие, наряду с аналитическим складом ума остаются неизменными требованиями во все времена. Перефразируя известное еще из советских времен крылатое выражение, у журналиста-расследователя всегда должны быть «чистые руки, горячее сердце, холодная голова».

Расследовательская журналистика в России имеет глубокие корни. Ее основы закладывали такие выдающиеся репортеры и очеркисты, как Владимир Короленко, Владимир Гиляровский, Влас Дорошевич и многие другие. Элементы расследовательской журналистики мы находим в творчестве российских гениев: Александра Пушкина, Михаила Салтыкова-Щедрина, Антона Чехова.

В новые российские времена определение журналистского расследования в отечественной теории журналистики складывалось совместно с американской журналистской практикой и теорией. Одно из лучших определений журналистского расследования в Америке дал бывший заместитель редактора-распорядителя газеты «Ньюс Дей» Роберт Грин. После знаменитого уотергейтского скандала он назвал журналистским расследованием «материал, основанный, как правило, на собственной работе и инициативе, на важную тему, которую отдельные лица

и организации хотели бы оставить в тайне». Похожее, но развёрнутое определение расследованию дал преподаватель журналистики Бостонского университета Майкл Берлин, в конце прошлого века прочитавший курс лекций по расследовательской журналистике на факультете журналистики МГУ.

«Журналистское расследование, – считал он, – не может появиться на свет без инициативы, идеи и усилий со стороны журналиста. Это материал, обладающий высокой новостной ценностью и большой значимостью для общества. Расследование основывается на множестве источников информации – людях, документах и личном наблюдении. Во многих случаях на поверхность выплывают материалы, которые власти предпочли бы не раскрывать. Но иногда в материалах содержится информация, полученная непосредственно от представителей власти».

Английское слово «инвестигейшен» имеет два возможных варианта перевода на русский язык: как «расследование» и как «исследование». И в том, и в другом смысле журналистское расследование есть поиск и обнаружение неких фактов, которые до поры до времени находились вне поля общественного внимания.

Чем же расследование отличается от других аналитических текстов? В обоих случаях в основе создания таких текстов лежит исследовательская работа, что, безусловно, встраивает журналистское расследование в аналитическую группу журналистских текстов. Но у журналистов-расследователей есть дополнительные задачи, более того – миссия: в ходе расследования они раскрывают злоупотребления, выявляют нарушения законов, норм поведения или даже правил приличия. А самое главное – устанавливают лиц, повинных в этих пороках! Решение этой задачи обязательно найдет противодействие со стороны героев расследовательских текстов. Журналистам наверняка будут мешать, создавать препятствия. И журналист вынужден будет эти барьеры преодолевать.

В отечественной школе журналистики о журналистском расследовании говорят прежде всего как об особом методе журналистской работы. В чём же суть расследовательского метода? Чем отличается исследование от расследования? По мнению

многих специалистов, расследование – это то же исследование, но обусловленное особыми обстоятельствами действительности. А именно наличием в ней негативных моментов, наносящих конкретный вред, однако не только не очевидных, но тщательно скрываемых. Препятствия, барьеры, противодействия открытые и скрытые – и будут этими особыми обстоятельствами.

В качестве особого предмета журналистского расследования некоторые специалисты обозначают коррупцию. Но дело в том, что до недавнего времени понятия «коррупция» де-юре в нашей стране просто не существовало. Депутаты Государственной думы Российской Федерации с 1992 года пытались дать юридическое определение этому «кричащему негативному явлению». И только в декабре 2008 года Президентом РФ было подписано принятие антикоррупционного закона, в котором такое определение дано.

«Коррупция, – гласит ФЗ РФ № 273 от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции», – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

На наш взгляд, предмет расследования все же шире, чем коррупция. Хотя, несомненно, коррупция в широком смысле, данном в новом законе – сердцевина большинства расследовательских текстов. Предмет расследования – нераскрытые ещё преступления, правонарушения и нарушения общепринятых норм в целом, с конкретными носителями которых нужно бороться прежде всего с помощью создания соответствующего общественного мнения.

Отсюда у расследования и особые функции. Журналисту-расследователю необходимо не просто докопаться до сути, раскрыть социальное зло, но победить его, что означает всемерно

содействовать наказанию и порицанию конкретных лиц, виновных в его осуществлении. Именно поэтому и возникает явное или тайное противодействие героев произведений их авторам – журналистам-расследователям.

Пособие отражает основу и структуру курса «Аналитическая и расследовательская журналистика», который входит в систему специальных дисциплин университетского журналистского образования. Учебный курс, в свою очередь, отражает историю, современное состояние и тенденции развития журналистского расследования в России и мире. Актуальность курса заключается в тесной связи исторических, теоретических и методологических разработок, посвященных журналистскому расследованию, и процессов, происходящих сегодня в практической расследовательской журналистике.

Он позволяет выработать у студентов представление о феномене журналистского расследования – одной из вершин мирового журнализма.

Целями и задачами лекционных занятий является:

- выработать у студентов представление о профессиональных возможностях аналитической и расследовательской журналистики;

- заложить теоретические, методологические и технологические основы для аналитической и расследовательской журналистской работы;

- ознакомить с сегодняшним состоянием и перспективами мировой и отечественной аналитической и расследовательской журналистики;

- ознакомить с творчеством лучших авторов в мировой и отечественной аналитической и расследовательской журналистике.

Лабораторные занятия позволяют:

- заложить методологические и технологические основы создания аналитических и расследовательских текстов;

- обеспечить экспериментальный процесс создания аналитических и расследовательских публикаций как под жестким

руководством редактора, так и самостоятельно, как в составе временного трудового коллектива, так и индивидуально;

- обеспечить процесс подготовки материалов участников профессиональной творческой студии для конкретных СМИ;

- формировать умения самостоятельно анализировать журналистскую деятельность и журналистские произведения, оценивать, делать обобщения, аргументировать;

- овладеть методикой анализа аналитических и расследовательских текстов;

- познакомить студентов с лучшими журналистами-аналитиками и расследователями региональных СМИ и их творчеством.

Пособие носит интерактивный характер. Во второй его части собраны дискуссионные материалы, а также алгоритмы первичных этапов работы над журналистским расследованием.

Часть 1. Краткое содержание лекционных и лабораторных занятий.

Краткое содержание лекционного курса

Тема 1. Что такое журналистское расследование. Метод, жанр, сверхтекст?

Журналистское расследование как метод. Методы отражения действительности: рационально-познавательный, эмоционально-образный. Эмпирический и теоретический уровни рационально-познавательного метода отображения. Теоретический – исследовательский уровень, создающий пласт аналитических журналистских текстов. Исследование и расследование как методы. Их общая основа и особенности.

Особенности содержательно-формальных признаков журналистского расследования. Особенности метода расследования. Особенности предмета. Особенности функций.

Сверхтекст расследования как отражение результатов проведенного расследования и поискового процесса на всех его этапах.

Зарубежный (англо-американский) подход к определению феномена журналистского расследования. Определение журналистского расследования через описание деятельности журналиста в процессе расследования (output – основной вопрос – как добывается информация?) как самый распространенный подход. Определения журналистского расследования Роберта Грина и Майкла Берлина. Отличия журналистского расследования от аналитического материала.

Задания

Подумайте над вопросами:

Почему журналистское расследование можно назвать методом?

Можно ли считать журналистское расследование самостоятельным аналитическим жанром? Почему?

Что такое журналистское расследование как свертхтекст?

2. Объясните, чем отличаются англо-американский и отечественные подходы к проведению журналистского расследования?

Тема 2. Из истории расследовательской журналистики

2.1. Журналистские расследования в Америке

Соединенные Штаты Америки как родина журналистского расследования в его сегодняшнем понимании. «Праотцы» журналистского расследования. Сэмюэл Ленгхорн Клеменс (Марк Твен) (1835–1910 гг.) и его расследовательское творчество. Фелъетон «Исправленный катехизис», книги «Налегке», «Позолоченный век».

Эпоха «макрейкеров». Термин «макрекинг». 1890 гг.: статьи Э.Кросби, Д. Флинта, Э. Лефевра. Журнал «Арена», издаваемый Б. Флауэром. Создание Самюэлем Макклором журнала «Макклорс» – главного печатного органа «макрейкеров». Статья Л. Стеффенса и К. Уитмора «Времена Твида в Сен-Луи». Стеффенс, Бейкер, Тарбелл – журналисты-расследователи «Макклорса». Темы их исследований.

Творчество лидера «макрейкеров» Джорджа Линкольна Стеффенса (1866–1936 гг.). Работа в «Ивнинг Пост» и «Коммершиэл адвертайзер». Сборник «Позор городов», составленный из журнальных публикаций «Макклорса». Попытка создания журнала «Америкен мэгэзин».

Другие журналы, занимающиеся расследованиями: «Космополитэн», «Кольерс», «Саксес», «Мансис», «Леслиз», «Эврибодиз».

Расследовательские мотивы в журналистике и литературе 1930–1940 гг. Роман Роберта Пенна Уоррена (1905–1989 гг.) «Вся королевская рать».

«Уотергейтское дело» как вершина расследовательской журналистики. Феномен Вудстайна. Этапы Уотергейтского скандала. Роль в нем «Вашингтон Пост» и его молодых репортеров Боба Вудворта и Карла Бернстайна. Итоги и уроки «Уотергейтского дела».

Современная расследовательская журналистика в США.

Задания

1. Подумайте над вопросами:

1.1. В чем смысл макрейкерского движения в США? Что оно дало мировой расследовательской журналистике?

1.2. Почему в США был долгий период спада в расследовательской журналистике?

Домашнее задание

1. Познакомьтесь с творчеством одного из современных журналистов-расследователей США. Кратко определите особенности его творчества.

2.2. Журналистские расследования в Европе

Расследовательская журналистика в Швеции. Предтечи и традиции журналистских расследований. Газета «Афтонбладет» и ее учредитель Ларс Йохан Хмерт. Творчество Юхана Августа Стриндберга (1849–1912 гг.) и его расследовательские мотивы. Роман «Красная комната», повесть-памфлет «Новое царство», публицистическая деятельность в прессе. Журналистка Эстер Нордстроум и ее книга «Служанка среди слуг» (1914 г.). 1950 гг. Писатель и журналист Вильгельм Моберг и его «Дело Хаджбая». 1970 гг. Расследования Яна Гийо и Питера Брэтта. Дело «Ай-Би».

Расследовательская журналистика в Германии и творчество Гюнтера Вальрафа. Метод журналистского поиска – «вальраффинг». Книга «Раскрытие одного заговора». Трилогия о медиимперии Шпрингера: «Рождение сенсации», «Свидетели обвинения. Описание «Бильд» продолжается», «Справочник по «Бильд» до отказа». Уроки Гюнтера Вальрафа.

2.3. Журналистские расследования в России

Источники и предшественники расследовательской журналистики в России XIX века. Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837 гг.) и его «История Пугачевского бунта» с точки зрения исторического расследования – поиска разгадок неких исторических загадок и тайн. Михаил Евграфович Салтыков

Щедрин (1826–1889 гг.) как ярчайший критик социальных устоев того времени и «разгребатель грязи». Цикл очерков «Признаки времени». «История одного города». Николай Семенович Лесков (1831–1895 гг.) и его расследовательское творчество. История статьи «О пожарах в Петербурге». Владимир Осипович Михневич и его книги «Петербург весь на ладони» и «Язвы Петербурга» с использованием анализа статистических данных. Василий Васильевич Навроцкий и его «Одесский листок». Антон Павлович Чехов (1860–1904 гг.) и использование социологических исследований в публицистике. Владимир Алексеевич Гиляровский (1853–1935 гг.) как репортер-расследователь. Расследования Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921 гг.). Дело «мултанских вотяков». Влас Михайлович Дорошевич (1864–1922 гг.) и его судебные очерки. Путешествие на Сахалин. «Дело Скитских». Владимир Львович Бурцев (1862–1942 гг.) и разоблачение Азефа.

Журналистские расследования в эпоху советской власти. Журнал «Фитиль». «Литературная газета». Аркадий Ваксберг и Юрий Щекочихин.

2.4. Современная расследовательская журналистика в России.

Перестроечная расследовательская журналистика. «Узбекское дело» и «Дело высших чинов МВД». Журналисты по следам следствия. «Комсомольская правда» – расследовательские материалы и репортажи из горячих точек распадающегося СССР. «Московский комсомолец» – «Дело Холодова». Александр Минкин и Александр Хинштейн. Понятия «слив», «компромат». «Московские новости» – Леонид Никитинский и «Гильдия судебных репортеров». Пик расследовательской журналистики этого периода – Программа «Чистые перья», «Агентство журналистских расследований (АЖУР) и Андрей Константинов. Сегодняшние журналисты-расследователи и расследовательские СМИ. «Совершенно секретно» и «Версия», «Новая газета», «Ведомости». Расследовательские отделы и группы в универсально-тематических СМИ и расследователь-

ские программы на ТВ. Расследовательские сайты в Интернете. Основные тенденции и перспективы расследовательской журналистики в России.

Тема 3. Методика и этапы проведения журналистского расследования

3.1. Основная схема проведения журналистского расследования

Первоначальный творческий замысел и рождение темы. Источники появления темы расследования. Оценка перспективности расследования. План и заявка на проведение расследования. Рождение рабочей гипотезы (версии). Сбор и первоначальный анализ фактического материала. Составление досье по открытым источникам. Работа с базами данных. Работа с источниками. Составление досье (первичная справка). Создание концепции текста. Генеральное интервью (контакт с «героями»). Фактографическая доработка и корректировка концепции. Написание текста расследования. Юридическая экспертиза. Возможная корректировка текста. Архивирование. Публикация.

3.2. Первоначальные этапы расследования (этапы определения направления поиска)

Тема и ее источники. События. Официальная информация (постановления, распоряжения, заявления, пресс-конференции и т. д.) органов власти. Документы. Сообщения СМИ. Сообщения источников. Слухи. Оценка перспективности расследования и отказ от его проведения. Общественный интерес и резонанс как главные критерии оценки перспективности. Оценка сроков проведения расследования, трудозатрат, степени риска. Возможный отказ от начинания. Написание плана и заявки расследования. Обозначение и краткое описание темы. Обозначение цели и ключевого вопроса расследования. Возможные варианты ответа на ключевой вопрос, обозначение первоначальных версий причин случившегося, обозначение основных тезисов материала. Предварительное обозначение и оценка

круга потенциальных источников информации. Возможный иллюстративный материал.

3.3. Основные этапы расследования (этапы поиска)

Особенности применения методов сбора информации при проведении расследования. Классификация источников информации. Открытые, частично открытые, конфиденциальные. Неодушевленные и одушевленные. Официальные и неофициальные. Разовые и постоянные. Сбор информации об объекте или событии по открытым источникам. СМИ. Интернет. Архивы. Поиск информации, зафиксированной в различных базах данных. Журналистский запрос как один из наиболее эффективных способов получения информации. Использование специальных методик поиска информации и баз данных при журналистском расследовании. Базы данных правоохранительных структур. Ведомственные и «нелегальные» базы данных. Методика приобретения и работы с конфиденциальными источниками информации. Конфиденциальные документы и каналы коммуникаций. Методы работы спецслужб, возможные для применения в журналистской расследовательской деятельности. Одушевленные конфиденциальные источники и их классификация: идейные, корыстные, вынуждаемые к сотрудничеству, смешанный тип. Методика работы с ними. Анализ и оценка поступившей информации. Генеральное интервью (этап контакта с «героями») и его методика подготовки и проведения.

3.4. Этапы создания контента расследования (репрезентационные этапы)

Разработка концепции и структуры текста (сверхтекста). Обозначение главного и уточняющих тезисов. Выстраивание системы аргументации с учетом ожиданий аудитории. Композиция и ее виды: простая, хронологическая, детективная, очерковая, аналитическая. Стилистика материала (материалов): объективное и субъективное, точность и компетентность. Жанровое оформление расследования: расследование-репортаж, расследование-панорама, расследование-статья, очерковое расследование.

Визуальный ряд расследования и инфографика. Юридическая экспертиза и работа с экспертами. Возможная корректировка и фактографическая доработка текста. Архивирование.

Тема 4. Проблемы юридической и физической безопасности при проведении журналистских расследований

4.1. Юридическая безопасность при проведении журналистских расследований

Журналистские расследования и судебные разбирательства. Основные документы, знание которых необходимо журналистам. Статьи Конституции РФ. Статьи Уголовного кодекса РФ. Статьи Гражданского кодекса РФ. Закон РФ «О средствах массовой информации», Постановления Пленума Верховного суда РФ. Клевета, оскорбление и нарушение неприкосновенности частной жизни – как чаще всего встречающиеся статьи УК РФ в уголовных процессах против журналистов. Защита чести, достоинства и деловой репутации – основная статья Гражданского кодекса РФ, встречающаяся в судебных процессах с участием СМИ. Основные предпосылки и поводы для исков к журналистам и СМИ. Способы урегулирования конфликтных ситуаций в досудебном порядке. Способы успешной защиты в судебных процессах.

4.2. Физическая безопасность при проведении журналистских расследований

Правила физической безопасности в горячих точках. Принципы и правила физической безопасности в мирное время. Использование приемов безопасности, применяемых спецслужбами.

Планы лабораторных занятий

Задача лабораторных занятий – дать возможность студентам овладеть методикой анализа расследовательских публикаций, методически и технологически обеспечить процесс создания расследовательских публикаций, инициировать зна-

комство студентов с творчеством лучших журналистов-расследователей, подвигнуть их к дальнейшей работе в этой области журналистики.

Тема 1. Расследовательская публицистика Владимира Галактионовича Короленко. «Мултанское жертвоприношение»

Какие методы сбора информации использовал В.Г. Короленко в ходе расследования «Мултанского дела»?

Поясните понятия «точность» и «тщательность» расследования на примере журналистской работы В.Г. Короленко.

Обозначьте систему аргументации В.Г. Короленко, оспаривающую обвинение вотяков.

Каковы итоги и уроки «Мултанского дела»?

Литература

Короленко В.Г. Мултанское жертвоприношение / В.Г. Короленко // Война пером. – М., 1988. – С. 253-300

Тертычный А.А. Расследовательская журналистика: Учебное пособие для вузов. – М., 2002. – С. 23-30 (С дополнительными материалами по теме вы можете познакомиться во второй части пособия)

Тема 2. Расследовательская деятельность Юрия Петровича Щекочихина. Расследовательский цикл «Лев прыгнул»

Задачи, которые ставил перед собой Ю.П. Щекочихин-расследователь. Их актуальность.

Слагаемые мастерства Ю.П. Щекочихина-расследователя.

Тема, идея, концепция, система аргументации в материале «Лев прыгнул». Какие дополнительные характеристики явлениям «коррупция» и «мафия» обнаруживаются в XXI веке?

Литература

Журналистское расследование: История метода и современная практика / Под общ. Ред. А.Д. Константинова. – СПб., М., 2001. – С. 106-112
С любовью: произведения Ю.Щекочихина; воспоминания и очерки о нем: сб. – СПб., 2006, – 321 с.

Щекочихин Ю. Незавершен... М., 2010. – 560 с.

<http://www.novajagazeta.ru> (с дополнительными материалами по теме вы можете познакомиться во второй части пособия).

Тема 3. Написание заявки на журналистское расследование на основе проанализированного текста журналистского расследования

Обозначьте тему и идею журналистского расследования.

Придумайте ваш варианты заголовков текста (не менее 3).

Обозначьте ключевой вопрос материала.

Найдите и запишите основные тезисы материала.

Обозначьте основные статистические данные к материалу, их источники.

Какие эксперты и комментаторы привлечены? Каковы критерии их выбора?

Каков ответ на ключевой вопрос материала, вывод. Ваш вариант ответа и вывода.

8. Обозначьте иллюстративный материал (с дополнительными материалами по теме вы можете познакомиться во второй части пособия).

Тема 4. Составление предварительных материалов журналистского расследования (досье и резюме – на основе анализа предлагаемого материала)

Какие открытые источники использовались?

Какие открытые источники можно использовать дополнительно?

Какие базы данных использовались?

Какие базы данных можно использовать дополнительно?

Какую эксклюзивную информацию можно использовать для проведения данного журналистского расследования?

Какие предварительные выводы на основе проанализированной информации можно сделать?

Литература

Журналистское расследование: История метода и современная практика / Под общ. ред. А.Д. Константинова. – СПб., М., 2001. – С. 333-378.
Тертычный А. А. Расследовательская журналистика: Учебное пособие для вузов. – М., 2002. – С. 176-186 (С дополнительными материалами по теме вы можете познакомиться во второй части пособия).

Тема 5-6. Анализ студенческих заявок на проведение журналистского расследования

Обозначение и краткое описание темы.

Обозначение цели и ключевого вопроса расследования.

Варианты названий материала (не менее 3).

Возможные варианты ответа на ключевой вопрос.

Обозначение первоначальных версий причин случившегося, обозначение основных тезисов материала.

Предварительное обозначение и оценка круга потенциальных источников информации.

Возможный иллюстративный материал.

Тема 7-8 Анализ студенческих досье и резюме (тема по выбору)

Какие открытые источники использовались?

Какие открытые источники можно использовать дополнительно?

Какие базы данных использовались?

Какие базы данных можно использовать дополнительно?

Какую эксклюзивную информацию можно использовать для проведения данного журналистского расследования?

Какие основные выводы и предложения делает автор в резюме?

Какие выводы могли бы сделать из проанализированной информации вы?

Тематика курсовых и дипломных работ

Журналистское расследование с точки зрения «островной журналистской школы»

Журналистское расследование: метод, жанр, сверхтекст?

Расследовательское творчество Марка Твена

Уроки «разгребателей грязи»

Джордж Линкольн Стеффенс, опозоривший Америку (слабейшие мастера выдающегося макрейдера)

Итоги и уроки «Уотергейтского дела»

Г. Вальраф против «Бильд»

Расследовательская публицистика В.Г. Короленко

Расследования-репортажи В.А. Гиляровского

Очерки-расследования В. М. Дорошевича

Современные журналистские расследования в США (авторы по выбору)

Расследовательское творчество Аркадия Ваксберга

Мастерство журналистского расследования (Ю. Щекочихин, А. Политковская, И. Домников, Ю. Холодов, А. Минкин, О. Лурье, Л. Никитинский, Р. Шлейнов, Р. Анин и другие – авторы по выбору)

Журналистское расследование в современных российских СМИ (темы, проблемы, авторы – «Совершенно секретно», «Версия», «Новая газета», «Московский комсомолец» и др.)

Расследовательская направленность как типформирующий элемент современных российских СМИ

Оперативно-розыскная деятельность и журналистское расследование: в поисках взаимодействия

Журналистское расследование и «слив» (на примере современных российских СМИ)

Российская расследовательская журналистика: современные тенденции и перспективы

Американская расследовательская журналистика: современные тенденции и перспективы

Примерный перечень вопросов к экзамену

Предыстория журналистских расследований в США (19-й век). Марк Твен.

Эпоха «макрейкеров».

«Уотергейтское дело».

История журналистских расследований в Германии. Гюнтер Вальраф.

История журналистских расследований в Швеции. Ян Гийо и Питер Бретт.

Предыстория журналистских расследований в России (19-й век).

Современная расследовательская журналистика в России. СМИ, авторы.

Журналистское расследование как метод.

Барьеры на пути журналистского расследования.

Методика и схема проведения журналистского расследования.

Первоначальные этапы расследования (этапы определения направления поиска).

Этапы сбора и обработки материалов расследования.

Источники информации: классификация, методика приобретения и использования.

Использование специальных методик поиска информации при журналистском расследовании.

Этапы написания текста расследования. Концепция, композиция, стиль.

Жанровые варианты расследования.

Проблемы и правила юридической безопасности при проведении журналистского расследования.

Правила физической безопасности при проведении журналистского расследования.

Рекомендуемая литература (основная)

Журналистское расследование: История метода и современная практика / Под общ. ред. А. Д. Константинова. – М. : АСТ; СПб. : Астрель – СПб, 2010. – 699 с.

Рекомендуемая литература (дополнительная)

Белянинов К. Господа с гексогеном / К. Белянинов. – М.: ЗАО Издательский центр газеты «Московская правда» совместно с ЗАО «Редакция газеты «Московская правда», 2003. – 128 с.

Берлин М. Краткое руководство по проведению журналистского расследования / М. Берлин / Пер. с англ. – М. : Национальный институт прессы, 1995. – 10 с.

Вальраф Г. Нежелательные репортажи: Сборник / Г. Вальраф / Пер. с нем. ; составл. и предисл. В. Стеженского. – М.: Радуга, 1982. – 296 с.

Вальраф Г. На самом дне / Г. Вальраф // Вальраф Г. Репортер обвиняет: Пер. с нем. / Сост. М. Г. Федоров; Предисл. М. В. Зоркой; Коммент. Н. А. Кайтмазовой. – М. : Прогресс, 1988. – 400 с.

Ворошилов В. В. Исследование и расследование в журналистике / В. В. Ворошилов // Социология журналистики: Очерки методологии и практики. – М. : Гендальф, 1998. – С. 127-151.

Выборы и журналистское расследование. – М. : Права человека, 2001. – 216 с.

Дело № 1. П. Грачев против В. Поэгли. – М. : Права человека, 1996. – 112 с.

Дело № 2. Республика Калмыкия против «Советской Калмыкии». – М. : Права человека, 1997. – 120 с.

Константинов А. Д. Коррупцированный Петербург: Документальные очерки / А. Д. Константинов. – СПб. : Фолио-Пресс, 1997. – 448 с.

Константинов А. Д. Бандитский Петербург / А. Д. Константинов. – СПб. : Издательский Дом «Нева»; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 543 с.

Корпункт в Беслане: Свидетельства очевидцев. Журналистские расследования. – М. : Новая газета, 2005. – 208 с.

Краткий юридический справочник для журналиста. – М. : Права человека, 1997. – 208 с.

Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М. : Права человека, 1997. – 128 с.

Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М. : Галерея, 1999. – 440 с.

Рэндалл Д. Универсальный журналист / Д. Рэндалл. – 3-е изд., испр. и доп. – Великий Новгород; Санкт-Петербург, 1999. – 369 с.

Станько А.И. Журналистское расследование в СМИ / А.И. Станько. – Ростов-на-Дону : Региональный общественный фонд поддержки писателей и литераторов Дона – издательство «Литфонд», 2004. – 112 с.

Тертычный А. А. Расследовательская журналистика / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 384 с.

Уллмен Д. Журналистские расследования: современные методы и техника / Д. Уллмен. – М. : ВИАЛАНТА, 1998. – 224 с.

Чистые перья: сборник журналистских расследований (1999–2001). – М.: Галерея, 2001. – 272 с.

Шум Ю. А. Журналистское расследование: методические рекомендации / Ю. А. Шум. – М.: Фонд защиты гласности, Барс, 2000. – 118 с.

Шум Ю. А. Журналистское расследование: от теории к практике / Ю. А. Шум. – М. : Галерея, 2002. – 164 с.

Электронные ресурсы

<http://www.FLB.ru>

<http://www.muckraker.org>

<http://www.novajagazeta.ru>

<http://www.sovsekretno.ru>

<http://www.stringer-news.ru>

Часть 2. Дополнительные материалы по темам лабораторных занятий

Тема 1. Расследовательская публицистика Владимира Галактионовича Короленко. «Мултанское жертвоприношение».

*Алексей Ракитин**

Мултанское жертвоприношение

Хроника расследования загадочного убийства
К. Матюнина (Россия, 1892–96 гг.)

Начало 90-х годов 19-го столетия для жителей Вятской губернии выдалось непростым. Два подряд неурожайных года сильно ударили по достатку крестьянских хозяйств, а двинувшаяся летом 1891 г. по Волге и Каме эпидемия тифа грозила выкосить все трудоспособное население. Чтобы помочь жителям края, государство стало выдавать всем нуждающимся беспроцентные «хлебные ссуды». Полученное зерно можно было потратить на посев или на пропитание; государство никак не ограничивало крестьян в этом вопросе, что, конечно же, явилось немалым подспорьем для нуждающихся людей.

Жители Старотрыкской волости Малмыжского уезда страдали от недорода и эпидемии тифа в той же степени, что и их соседи по губернии. Однако в самой волости не все деревни оказались в одинаковом положении; некоторым деревням везло – на их полях в достатке колосилась пшеница, а тиф обходил стороной. Село Старый Мултан, заселенное преимущественно вотяками (дореволюционное название удмуртов), оказалось как раз таким островком благополучия: из 95 дворов только 13 попросили в 1891 г. о выделении им «хлебной ссуды», тифа же ни том году, ни в последующем в Старом Мултане не было вообще.

Деревни Старый и Новый Мултан, разделенные всего 2 километрами лесной дороги, были населены в основном предста-

вителями вотской народности, принадлежавшей к уральской семье народов. Их ближайшие соседи – деревни Анык и Чулья – напротив, были по составу населения в основном русскими.

Именно в этих местах весной 1892 г. развернулись события, вошедшие в историю отечественного судопроизводства под названием «дела о Мултанском жертвоприношении».

Во второй половине дня 5 мая 1892 г. 16-летняя девушка по фамилии Головизнина, проживавшая в деревне Анык, отправилась к своей бабке в соседнюю деревню Чулья. Собственно, между этими населенными пунктами существовали две дороги: одна – широкая, в обход леса, по которой можно было проехать и всаднику, и повозке, вторая – узкая тропа по заболоченной низине через лес. Девушка отправилась напрямиком.

Буквально в четырехстах метрах от края деревни Атык она обнаружила человеческое тело, лежавшее ничком поперек тропы. Лежавший был одет в мужскую одежду: коричневый «азям» (род двубортного кафтана без пуговиц, подвязываемый кушаком или веревкой) из-под которого выглядывала рубашка в синюю полоску, темно-коричневые штаны, на ногах – лапти, за плечами – котомка. Судя по одежде, это был мужчина, но лица лежавшего Головизнина не видела, поскольку на его голову была наброшена пола кафтана. Лежавший словно укрывался «азямом». Место, где находилось тело, было топким, болотистым; для того, чтобы грунт не проваливался под ногами, местные жители накидали здесь небольшие бревнышки. Человек лежал прямо на этих бревнышках, причем его ноги и плечи свешивались, едва касаясь луж справа и слева от тропы.

Писатель и журналист В. Г. Короленко, заинтересовавшийся «мултанским делом», через два с половиной года побывал на этом месте и в одной из своих 12 статей, связанных с ним и опубликованных в альманахе «Русское богатство», так описал увиденное: «Трудно представить место более угрюмое и мрачное. Кругом ржавая болотина, чахлый и унылый лесок. Узкая тропа, шириной менее человеческого роста, вьется по заросли и болоту. С половины ее настлан короткий бревенник вроде гати, между бревнами нога сразу уходит в топь по колено; кой-

где между ними проступают лужи, черные, как деготь, местами ржавые, как кровь. Несколько досок, остатки валежника и козлы из жердей обозначают место, где нашли труп Матюнина и где его караулили соседние крестьяне...»

Головизнина, увидав лежавшее поперёк тропы тело, даже не подумала, что видит труп. В самом деле, мужик в подпитии мог уснуть в самом неожиданном месте, эка невидаль! Проспится – пойдет дальше.

Девушка обошла тело и отправилась своей дорогой дальше, совершенно позабыв об увиденном.

На следующий день – 6 мая 1892 г. – Головизнина отправилась обратно – из Чульи в Анык. На том же самом месте она опять увидела ничком лежавшее тело. Только теперь пола «азяма» была откинута и ясно было видно, что ... тело лишено головы. Там, где должна была быть шея, чернела страшная кровавая рана.

Девушка бегом бросилась к дому. Полицию вызвал ее отец.

Первый полицейский появился возле трупа около полудня 8 мая. Это был урядник Соковников. При помощи сотского деревни Анык он организовал охрану места. Хотя, конечно, об охране места происшествия в данном случае нужно говорить весьма условно: все-таки трое суток тело пролежало на тропе вне всякого присмотра и если бы кто-то хотел обыскать или перенести труп, то ничто ему в этом помешать не могло.

Через двое суток – 10 мая 1892 г. – возле тела появился пристав Тимофеев. Именно этот человек составил документ, послуживший основанием для возбуждения уголовного дела: акт осмотра места обнаружения трупа. Этот документ зафиксировал следующие существенные для понимания дела обстоятельства:

– края раны красные, кровавые, стусок крови полностью заполнил трахею (наподобие пробки), что могло произойти только в том случае, если при отделении головы сохранялось сердцебиение. Это означало, что отрезание головы было прижизненным;

– под правым плечом трупа обнаружена ровно остриженная прядь белокурых волос;

– голова погибшего, несмотря на проведенное прочесывание окрестностей, так и не обнаружена;

– лапти погибшего были чисты, хотя и мокры. Это свидетельствовало о том, что погибший не пришел сюда самостоятельно – его принесли;

– кафтан и исподняя рубашка погибшего имели обширные кровавые потеки, что вполне соответствовало характеру причиненного ранения, однако на предметах, окружавших труп, следов крови обнаружено не было. Это наблюдение подкрепляло предположение о посмертной переноске тела;

– хотя руки погибшего были запроплены в рукава «азяма», его воротник едва подходил под лямки заплечной котомки; кроме того, отсутствовал кушак, которым надлежало подпоясывать «азяма». Это могло свидетельствовать о том, что кафтан надевали уже на труп (отметим, что в тот момент никто подобного вывода не сделал и «акт» пристава Тимофеева не содержит этого заключения);

– рядом с трупом отмечена обширная вытопанная ногами площадка. По словам свидетельницы Головизниной, 5 мая ее не было. Это указывало на то, что значительное число людей подходило к трупу в период с 5 по 10 мая 1892 г., но никто из них не захотел сообщать органам власти об обнаружении тела и в последующем так и не сознался в том, что был на этом месте;

– при осмотре заплечной котомки погибшего была обнаружена справка уездной больницы, удостоверяющая полное здоровье Конона Дмитриевича Матюнина. Из справки следовало, что этот человек был родом из деревни при Ныртовском заводе Казанской губернии. Пристав предположил, что погибший является именно Матюниным. В последующем предположение это нашло подтверждение.

Под актом, составленным приставом Тимофеевым, в ряду подписей понятых при осмотре стоит и подпись некоего Сосипатра Кобылина. Этот крестьянин из деревни Анык оказался в числе тех добровольных помощников полиции, чье участие весьма сильно повлияло на весь ход расследования. Именно Сосипатр рассказал приставу о том, что вотяки приносят лю-

дей в жертву своим богам; у них это называется «замолить человека». Присутствовавшие при составлении акта русские крестьяне из деревни Анык дружно восклицали, что «содеянное – дело рук вотяков!» Хотя присутствие этой массовки не нашло отражения в акте осмотра места, само по себе оно не прошло бесследно. Пристав Тимофеев, закончив работу, постановил, что труп надо везти в Старый Мултан.

Это было очень странное решение: тело Матюнина было обнаружено на земле, приписанной к общине деревни Анык. Именно эта община должна была принять труп на сохранение до его передачи в волость, именно ей надлежало снарядить транспорт для перевозки трупа и т.п. Вместо этого пристав постановил «везти тело к вотякам» и это внешне выглядело не только незаконным, но даже немотивированным. Но на самом деле мотив был, просто он поначалу не попал в следственные документы.

В то самое время, когда пристав Тимофеев осматривал труп и окружающую обстановку к нему несколько раз обращались вотяки, в числе прочих крестьян стоявшие поодаль и наблюдавшие за его действиями. Они пытались указать полицейскому на следы крови, видневшиеся на набросанных в топком месте бревнах, чем вызвали раздражение пристава. Когда некоторые из вотяков приблизились к Тимофееву и протянули ему окровавленные щепы, поднятые перед тем с земли, пристав окончательно разъярился – со словами «да нету здесь никакой крови!» он забросил щепки в болото и спросил у мужиков, кто они такие? Вотяки признались, что все они являются жителями Старого Мултана. Их желание помочь следствию пристав воспринял с недоверием, а если вспомнить, что русские крестьяне в один голос твердили о «вотяцких жертвованиях», то нетрудно понять, сколь недружелюбно к вотякам оказался в конце-концов настроен Тимофеев.

На предоставленной крестьянами телеге полицейские перевезли труп к окраине Старого Мултана. Там по их приказу вотяки вырыли яму глубиной около аршина и натаскали в нее льда и снега из своих погребов; в этот самодельный ледник опустили труп Конона Матюнина, обернутый рогожей, и присыпали его

землей. Сделано это было для того, чтобы по возможности лучше сохранить тело для патологоанатомического исследования. Аутопсию должен был провести уездный врач, который в тот момент был очень занят ввиду активно развивавшейся эпидемии тифа. У временного захоронения был выставлен караул из местных жителей, кроме того, в селе был оставлен один из помощников пристава. Ему надлежало следить, чтобы до приезда доктора никто не смел вскрывать могилу Матюнина.

На этом, можно сказать, исчерпывается первая часть «дела об убиении крестьянина Конона Матюнина». В тот момент никто из должностных лиц, прикосновенных к расследованиям уголовных преступлений в губернии, даже предположить не мог, каковой же окажется будущность этого рядового, на первый взгляд, расследования.

В течение всего мая труп Матюнина лежал в охраняемой караулом яме, но даже там он не обрел покоя. В середине месяца караулившие временное захоронение мужики стали жаловаться на запах разложения, досаждавший им. Пристав приказал выкопать тело и «подкинуть в яму снега». Во время исполнения этого приказа кому-то пришло в голову не просто опять закопать тело, а устроить над ним настил из досок. Идея была хороша, благодаря этому можно было не бояться повредить тело при последующем выкапывании. Пристав Тимофеев одобрил предложение и труп Матюнина при повторном захоронении положили под доски.

Однако неприятности этим не были исчерпаны. Лед во временном захоронении постепенно подтаивал и через десять дней под досками образовалась пустота. Во время сильного ливня одна из досок треснула и грязь затопила могилу. Пристав приказал снова извлечь тело на поверхность, «привезти поболее снега и льда» и опять захоронить убитого.

Помимо этих перипетий с трупом Матюнина следственные силы, представленные в тот момент приставом Тимофеевым и волостным старшиной Попугаевым, занимались в Старом Мултани и другими важными делами: явившись в дом к Григорьеву, полицейские вполне корректно провели допрос 90-летнего

старца. У него расспрашивали про верования вотяков, про то, каким образом он лечит людей и пр. Григорьев спокойно отвечал на задаваемые вопросы, в частности объяснил, что уже несколько лет тому назад «обезножел» (т. е. не владеет ногами) и из дома практически не выходит. Он не признал того, что занимается или занимался в прошлом отправлением каких-либо вотяцких религиозных ритуалов, и утверждал, что никогда не почитался среди вотяков шаманом. Также выяснилось, что дети Андрея Григорьева уже умерли и фактически он одинок.

Для полицейских не являлось секретом то обстоятельство, что в Старом Мултани многие вотяки сохраняли верность традиционным религиозным верованиям, для чего сооружали так называемые «родовые шалаши». Для их осмотра в Старый Мултан 17 мая 1892 г. приехал помощник окружного прокурора Раевский. Выяснить ему удалось следующее: в деревне существовало два «родовых шалаша», в которых вотяки приносили жертвы покровителям своих родов. О верованиях прародителей удмуртского (вотяцкого) народа подробнее будет сказано ниже, пока только следует заметить, что практически каждый род имел свой объект особого поклонения, как правило это был какой-либо прославленный шаман, выходец из этого рода. Утрированно говоря, каждое племя поклонялось своим «святым» и в своем «святом месте», не посещая чужие «родовые шалаши» и не участвуя в праздниках соседей-вотяков. В Старом Мултани жили представители двух удмуртских племен: учурки и будлуки. К первым принадлежали 13 семей, ко вторым – 64 (ещё около 40 семей были русскими). Соответственно, имелись два «родовых шалаша», в которых приносились жертвы разным покровителям родов.

Внимание помощника прокурора привлёк «родовой шалаш», построенный в саду возле дома вотяка Моисея Дмитриева. Дмитриев был зажиточным крестьянином, он владел домом расположенным практически в самом центре деревни по соседству со зданием, где располагалась деревенская управа и так называемая «становая квартира» (помещение, в котором останавливались проезжавшие через населенный пункт долж-

ностные лица). Раевский произвёл осмотр «родового шалаша» 17 мая 1892 г. Оказалось, что это весьма незатейливое строение, образованное двумя рядами жердей, внаклонку приставленных к горизонтально расположенному бревну, закрепленному на высоте 1,6 м. Внутри шалаша были найдены следы костра. Любопытной находкой можно считать икону Святого Николая Чудотворца, которая была закреплена наверху, под самым коньком крыши. Следует отметить, что и во втором «родовом шалаше» также был найден образ того же самого христианского святого.

В обоих «родовых шалашах» была найдена посуда, связанная с жертвоприношениями. Это были миски и тазики, запачканные застарелой почерневшей кровью, с налипшими перьями птицы и шерстью животных. Может показаться странным, но никто не удосужился изъять эту посуду во время первого осмотра. По утверждению Дмитриева он не пользовался жертвенной посудой с самой Пасхи, т.е. более полутора месяцев.

В начале лета в Старый Мултан наконец-таки приехал уездный врач по фамилии Минкевич, который 4 июня и провел вскрытие тела Матюнина. Результат этой процедуры оказался совершенно неожиданным: выяснилось, что помимо отрезания головы, над телом были осуществлены и иные весьма непростые манипуляции. На трупе был обнаружен обширный и глубокий разрез, начинавшийся в верхней части тела и достигавший на спине пятого ребра. При нанесении этого разреза были разрушены ключица и пять ребер в самой толстой их части, рядом с позвоночником. Помимо этого полностью были разделены довольно толстые в этом месте мышцы спины. Разрез этот был причинен не единичным ударом топора или кавалерийской шашки, а явился следствием нескольких последовательных ударов.

Упомянутое повреждение не было обнаружено ранее по той причине, что его полностью скрывала нательная рубаха погибшего.

При вскрытии грудной полости выяснилось, что сердце и оба легких отсутствуют. Другими словами, эти органы были извлечены через разрез в верхней части тела. В акте вскрытия доктор Минкевич особо подчеркнул, что внешний осмотр не

позволял установить факт извлечения органов. Другими словами, труп отнюдь не разваливался на части; разрез в верхней части был сравнительно небольшим, около 20 см. длиной.

Доктор зафиксировал отсутствие ран на животе. На ногах погибшего Минкевич обнаружил следы сдавления. Впоследствии это место акта вскрытия дало повод к различным толкованиям природы найденных синяков, но сам доктор прямо заявлял, что упомянутые сдавления были оставлены не веревкой.

На основании вышеизложенного Минкевич заключил, что причиной смерти Матюнина послужило отсечение головы. По времени нанесения это было первое ранение. Рассечение торса и извлечение органов из грудной полости было осуществлено позже, но примерно в то же время, что и отделение головы. Свою точку зрения Минкевич обосновал следующим логическим заключением: чтобы извлечь органы из грудной клетки, края раны в верхней части туловища надлежало широко раздвинуть. Это можно было сделать без особых затруднений до тех только пор, пока подвижность ее краев не ограничило трупное окоченение. В принципе, приложив известное усилие, края раны можно было раздвинуть и потом, когда труп уже находился в состоянии окоченения, но в этом случае разрез обратно не сомкнулся бы, а так бы и остался в раскрытом виде. Нательная рубаша в этом случае не смогла бы скрыть сильной деформации тела, и на это, вне всякого сомнения, обратили бы внимание полицейские, появившиеся возле тела Матюнина 8 мая. Поскольку тело не выглядело деформированным, значит, края раны после извлечения органов вернулись в исходное положение, а это было возможно только в том случае, если труп не находился в состоянии окоченения. Между убийством Матюнина и извлечением его органов прошло не более 12 часов – таково было заключение врача.

Если до патологоанатомического исследования трупа Матюнина версия о ритуальности убийства воспринималась многими должностными лицами с известной долей скепсиса, то теперь необычный характер преступления стал очевиден всем. Не составляло секрета то обстоятельство, что вотяки приносили в жертву своим богам разнообразную живность – барашков,

куриц, уток – причем они не просто убивали жертвенных животных, а извлекали и сжигали их внутренние органы. То, что из тела Матюнина оказались извлечены сердце и легкие, которые не удалось обнаружить рядом с телом, получило однозначное толкование: внутренние органы были принесены в жертву.

После осмотра шалаша полицейские вместе с помощником прокурора явились в дом Моисея Дмитриева и потребовали от него добровольно выдать жертвенные инструменты. Поскольку Дмитриев повинную не принёс и упорно отрицал сам факт какого-либо жертвоприношения после Пасхи 1892 г., его дом подвергся тщательному обыску. Никаких особых инструментов, указывавших на причастность Дмитриева к кровавому ритуалу, найдено не было, зато удалось найти полотняный пестерь (вид заплечной котомки), покрытый липкими потеками красной жидкости. Хотя хозяин пестеря пытался убедить полицейских, что красные следы на котомке – это всего лишь ягодный сок, его никто не хотел слушать. Пестерь был приобщен к делу в качестве улики, а Дмитриев немедленно был взят под арест. Кроме того, в качестве улики был приобщён и кафтан Моисея, весь в пятнах весьма подозрительного цвета. В те дни ни сам Моисей, ни его соседи даже представить не могли, что арест этот затянется на многие месяцы!

Дело о «мултанском жертвоприношении» интересно в первую очередь тем, что в его фабуле очень заметно влияние полицейского фактора (сейчас бы его назвали «оперативной работой»). Следствие развивалось не сообразно своей внутренней логике (т.е. показаниям свидетелей или анализу улик), а благодаря вбрасыванию неизвестно откуда появлявшейся информации. То есть на самом-то деле источник этой информации был очевиден – сплетни обывателей – но прямо об этом нигде не говорилось. Для сбора информации в Старый Мултан и близлежащие деревни были командированы полицейские в младших чинах, которые сообразно своему развитию и представлению о мире коллекционировали и сообщали руководству разнообразные слухи. Полицейские регулярно ротировались, но это обстоятельство не приводило к улучшению их работы. Этот са-

мый «полицейский фактор» с одной стороны очень сильно помог делу (без него бы следствие само собой очень быстро сошло на нет), а с другой – явно загубил расследование, придав ему черты кафкианского безрассудства.

Чтобы нагляднее проиллюстрировать этот тезис, можно рассказать об активной работе урядника Рагозина, деятельно воплотившего в жизнь требование полицмейстера об установлении иных случаев человеческих жертвоприношений вотяками. Должно быть, урядник сам по себе был человеком неплохим, во всяком случае, дотошным и исполнительным, однако при исполнении команды начальства его рвение никак не коррелировалось со здравым смыслом. Узнав, что двадцать лет назад в одном из соседних с Мултанами сел утонул мальчик, Рагозин заподозрил, что на самом-то деле утопление маскировало жертвоприношение! Трудно сказать, что питало такую неожиданную догадку, но урядник несмотря на давность лет сумел установить фамилию утонувшего ребенка и отыскал его мать. Мать отрицала факт насилия над сыном и уверяла полицейского в естественной причине случившегося. Впрочем, свидетелей, видевших труп утопленника, в селе уже не осталось: отец ребенка и священник, его отпевавший, умерли, соседи же отговаривались незнанием деталей. Все это чрезвычайно заинтересовало полицейского. С удивительной проницательностью Рагозин заподозрил в сбивчивом рассказе матери и ее волнении страх из-за возможной расправы вотяков. Хотя мать погибшего так и не признала ритуальную подоплеку смерти сына, урядник написал рапорт, в котором заявил, что не верит ей. Рапорт не только попал в официальное следственное производство, но впоследствии фигурировал и в обвинительном заключении, и в судах по делу «о мултанском жертвоприношении» как документ, доказывающий реальность принесения вотяками человеческих жертв. Сам Рагозин вызывался в суды как свидетель обвинения, хотя, повторим, этот человек не мог даже устно объяснить, кого же и в чем именно уличают его бестолковые розыски.

Впрочем, история с «рагозинским расследованием» произошла несколько позже описываемых событий. В конце мая и в

июне 1892 г. полиция деятельно занималась розысками в Старых Мултанах. Первыми жертвами активности деревенских детективов стали ... два местных дурачка: Михаил Титов и Константин Моисеев. Понятие «деревенские дурачки» надлежит понимать буквально – это были молодые люди с врожденными дефектами личности, в любом сколь-нибудь крупном человеческом сообществе можно видеть таких людей. Они абсолютно безопасны (опасные для окружающих просто не выживают в деревенском коллективе), способны выполнять монотонную крестьянскую работу, и деревенская община обычно относится к дурачкам вполне терпимо. Во всяком случае, обидеть такого жалкого человека считается большим грехом и даже крестьянские дети воспитаны таким образом, что никогда не смеются над убогими. И вот именно с задержания двух местных дурачков взыскательная полицейская власть начала розыск убийц, помогавших Моисею Дмитриеву в заклании бедного Конона Матюнина.

Михаил Титов был племянником самого пожилого жителя Старых Мултан – Андрея Григорьева. Григорьев, по слухам, собранным полицейскими, был самым известным местным шаманом. Так что арест Титова в каком-то смысле можно считать неслучайным. Но вот чем уряднику Соковникову не понравился Константин Моисеев, сказать трудно. Ясно было с самого начала, что ни Титов, ни Моисеев, не могли принимать участия в убийстве Матюнина именно в силу присущих им умственных болезней. Тем не менее, повторим, именно с них начался розыск. Надо сказать, что Соковникову деятельно помогал волостной старшина Попугаев.

Обоих молодых людей бросили в «холодную», в погреб. Запугиваниями и бранью заставили отвечать на вопросы (Михаила Титова, кстати сказать, еще и побили). Константин Моисеев вроде бы вспомнил, что как-то под вечер в начале мая в Старый Мултан привёл какого-то нищего Семен Красный. Последний был сотским, главой крестьянской общины и отвечал в деревне за все: назначал селян в наряды, следил за отправлением повинностей и пр. Семен Красный (другая его фамилия – Иванов) отвел нищего бродягу к суточному дежурному, в обязанности

которого входило размещение в своем доме проезжающих через деревню. Все путешественники «по казенным надобностям» останавливались на ночлег в «казенной квартире», а те, кто путешествовал частным образом, должны были ночевать у суточного дежурного. Таковым в ночь на пятое мая в селе Старый Мултан был Василий Кондратьев. Таким образом полицейские допросом Моисеева добились свидетельства сразу против двух человек – сотского Семена Красного (Иванова) и суточного дежурного Кондратьева, каковых и арестовали.

Побитый после отсидки в «холодной» Титов признал, что «дедушка Акмар» (т.е. шаман Андрей Григорьев) занимается надомным лечением и к нему приходят за разными травами и снадобьями люди из других деревень. От племянника допрашивавшие узнали фамилии двух пациентов сельского лекаря. После этого полицейские явились в дом Андрея Григорьева (Акмара) и арестовали 90-летнего деда. За что именно? Во-первых, за то, что тот был колдуном, а во-вторых, за то, что обманывал полицию, утверждая прежде, будто никого не лечит...

После этого Титов и Моисеев были выпущены на свободу.

Собирая и сортируя различные сведения о задержанных (термина «анализируя» здесь явно не годится, ибо никакого анализа сыщик не проводил), Соковников узнал о том, чем занимался Моисей Дмитриев, хозяин родового шалаша, в начале мая 1892 г. Занятия эти оказались, по мнению урядника, весьма подозрительны: 5 мая Дмитриев повёз вместе с женой муку на мельницу, причем его дорога пролегла неподалеку от той лесной тропинки, на которой был найден обезглавленный труп Матюнина (если быть совсем точным, тропинка вела через болото и отходила от дороги, которая шла вокруг леса). А уже 7 мая Дмитриев отправился в лес по ягоды со своим окровавленным пестерем. Соковников глубокомысленно предположил, что 5 мая Моисей Дмитриев вывез в лес труп Матюнина, а через день – во время похода за ягодами – уничтожил голову убиенного.

Во время похода в лес 7 мая Моисея Дмитриева сопровождал некий Кузьма Самсонов, личность весьма примечательная и не последняя в деревенской иерархии. Это был неофици-

альный забойщик скота, человек, которого сельские приглашали убить свинью или корову. Убить крупное животное, пусть даже домашнее – это своего рода искусство, подразумевающее обладание специфическими знаниями и практическими навыками; далеко не каждый здоровый мужик сможет убить свинью одним ударом ножа в сердце. Самсонов крови не боялся, глаз имел точный, руку – твердую. Ход размышлений урядника Соковникова, думается, особо расшифровывать не надо: Кузьма Самсонов оказался назначен в вотяцкие палачи. Именно он, согласно полицейскому сценарию, убивал Матюнина в родовом шалаше Дмитриева.

Так Кузьма Самсонов пополнил список арестованных. Достойно упоминания то, что жена Моисея Дмитриева, якобы вывозившая вместе с мужем труп Матюнина в лес, арестована не была. Хотя, казалось бы, с полицейской точки зрения эту женщину можно было смело обвинять как в соучастии, так и в недонесении. Тем не менее, жена Дмитриева, вместе с ним ездившая на мельницу 5 мая, осталась на свободе, а Кузьма Самсонов, ходивший с ним в лес 7 мая, попал под арест.

Таким образом, к июлю 1892 г. в Старом Мултане сидели под арестом уже пять вотяков: Моисей Дмитриев, Андрей Григорьев (Акмар), Семен Красный (Иванов), Василий Кондратьев и Кузьма Самсонов. И светлые полицейские умы не придумали ничего лучше, как время от времени подсаживать к ним местную вотяцкую молодежь для того, чтобы «подсадные» пересказывали арестантские беседы. Во всем мире для этого, правда, используются специальные люди, незнакомые арестантам и не имеющие с ними ничего общего, но мултанским «следопытам» чужой опыт был не нужен – им своего было не занимать. «Подсадные» полицейским так ничего интересного и не рассказали, но даже несмотря на это никто из них так и не понял, что использованный прием получения сведений в данном деле был изначально негоден.

Между тем, проведенные медицинской палатой исследования пестеря и кафтана Моисея Дмитриева показали, что крови на них нет. Бурые следы, принятые за кровавые, на самом деле принадлежали ягодному соку. Данное заключение лишало вся-

кого смысла заключение Дмитриева под стражу, поскольку все обвинения в его адрес представлялись не только косвенными, но и голословными.

Дабы изыскать новые улики, было решено провести ещё один обыск как в доме Моисея Дмитриева, так и в принадлежавшем ему «родовом шалаше». Этот обыск был проведён 16 августа 1892 г. К делу в качестве вещдоков были приобщены деревянные миски, корыто, металлический таз, в которые вотяки спускали кровь жертвенных животных; помимо побуревших следов застарелой крови на этой посуде были найдены налипшие перья птицы и шерсть животных. Шерсть, напоминавшая видом человеческие волосы, была отдана на медицинскую экспертизу, которая подтвердила её животное происхождение.

По большому счёту, августовский обыск ничего следствию не дал, поскольку запачканная кровью посуда ни в чём не отличала Моисея Дмитриева (в 1892 г. судебная медицина не умела ещё отличать кровь животных от человеческой). В принципе, такого рода посуду можно было отыскать в любом крестьянском хозяйстве. Тем не менее, изъятые предметы остались приобщёнными к делу и впоследствии фигурировали в суде.

Разумеется, у всякого разумного читателя в этом месте должен возникнуть вопрос: на каком основании к делу приобщаются вещественные следы, не являющиеся существенными для понимания обстоятельств происшествия (а именно так дореволюционная криминалистика трактовала значение слова «улика»). У судьи на одном из судебных процессов по «мултанскому делу» возник такой же вопрос: для чего все эти чашки и плошки из «родового шалаша» предъявляются присяжным, если эти предметы ни в чём не уличают обвиняемых? Судья получил совершенно фантастический ответ.

Как объяснил обвинитель, некто Кронид Васильевич Львовский, кстати, дворянин с высшим образованием и в 1892 г. уездный землемер, рассказал о таком народном способе проверить принадлежность крови: надо дать лизнуть кровавый след собаке. Если собака лизнёт – значит, кровь принадлежит животному, а если лизать откажется – значит, кровь человеческая. Посуду, найденную в «ро-

довом шалаше» Моисея Дмитриева, дали собаке, и та отказалась лизать застарелую кровь. На основании этого наблюдения следствие глубокомысленно заключило, что посуда испачкана именно человеческой кровью. То очевидное соображение, что животное просто-напросто могло отказаться от протухшей крови, пролитой почти полгода назад (а с Пасхи 1892 г., когда приносились последние жертвоприношения в шалаше Дмитриева, минуло более 5 месяцев), никому в голову почему-то не пришло. Следует отметить, что и полицейский врач, и местные ветеринары отмежевались от народного способа проверки принадлежности крови, заявив, что наука ничего не знает о брезгливости собак к человеческой крови, однако следствие во главе с Раевским поспешило уверовать в справедливость удивительных советов Кронида Львовского. Надо сказать, что уездный землемер, подкинувший столь «удачный» совет следствию, проявлял большой интерес к «мултанскому делу», в силу чего его фамилия ещё не раз будет здесь упомянута.

После того как командировка урядника Соковникова в Старый Мултан окончилась, ему на смену прибыл урядник Жуков. Арестованные были отправлены в Вятку, в губернскую тюрьму. Новый урядник поначалу повел себя как бы отстраненно от розысков, создавая видимость, будто перед ним не ставится задача поиска новых обвиняемых. Жуков интересовался жизнью селян, знакомился с ними; у местного кулака Василия Кузнецова урядник попросил 10 рублей «на мундир». Кузнецов полицейскому деньги дал. Через два месяца Жуков попросил у него еще 15 рублей. Кузнецов не понял скрытого подтекста происходящего и простодушно ответил полицейскому, что тот все еще не вернул данный ему прежде червонец. Жукову не понравился ответ Василия Кузнецова и он тут же вспомнил то, что именно этот крестьянин состоял в деревенском карауле в ночь с 4 на 5 мая 1892 г. (ночной караул – одна из обязанностей в интересах общины, которая исполнялась по очереди всеми ее членами. Караульный не спал по ночам, а обходил улицы деревни со специальной деревянной колотушкой, которая при потряхивании гремела. В обязанности караульного входило предотвращение краж скота, поджогов и даже помощь подвыпившим односель-

чанам. В принципе, богатые крестьяне брезговали подобным бесцельным времяпровождением и нанимали вместо себя в ночной караул сельских бедняков. Помимо караула были и другие общественные обязанности: принятие на постой идущих через деревню богомольцев и путешественников, предоставление подвод по требованию уездного начальства и т.п.).

Жуков сообщил приставу Тимофееву, своему непосредственному начальнику, о «подозрительном поведении» Василия Кузнецова. Пристав распорядился немедленно арестовать последнего. Так в деле о «мултанском жертвоприношении» появился еще один подозреваемый (непонятно, правда, в чем). Особый комизм происшедшего заключался в том, что Кузнецов, во-первых, был по национальности русским, а во-вторых, истинным христианином. Василий являлся старостой местной православной общины, которая объединяла жителей не только Старого Мултана, но и некоторых окрестных деревень. В момент ареста Кузнецова полицейские, видимо, этого не знали; когда же они сообразили, что сотворили изрядную глупость, ситуацию отыграть назад уже не представлялось возможным.

К уряднику явился местный православный батюшка и принялся корить Жукова за его «безрассудства». Священник (к сожалению, его имя и фамилию не удалось установить) напомнил полицейскому, что православный храм стоит в Старых Мултанх уже 40 лет и многие вотяки искренне приняли христианскую веру; если бы в среде вотяков действительно совершались человеческие жертвоприношения, это не удалось бы скрыть от русских. Между тем, по уверениям священника, он никогда не слышал о том, чтобы такие человекоубийственные обряды действительно осуществлялись местными жителями. Жуков прогнал батюшку. Примечательно, что священника даже не допросили официально, хотя следственные власти при рассмотрении вопросов, связанных с преступлениями на почве религиозных верований, почти всегда интересовались суждениями местных священников. В данном случае мнение приходского священника до такой степени не совпадало с общей линией расследования, что было решено его просто проигнорировать.

К слову сказать, нежелание местного священника пойти на поводу следствия имело для него весьма неприятные последствия: в скором времени в Старый Мултан был направлен новый священник по фамилии Ергин, показания которого оказались приобщёнными к делу. Молодой священник вскоре после своего назначения стал свидетелем отправления вотского религиозного обряда, во время которого большая группа удмуртов всех возрастов плясала на опушке леса. Ергин подошёл к вотякам, вступил с ними в беседу, которая проходила в самом миролюбивом тоне. Никаких жертвоприношений во время церемонии не приносилось и в общем-то весь этот инцидент имел самый безобидный характер. Показания Ергина показались интересны следователю Раевскому на том основании, что священник сообщил, что видел в числе присутствовавших на опушке леса мать Василия Кузнецова, упомянутого выше старосты православной общины Старого Мултана. Следователь из этого факта сделал далеко идущий вывод: Кузнецов некрепок в православной вере, раз его мать молится вместе с вотяками. Разумеется, данное умозаключение ни в чём Василия Кузнецова не уличало, но бросало на него тень.

В своём стремлении очернить обвиняемых следствие переходило всякие границы юридической корректности и здравого смысла. Даже средневековая инквизиция считала безрассудством обвинять детей в грехах родителей (и соответственно, наоборот). В «мултанском» же «деле», на исходе 19-го столетия помощник прокурора пытался представить религиозное инакомыслие матери обвиняемого как улику против него.

По версии обвинения события 4 мая 1892 г. в Старом Мултани разворачивались следующим образом: Василий Кузнецов поздним вечером того дня задержал на окраине Старого Мултана Конона Матюнина и доставил его к сотскому Семену Красному (Иванову). Тот отвел бродягу к Василию Кондратьеву, чей дом в ту ночь был назначен «казенной квартирой» (т.е. предназначен для ночевки проходящих через село путников). Далее Красный и Кондратьев, действуя по предварительному сговору, оповестили Моисея Дмитриева о том, что есть подходящий для

жертвы человек, и Дмитриев занялся необходимыми для ритуального убийства приготовлениями. Василий Кузнецов якобы все это знал, но в происходящее не вмешивался, т.е. фактически являлся соучастником преступления.

Неспешные труды урядника Жукова привели его к обнаружению замечательного источника информации, который остался неизвестен его предшественнику Соковникову. О Сосипатре Кобылине, жителе села Анык, подписавшем в качестве понятого протокол осмотра места обнаружения трупа Матюнина, упоминалось выше (именно Сосипатр подкинул приставу Тимофееву мысль о ритуальном убийстве). В Старом Мултане проживал его младший брат – Михаил Савостьянович – тоже, кстати, оказавшийся знатоком религиозных верований вотяков. Михаил Кобылин, установив с Жуковым неплохие личные отношения, рассказал уряднику немало любопытного о ритуальных убийствах, совершаемых его земляками. Согласно рассказу Кобылина, вотяки приносят своему «злому богу Курбону» ежегодную жертву в виде жеребёнка, а каждые 40 лет отдаётся на заклание «великая жертва», которой является живой человек-иноверец. Жертвоприношение заключается в том, что человеку отрезают голову и вынимают сердце и печень, которые «тиун» (колдун) затем сжигает в пламени костра. Если следовать этнографическим открытиям Михаила Кобылина, то получалось, что в пантеоне вотяков существуют как злые божества, требующие человеческого жертвоприношения, так и добрые, которые жертвоприношений не требуют. Вотяки, согласно рассказу Михаила Кобылина, приносят в жертву только инородцев и иноверцев (т.е. своих соплеменников не трогают). Последнее обстоятельство весьма примечательно, к нему впоследствии нам еще предстоит вернуться.

Жуков был потрясен откровениями своего нового приятеля и не замедлил сообщить о полученных сведениях в губернию. Михаил Кобылин был вызван в прокуратуру, там под запись в протокол повторил свои этнографические открытия, которые впоследствии попали как в обвинительный акт, так и в протоколы судебных заседаний, на которые Кобылин вызывался в качестве свидетеля обвинения.

В показаниях Михаила Кобылина есть два примечательных момента: источник сообщенных им сведений и наличие личной заинтересованности в исходе рассмотрения дела. В качестве источника свидетель назвал ... некоего нищего вотяка, с которым он вместе пил водку 10 лет назад, т.е. в 1882 г. Ни имени этого вотяка, ни места его жительства Кобылин не знал. Просто за десять лет до «мултанского дела» он пил водку в придорожном трактире и будучи в подпитии человеком весьма щедрым, угостил стопариком какого-то вотяка-бродягу. Тот в благодарность за проявленную милость поведал ему содержательный рассказ о вотяцких жертвоприношениях (не надо смеяться, ведь это свидетельство попало в обвинительное заключение по делу, которое, согласно определению, «является собранием существенных улик»! Хотя, если признавать такие заявления за «существенные улики», то осудить можно вообще любого человека).

Примечательно, что дореволюционное отечественное право весьма скептически относилось к такого рода заявлениям. Для них существовало особое юридическое определение – «утверждение, сделанное с чужих слов». Такого рода утверждения не принимались в качестве доказательств. И тем абсурднее, ненормальнее выглядит то обстоятельство, что в данном случае заявления Кобылина были приняты на веру полностью и безоговорочно; они фигурировали в обвинительном заключении, словно были сделаны непосредственным свидетелем вотяцких жертвоприношений.

Но помимо того, что заявление Михаила Кобылина делалось с чужих слов, существовал ещё один важный момент, фактически лишавший это заявление ценности с юридической точки зрения. Дело было в том, что Кобылин имел причину говорить о вотяках плохо: предыдущей осенью он был уличён в обмане своих односельчан при разделе зерна из т.н. «хлебного магазина». Последний был создан властями для поддержания сельхозпроизводителей в условиях двухлетнего хлебного недорода. Поскольку в Старом Мултане население было весьма зажиточно, то свою квоту сельчане в течение весны и лета 1891 г. не выбрали. Остаток они решили разделить осенью.

Кобылин, будучи распорядителем «хлебного магазина», скрыл от односельчан настоящую величину остатка и раздал не весь хлеб. Ту часть хлеба, что ему удалось скрыть, он со спокойной совестью положил себе в карман; другими словами, Михаил Кобылин банально проворовался. Довольно быстро его незатейливая афера выплыла наружу и соседи-вотяки потребовали вернуть украденное. Кобылин отказался это сделать и насмерть переругался с вотяками; они написали на него жалобу в губернию и проверка подтвердила правоту вотяков. Опасаясь уголовного преследования, Кобылин тут же возвратил украденный хлеб в магазин и поспешил объяснить случившееся тривиальной ошибкой.

Хотя в конечном итоге дело это было замято, можно не сомневаться, что случившееся не прошло для Михаила Кобылина бесследно. Его отношения с мултанскими вотяками оказались испорчены безвозвратно. Понятно, что такой человек был для обвинения очень плохим свидетелем, прежде всего, в силу проявленной им моральной нечистоплотности, а также из-за существования такого вполне очевидного мотива, как сведение счетов с обидчиками. Сам Кобылин это прекрасно понимал, потому до поры не сообщал следствию о некрасивой истории с хищением зерна. Всплыла она гораздо позже, уже перед самым судом, на котором обвинением отводилась Михаилу Кобылину далеко не последняя роль. К этому моменту он стал уже столь важным свидетелем, что отказаться от сотрудничества с ним следствие никак не могло. Можно сказать, что обвинение наступило на собственные грабли, в самом начале не проверив должным образом свидетеля и приняв на веру сказанное им без критического осмысления.

Объективности ради следует сказать, что розыски следствия летом 1892 г. отнюдь не ограничивались Старым Мултаном. «Мелким гребнем» полиция прошла по всему Малмыжскому уезду и отыскала людей, видевших Конона Матюнина в последние дни его жизни. Было установлено, что он покинул Ныртовский завод, где осталась его жена, 20 апреля 1892 г. и, преодолев более 100 км. пешком, в начале мая появился в деревне Кузнерка, по соседству со Старым и Новым Мултанами.

Ночь с 3 на 4 мая 1892 г. он провёл в доме Тимофея Санникова, поскольку в первую неделю мая именно этот дом был назначен «становой квартирой». Сомнений в этом быть не могло, поскольку постоялец показал паспорт на имя Матюнина и рассказал, что страдает «падучей болезнью» (эпилепсией). На следующую ночь Тимофея Санникова в деревне не было, вместо него оставался сын Николай. Согласно его рассказу, вечером 4 мая на постой попросился какой-то нищий, который рассказал о себе, что он родом «с Ныртовского завода» и притом болен «падучей болезнью». Паспорт этого человека Николай Санников не проверил и без лишней волокиты пустил переночевать.

Логично было предположить, что обе ночи в доме Санниковых провёл один и тот же человек и был это – Конон Матюнин. В этом случае получалось, что Матюнина в Старом Мултани не было вообще, он просто не успел туда дойти, как был убит по дороге. Но в показаниях отца и сына Санниковых существовало одно противоречие, которое следствие сочло весьма существенным: Тимофей утверждал, что коричневый азам Матюнина имел приметную и весьма нелепую синюю заплату, Николай же заплату этой на кафтане нищего, ночивавшего в ночь с 4 на 5 мая 1892 г., не припоминал. На этом основании следователь Раевский заключил, что в Кузнерке 3-4 мая и 4-5 мая останавливались разные люди. Матюнин действительно провёл там ночь с 3 на 4 мая, но потом ушёл в Старый Мултан, где намеревался провести следующую ночь.

При этом опросом жителей Старого Мултана следствие установило, что некий нищий появлялся в этом селе вечером 4 мая 1892 г. Достаточно хорошие описания этого человека дали по меньшей мере трое жителей, причём двое с ним даже разговаривали. По словам этих свидетелей, «старомултанский нищий» был хорошо пьян, с трудом ворочал языком. По словам третьего свидетеля этот неизвестный нищий курил самокрутку. Свидетели были согласны между собою в описании внешности и одежды этого человека: двое запомнили его азам с синей заплатой, а один упомянул о синей рубахе (напомним, у Матюнина под азамом была надета рубаха в синюю полоску). На основании этих

показаний следствие сочло, что этот человек и был Кононом Матюниным, появившимся в Старом Мултане вечером 4 мая.

Таким образом, было установлено, что в соседних сёлах – Кузнерка и Старый Мултан – в ночь с 4 на 5 мая 1892 г. находились два разных нищих бродяги. Необходимо отметить, что и «мултанский нищий», и «кузнерский нищий» запомнились свидетелям похожими чертами лица на Матюнина: у обоих, как и у убитого, были рыжеватые бороды и светло-русые волосы. С другой стороны, в подобном слишком общем описании не было ничего странного: почти все русские крестьяне того времени были бородаты.

Вопрос о том, кто же был кем из этих двух нищих, являлся для расследования принципиальным. Если Матюнин не ночевал в Старом Мултане, то очевидно, вся «ритуальная версия» рассыпалась в прах. Чтобы точно выяснить кто из нищих где провёл ночь, необходимо было найти и допросить второго из них. Однако в этом направлении следствие вообще не захотело работать и никаких усилий к установлению личности неизвестного нищего и его розыску предпринято не было. Между тем Вятская губерния тем летом находилась под тифозным карантином: все въезды в города, дороги во все концы России были перекрыты военными патрулями. Всем нищим, паломникам, командировочным и простым путешественникам постоянно приходилось предъявлять не только паспорта, но и справки о последнем медицинском осмотре (была такая справка и у Матюнина). Опасаясь распространения тифа, жители губернии весьма настороженно относились ко всем «перехожим людям». Не подлежит сомнению, что неизвестному нищему также приходилось постоянно показывать свой паспорт, так что в принципе, установление его личности отнюдь не представлялось невыполнимой задачей.

Вместо этого следствие под руководством помощника прокурора Раевского сразу поверило в то, что именно «мултанский нищий» и был Матюниным и отказалось от рассмотрения альтернативного варианта. Следствие запуталось в двух нищих, как пьяный грибник в трёх соснах и тем фактически предопределило плачевные результаты собственной работы.

Следствие отыскало причётника по фамилии Богоспасаев, который в начале мая 1892 г. почти целый день провёл с Матюниным. Причётник, сам перебивавшийся подаванием, рассказал, что Матюнин жаловался на жадность людей, плохо подававших милостыню. Конон Дмитриевич хотя и был невысок ростом, но казался крепким мужчиной, его рассказам о «падучей болезни» люди верили с трудом, а потому смотрели на него как на лентяя. Матюнин рассказал Богоспасаеву, что врачи предлагали ему поехать на лечение в Казань, там была больница, где делали трепанацию черепа и т. о. якобы облегчали приступы эпилепсии. Вдова Матюнина подтвердила, что её муж незадолго до гибели действительно получал такое предложение, но им не воспользовался. Таким образом, рассказ Богоспасаева о встрече с Матюниным нашёл подтверждение. Сами по себе показания Богоспасаева были малосущественны, но фамилию этого человека следует запомнить: через три года он вновь возникнет в «Мултанском деле», выскочив словно чёртик из табакерки, и сделается чуть ли не важнейшим свидетелем обвинения.

Безусловно, важнейшим «открытием» следствия второй половины 1892 г. следует считать обнаружение свидетеля Дмитрия Мурина, русского крестьянина из Старого Мултана. Если быть совсем точным, он сам явился к уряднику Жукову и рассказал тому весьма интригующую историю. Сообщённая Муриным информация сводилась к следующему: некий русский мальчик, фамилия которого так и не была оглашена дабы не подвергать его жизнь опасности, провёл пасхальную 1892 г. ночь в избе, в которой вместе с ним ночевали мултанские вотяки, частности 38-летний Андриан Андреев, 43-летний Андриан Александров и некоторые другие. Согласно рассказу мальчика, проснувшийся поутру Андриан Андреев с ужасом сообщил товарищам, что видел кошмарный сон и для того, чтобы этот сон не сбылся, «нужно молить двуногого». Андреев обращался к соплеменникам на вотяцком языке, но русский мальчик вполне владел этим языком, так что без труда понял смысл сказанного. Невольный свидетель этой сцены спрятался за печкой, так что вотяки, переговариваясь на своём языке, не подозревали о его присутствии.

Несколько месяцев мальчик хранил молчание об услышанном, пока в конце-концов не рассказал о случившемся Дмитрию Муруну. На основании заявления последнего следователь Раевский приказал провести аресты всех вотяков, находившихся, согласно рассказу мальчика, в избе. Помимо Андриана Андреева и Андриана Александрова в тюрьму попали 60-летний Александр Ефимов, Дмитрий Степанов, 31-го года и братья Гавриловы, 35-летний Тимофей и Максим, 31-го года.

Таким образом, круг обвиняемых расширился до 12 человек. Все они отрицали какую-либо причастность к убийству Конона Матюнина и уверяли, что ничего не знают о культе «бога Курбона». Полное непризнание вины мало им помогало. Хотя следствие решительно не могло разделить между обвиняемыми их роли в преступлении (а это было совершенно необходимо в случае обвинения в преступном сговоре), прокуратура была намерена довести расследование до судебного разбирательства.

Дореволюционное отечественное право большое внимание уделяло разделению ответственности виновных в групповом преступлении, исходя из того, что, скажем, убийца, его пособник и недоноситель совершают совершенно разные по своей тяжести деяния, а потому подлежали разным наказаниям. То, сколь важен этот постулат оказывался в правоприменении того времени, можно хорошо видеть на примере так называемого «дела Максименко», достаточно подробно изложенного в очерке, размещённом на нашем сайте. В этом деле об отравлении мужа его женою и любовником один из судов (по этому запутанному делу было несколько судов), признав сам факт отравления, оправдал обвиняемых на том основании, что обвинение не разделило их роли. Было очевидно, что не оба обвиняемых одновременно давали пострадавшему яд – это сделал кто-то один, второй же из любовников даже мог и не знать о намерении первого совершить убийство. Обвинение не смогло чётко разграничить и обосновать ответственность каждого из обвиняемых, а стало быть, суд мог наказать невиновного. Поэтому оправданы оказались оба обвиняемых.

В «мултанском» же «деле» обвинение, кажется, даже и не задавалось целью обосновать оправданность привлечения

к ответственности именно 12 человек. При том способе сбора обвинительного материала, что использовался помощником прокурора Раевским, можно было отправить за решётку и два десятка, и даже полсотни вотяков. Лишь некоторые из обвиняемых имели более или менее чётко описанный обвинением состав преступления: например, забойщик скота Кузьма Самсонов считался непосредственным убийцей Матюнина, а Моисей Дмитриев предположительно скрывал следы преступления, в частности вывозил труп в лес. Но что именно делали, например, Андриан Александров, Тимофей и Максим Гавриловы, понять из материалов дела решительно невозможно. Если они на самом деле участвовали в групповом убийстве, то как это делали: поощряли убийц или пытались защитить жертву? просто смотрели или тайно подглядывали? не донесли о случившемся или же деятельно помогали скрывать следы расправы? Прокуратура вообще не задавалась такими вопросами, между тем, каждый из этих (и им подобных) вопросов был бы очень важен для любого беспристрастного суда.

Разбирая «мултанское дело», об этом никак нельзя умолчать, поскольку данное обстоятельство выразительно характеризует манеру ведения следствия вятской прокуратурой. Дело об убийстве Конона Матюнина, вне всякого сомнения, представляется сложным, а само обвинение в ритуальности совершённого лишь подчёркивает его необычность. Расследование подобного убийства должно было проходить с особой дотошностью, вниманием к деталям, соблюдением всех юридических норм. К сожалению, работа обвинения оказалась по своему качеству никуда не годной. И при этом все действия помощника прокурора свидетельствовали о его поразительном самомнении и самоуверенности.

В декабре 1892 г. следственные материалы наконец-то обогатились... планом местности, где был найден труп Матюнина, подготовленный чиновником местного межевого комитета Кронидом Львовским. Может показаться невероятным, но это действительно факт: момент обнаружения трупа и приобщение к делу плана местности разделяет более полугодя. Это обстоя-

тельство, кстати, выразительно характеризует неаккуратность помощника прокурора в работе с документами.

Кронид Васильевич Львовский, составляя свой план, не удосужился пройти той самой тропой, на которой был найден труп Конона Матюнина (хотя в целях точного измерения расстояний на местности должен был это сделать!). Поэтому и сама тропа, и расположение трупа на ней оказались изображены весьма приблизительно. Впоследствии на суде обвиняемые утверждали, что тело Матюнина находилось гораздо дальше от окружной дороги, нежели это показано на приобщённом к делу плане местности. Тот факт, что съёмка проводилась зимой, не позволил достоверно оценить состояние окружавшего тропу леса и грунта. Все свидетели сходились в том, что место это было болотистым, но в какой степени? Была ли это непроходимая трясина, как впоследствии уверяло следствие, или же просто топкий грунт, вполне проходимый для пешего человека? Ответ на эти вопросы, как станет ясно из дальнейшего, предстает немаловажным, однако из следственных документов (протокола осмотра места обнаружения трупа и плана местности) никакого определённого мнения на этот счёт составить невозможно.

Шло время. В какой-то момент активность следствия словно бы остановилась на точке замерзания. Весь 1893 г. следствие по «мултанскому делу» будто бы находилось в спячке. Прокуратурой были посланы запросы в соседние регионы с просьбой предоставить информацию о расследовании дел, связанных с жертвоприношениями идолопоклонников (т.е. обвинение отделило ритуальные преступления сектантов-христиан – хлыстов, скопцов, бегунов – от аналогичных преступлений, совершённых нехристианами). Пока не пришли ответы на эти запросы, следствие вообще ничего не предпринимало; возможно, у руководства Вятской окружной прокуратуры существовали определённые сомнения относительно судебной перспективы дела. Однако полученные ответы вселили в сердца обвинителей бодрость.

Собственно, положительных (в обвинительном смысле) ответов пришло всего два. Один – из Архангелогородской объединённой судебной палаты, другой – из Казанского окружного суда.

В первом содержалась краткая справка по делу об убийстве девочки во время моления, совершённом эвенком на острове Новая Земля. Убийца, видимо, был сумасшедшим; он сделал тряпичную куклу, которой молился как идолу, впадая в экстаз. Во время одного из таких экстатических состояний он силой затащил в свой чум соседскую девочку, которую и зарезал. Соплеменники, поражённые случившимся, во главе с местным шаманом скрутили безумца, которого затем благополучно доставили на большую землю и сдали русским властям.

В Казани произошло в чём-то схожее преступление. Мужчина-мусульманин, дабы вылечить своего тяжелобольного сына, заманил в собственный дом девочку-мусульманку, которую зарезал, извлёк сердце и осуществил над ним некие магические манипуляции, известные в среде его единоверцев (впрочем, осуждаемые традиционным исламом, трактующим их как суеверия). Татары заявили о случившемся властям и всячески помогли полиции во время расследования.

В обоих случаях речь шла о реальных, доказанных в ходе расследования преступлениях, совершённых из побуждений крайних форм религиозного фанатизма. Фактически оба убийцы рассматривали свои деяния не как уголовные преступления, а как жертвоприношения. В этом смысле оба преступления могут быть расценены как ритуальные. Однако убийства совершались одиночками и притом бескомпромиссно осуждались соплеменниками, которые первые стремились разоблачить преступников. В этом отношении оба случая совершенно не походили на «мултанское жертвоприношение» как трактовало последнее следственная власть. Кроме того, и татары, и эвенки вовсе не были родственны вотнякам. Поэтому совершенно непонятно, на каком основании прокуратура использовала в обвинительном акте ссылки на упомянутые дела, но при этом почему-то игнорировала информацию о доказанных ритуальных убийствах, совершаемых представителями других народов, например, ацтеками. Следовало иметь очень богатую фантазию, чтобы увидеть в двух приведённых случаях нечто разоблачающее старомултанских удмуртов.

Это были не единственные отсылки в область криминально-исторических преданий, попавшие в обвинительное заключение. В числе свидетельств, призванных доказать наличие в среде вотяков человеческих жертвоприношений, был, например, рассказ некоего Иванцова, повествовавшего о событиях 1842 г. (т.е. отдалённых от «мултанского дела» более чем полувеком!). Иванцову на момент его допроса помощником прокурора было ни много ни мало... 103 года. Столетний дед рассказал, что в далёком 1842 г. он проезжал через вотяцкие земли в компании со своей супругой, золовкой, свояченицей и племянником; они были окружены вотяками, вознамерившимися их «замолить». После переговоров с убийцами было решено, что «замолены» будут не все, а только племянник. Затем женщины убежали, а Иванцов с племянником остались в окружении вотяков. В конце-концов и им удалось благополучно вырваться из цепких рук нехристей. В общем, никто не погиб.

Вот этот удивительный рассказ столетнего старика попал на страницы обвинительного заключения! Примечательно, что в деле с нападением на Иванцова была концовка, о которой следователь Раевский предусмотрительно ничего не написал в протоколе допроса (хотя, несомненно, он её знал). В том же далёком 1842 г. было возбуждено дело о нападении вотяков на Иванцова и его родственников; выяснилось, что никакого криминального подтекста в этой истории не было и в помине. Банальная бытовая склока завершилась руганью и оскорблениями, Иванцов, дабы наказать противную сторону, раздул дело чуть ли не до покушения на убийство. Мировой суд рассмотрел его жалобу, признал вотяков виновными в оскорблении Иванцова и членов его семьи и обязал первых выплатить пострадавшим штраф. То обстоятельство, что заявление Иванцова рассматривалось в мировом суде, с очевидностью доказывает отсутствие в этом деле состава уголовного преступления. Т.е. ещё в 1842 г. власти признали, что никакого покушения на ритуальное убийство в отношении Иванцова вотяки не предпринимали, а вот в 1893 г. следствие под руководством Раевского сделало прямо противоположный вывод.

Всё тайное рано или поздно становится явным и история 100-летнего деда в конце-концов вышла наружу, послужив немалым посрамлением вятских сыскарей. Причём обвинение до такой степени было уверено в твёрдости показаний Иванцова, что не побоялось даже вызвать старика в суд и поставить под перекрёстный допрос защиты! Впрочем, об этом чуть позже...

Но несмотря на это, обвинение, видимо, чувствовало шаткость своих позиций. Сознания обвиняемых не было, как не было сколь-нибудь серьёзных улик против них. Поэтому в 1894 г. помощник прокурора предпринял прямо-таки титанические усилия для придания затянувшемуся следствию хоть какого-то подобия завершённости. Прежде всего, это выразилось в подключении к расследованию пристава Шмелёва, слывшего за дельного и знающего толк в сыске полицейского.

И последний развернул! Первым «прорывом», связанным с этой весьма одиозной фигурой, следует признать ... обыск в шалаше Моисея Дмитриева, т.е. в том самом месте, которое уже не раз осматривалось в связи с «мултанским делом». Проницательный и наблюдательный пристав обнаружил на деревянной балке шалаша окровавленный седой волос! И длиной, и цветом найденный волос, как без труда догадается проницательный читатель, полностью соответствовал волосам Конона Матюнина (напомним, что под трупом была найдена прядь светлых волос, принадлежавших, видимо, убитому, который носил волосы до плеч).

Так кстати сделанная находка, видимо, смутила даже помощника прокурора Раевского. Во всяком случае, он не выписал ордер на обыск шалаша Дмитриева даже задним числом. Хотя вполне мог это сделать. Седой волос, признанный всеми именно волосом с головы Конона Матюнина, попал в разряд важнейших улик, призванных изобличить преступников. Но при этом никакого документа, формально объясняющего появление в деле этой улики, составлено так и не было. Улика появилась сама собой, из ниоткуда; шёл пристав по Старым Мултанам, заглянул в сад к арестованному Дмитриеву, а там шалашик, залез в шалашик, а там волос, прилипший к перекладине!.. И больше двух лет никто этого волоса заметить не мог.

Следующим этапом в работе неугомонного пристава Шмелёва была необыкновенная по своему изяществу комбинация с обнаружением свидетеля по фамилии Голова. Хотя окровавленный волос и казался сам по себе красноречивой уликой, но его было всё же маловато для гарантированного осуждения обвиняемых. Поэтому весной 1894 г. елабужская полиция получила анонимное письмо, гласившее, что в сарапульском исправительном доме дожидается отправки в Сибирь некий осуждённый, знающий правду об убийстве в Старом Мултани христианина. Этим-то осуждённым и был бывший солдат Голова. Перефразируя известный слоган времён коммунистического агитпропа, можно сказать, что в данном случае анонимка оказалась «не догмой, а руководством к действию».

Шмелёв отыскал арестанта и сумел развязать тому язык. В ходе трёх допросов свидетель рассказал следующее: в ночь с 4 на 5 мая он видел как группа вотяков, жителей Старого Мултана, убила нищего бродягу, проходившего через село. Убийство, по словам Головы, произошло в родовом шалаше Моисея Дмитриева; человек, приведенный на закланье, был раздет по пояс и подвешен вверх ногами под коньком крыши; в таком положении вотяки сначала отрезали ему голову, а затем истыкали живот ножами; стекавшую кровь они собирали в подставленный таз и мелкие плоски. Вотяки, по уверениям Головы, приносили в ту ночь жертву своему языческому богу Курбану; этот бог требует в качестве дара себе именно голову и кровь жертвы. Напуганный жутким зрелищем свидетель бежал той же ночью из деревни и, разумеется, никому своей тайны не открывал. Голова утверждал, что не разглядел толком людей, участвовавших в страшном ритуале, но не сомневался в том, что среди них был Андрей Григорьев, главный колдун Старого Мултана. Его он запомнил по седой как лунь голове.

Показания свидетеля были составлены очень ловко. В них полностью оказался обойден вопрос об извлечении внутренних органов из трупа: кто это сделал, на каком этапе преступления и зачем осталось непонятным. Голова якобы покинул своё наблюдательное место до того, как вотяки закончили обряд, и

поэтому наблюдал только первую часть жертвоприношения. Собственно, он даже и жертвоприношения не видел: на его глазах свершилось только убийство. Понятно, что свидетель ничего не мог сказать и о том, какова была дальнейшая судьба отрезанной головы и извлечённых органов.

Однако, избегнув одних неразрешимых вопросов, свидетель в своих показаниях допустил ряд серьёзных оплошностей, фактически обесценивавших всё сказанное им. Во-первых, на животе Матюнина не было ножевых ранений, из которых якобы, согласно рассказу Головы, убийцы источали кровь в корыто. Во-вторых, Матюнин не подвешивался за ноги; протокол вскрытия его тела не зафиксировал следов верёвки на лодыжках (а таковые следы должны были появиться даже в том случае, если бы верёвка затягивалась поверх штанов). В-третьих, убийцы никак не могли обезглавить жертву в подвешенном состоянии, поскольку высота шалаша Моисея Дмитриева составляла 167 см., а рост обезглавленного тела 160 см. (т.е. с головой и шеей не менее 175 см.). Нельзя отделаться от впечатления, что человек, надоумивший свидетеля рассказать об убийстве Матюнина, просто-напросто невнимательно читал протокол аутопсии, либо оне имел его под рукой когда изобретал показания Головы.

Но в этой истории, шитой, как говорится, белыми нитками, возмутительно другое: то, что помощник прокурора с радостью принял подсунутого Шмельёвым свидетеля и не остановил совершенно очевидной фальсификации дела. Можно допустить, что на самом деле пристав действовал вовсе не по собственному почину, а лишь реализовывал план, навязанный ему следователем прокуратуры. Как бы там ни было, следственное производство обогатилось наконец-таки бесценным свидетелем акта убийства, готовым повторить свой рассказ под присягой.

С этого момента «мултанское дело» вышло, что называется, на финишную прямую и стало готовиться к передаче в суд. Обвинительное заключение, утверждённое в сентябре 1894 г. Сарапульским окружным прокурором, следующим образом описывало процесс подготовки и совершения ритуального убийства: мултанские вотяки, сильно волновавшиеся из-за

эпидемии тифа и двух подряд неурожайных лет, поддались агитации Андриана Андреева, увидевшего в пасхальную ночь вещий сон, и в середине апреля 1892 г. приняли решение принести человеческое жертвоприношение. Чтобы отвести от себя все подозрения в причастности к оному, они наметили в качестве жертвы какого-либо случайного бродягу, никак не связанного с их деревней, и решили дожидаться удобного случая. Таковой представился вечером 4 мая, когда в Старый Мултан явился Конон Матюнин, бродяга «христа ради» из района, отдалённого от Малмыжского уезда почти 120 километрами. Матюнина встретил Василий Кузнецов, стоявший в ту ночь в сельском карауле. Хотя Кузнецов был русским по национальности, он сохранил верность традиционным вотяцким верованиям, с которыми был знаком через свою мать, и действовал заодно с вотяками. Матюнина по распоряжению сотского Семёна Иванова, участника последовавшего жертвоприношения, разместили в доме Василия Кондратьева; там, для усыпления бдительности, его угостили табаком и налили водки. Не менее трёх, не связанных друг с другом, свидетелей видели в тот вечер подвыпившего Матюнина сидевшим на брёвнах перед забором дома Кондратьева. Факт, что этим человеком являлся именно Матюнин, подтверждался, с точки зрения обвинения, тем, что один из свидетелей видел на его кафтане синюю заплату, а двое других рассмотрели его синюю рубаху (труп Матюнина, напомним, был облачён в рубаху в мелкую синюю полоску, а на его тёмно-коричневый аязм был нашита синяя заплатка). После полуночи группа вотяков каким-то образом заманила бродягу во двор дома Моисея Дмитриева, в родовом шалаше которого по предварительномуговору было решено осуществить жертвоприношение. Там на Матюнина напали, раздели и связали; далее он был подвешен за ноги к перекладине шалаша и обезглавлен забойщиком скота Кузьмой Самсоновым, который затем принялся втыкать в живот Матюнина нож. Руководил его действиями, согласно показаниям Головы, старомултанский шаман Андрей Григорьев. После сбора крови, отделения головы и извлечения внутренних органов тело было снято с перекладины и вместе с голо-

вой покойного спрятано в неизвестном месте рядом с домом Дмитриева (не в самом доме, поскольку полицейский обыск не нашёл следов нахождения окровавленного трупа в нём). Далее, собравшиеся на жертвоприношение вотяки совершили сам акт ритуального служения, выразившийся в том, что извлечённые из груди убитого Матюнина сердце и лёгкие были зажарены в огне костра и либо съедены самими вотяками, либо перенесены в неизвестное место в лесу и оставлены там. На следующий день – 5 мая 1892 г. – Дмитриев в сопровождении своей супруги отправился, якобы, на мельницу и под видом мешков с зерном вывез из своего огорода труп Матюнина. Труп был им подброшен на тропу, шедшую через лес и срезавшую большой крюк той самой дороги, по которой Дмитриев вёз зерно на мельницу. Через день – 7 мая 1892 г. – Моисей Дмитриев вместе с Кузьмой Самсоновым, непосредственным убийцей Матюнина, избавился от головы погибшего. Сделано это было в ходе прогулки обоих мужчин в лес, якобы, за ягодами; голова Матюнина была вынесена из огорода в берестяном пестере.

Текст обвинительного заключения был внутренне противоречив и не содержал ответов на большое число вопросов, требовавших разъяснения. В числе последних можно назвать следующие явные несуразности:

- наличие ран на животе Матюнина, о существовании которых свидетельствовал Голова, не подтверждалось протоколом аутопсии трупа;

- согласно официальной точке зрения жертва в момент истечения крови была раздета до пояса, однако тогда невозможно понять происхождение кровавого следа на её рубашке, как «будто бы кто-то обтирал руку», согласно формулировке акта осмотра места происшествия, датированного маем 1892 г.;

- несоответствие роста погибшего высоте перекладки в родовом шалаше Моисея Дмитриева. Длина обезглавленного трупа составляла 162 см., высота шалаша в самой высокой его части – 167 см. Понятно, что при таком соотношении подвешивание Матюнина становилось невозможным, тем более что ему под голову для сбора крови подставляли тазик. Впослед-

ствии для объяснения этого несоответствия Голова в своих показаниях в суде утверждал, будто вотяки подвешивали уже обезглавленное тело. Однако в этом случае терялся сам смысл подвешивания (для получения интенсивного кровотока из раны), поскольку основной поток крови при отсечении головы будет иметь место в первые секунды после декапитации, пока не остановится сердце;

- на ногах Матюнина, согласно протоколу вскрытия трупа, не было следов сдавления верёвкой, которые неизбежно должны были остаться в случае подвешивания;

- у трупа не была удалена печень, являвшаяся по вотяцким представлениям, наряду с сердцем и лёгкими, важнейшим жертвенным органом;

- обвиняемые принадлежали к двум вотяцким родам и всегда приносили жертвы различным «богам» в разных «родовых шалашах». Обвинительное заключение никак не объяснило причину, по которой люди, ранее не молившиеся вместе, решили изменить своим традициям;

- обвинение считало, что забойщик скота Кузьма Самсонов был нанят религиозными фанатиками за деньги. Но по утверждениям самих вотяков, подкреплённых этнографическими данными, жертвенное убийство всегда осуществлялось особым жрецом. Вообще, вотяцкое жречество имело 3 степени посвящения и только жрецы высшей степени пользовались правом осуществлять заклание жертвенной дичи. Это право нельзя было продать, купить или произвольно передать другому лицу;

- в обвинительном акте указывалось, что Матюнин за несколько часов до убийства пил водку и курил. Между тем, по абсолютно достоверным сведениям, сообщённым его вдовой, он никогда не пил спиртного и не курил. Будучи эпилептиком, он прекрасно знал, что эти привычки могут иметь для его здоровья самые пагубные последствия и был потому трезвенником не за страх, а за совесть;

- следствие предпочло не заметить очень важные для понимания сущности дела сообщения жителей села Кузнерка отца и сына Санниковых, а также их батрака Михайлова, согласно

которым Конон Матюнин две ночи (с 3 на 4 мая и с 4 на 5 мая 1892 г.) провёл в доме Санниковых. Если эти сообщения соответствовали истине, то получалось, что Матюнин в ночь своей предполагаемой гибели находился в 35 км. от Старого Мултана и оставался жив и здоров. Убийство его, видимо, произошло совсем не там и не тогда, как это предполагало следствие;

– большим и явным недостатком работы обвинения было то, что следствию не удалось найти ни одного человека, проходившего мимо тела убитого Матюнина. Одна только Головизнина призналась в том, что 5 мая ходила по тропе, на которой лежал труп. Между тем тропа, на которой лежало тело, была местом весьма посещаемым, поскольку это был кратчайший путь к магазину Петровского в селе Анык. Положение трупа и его одежды, согласно рассказу Головизниной, менялось: сначала его голова была прикрыта подолом азяма, затем кто-то отбросил подол с верхней части туловища, а 8 мая, когда возле трупа появился первый полицейский, оказалось, что азам уже лежит под спиной трупа и «одет в рукава». Ясно было, что возле трупа Матюнина в период 5-8 мая побывало большое количество людей, но полиция вовсе не озаботилась установлением их личностей. Совершенно непонятно, почему следствие не заинтересовалась этим весьма важным вопросом;

– согласно обвинительному заключению, сокрытие трупа осуществлял 60-летний Моисей Дмитриев. Тело убитого Матюнина он якобы вместе с женою вывез на своей телеге по пути на мельницу Фомы Щербакова. Там, где от дороги отделялась тропинка, он взял тело на руки и по тропинке отнёс его в лес. Обвинение считало, что Дмитриеву следовало пройти с трупом на руках не более 170 метров, сами вотяки утверждали, что труп Матюнина находился гораздо глубже в лесу, примерно метрах в 400 от дороги. Не совсем понятно, мог ли 60-летний Дмитриев в силу своих физических данных осуществить в одиночку перенос груза весом не менее 4 пудов на такое расстояние по пересечённой местности (никто состояние его здоровья официально не обследовал, а на суде Дмитриев не присутствовал по причине смерти в тюрьме). Но главная проблема с разме-

щением трупа заключалась даже не в этом: было совершенно непонятно, почему труп Матюнина оказался оставлен прямо на тропе. Ничто не мешало Дмитриеву отнести опасный груз буквально на 10-20 метров в сторону и оставить за каким-нибудь естественным укрытием, прикрыть мхом и пр. Это позволило бы вообще исключить обнаружение трупа и полностью скрыть сам факт преступления.

Суд по обвинению группы мултанских вотяков в преднамеренном убийстве К. Матюнина (статья 1454 «Уложения о наказаниях») открылся 10 декабря 1894 г. в Сарапульском окружном суде. Председательствовал на процессе судья Горицкий, обвинение поддерживал помощник окружного прокурора Раевский, защиту подсудимых осуществлял присяжный поверенный Дрягин (один на всех обвиняемых).

Особенностью процесса явилось принятое судом решение о проведении его в условиях неявки значительного числа свидетелей. Показания большого числа свидетелей, прежде всего деревенских жителей, были зачитаны по протоколам допросов, что исключило их перекрёстный допрос. Судья явно позиционировал себя сторонником обвинителя и принимал решения, ущемлявшие возможности адвоката по защите интересов обвиняемых.

Так, например, Дрягину не позволили объяснить присяжным заседателям происхождение приобщённых к делу вещественных доказательств – окровавленных плошек и таза, изъятых в шалаше Моисея Дмитриева. Присяжный поверенный обратился к обвинителю с просьбой рассказать о том, каким образом в деле появился волос Конона Матюнина, якобы найденный приставом Шмелёвым в «родовом шалаше» Дмитриева (напомним, что эта в высшей степени сомнительная «находка» оказалась удивительным образом сделана в 1894 г. в ходе несанкционированного и неофициального обыска, далеко не первого по счёту!). Судья признал вопрос «несущественным» и разрешил помощнику прокурора не отвечать на него.

В высшей степени характерным для этого суда оказался эпизод с допросом полицейского урядника Пивоварова. В 1894 г. он был свидетелем того, как пристав Шмелёв допрашивал вотя-

ков... угрожая им чучелом медведя. Пристав требовал у допрашиваемых клятвы перед чучелом и грозил им, что в случае лжи они будут растерзаны. Существовал определённый, установленный законом регламент допроса (определявший его время и продолжительность, форму задаваемых вопросов, правила оформления и пр.), и понятно, что приведение обвиняемого к клятве перед чучелом животного являлось настоящим глумлением над правосудием. Когда присяжный поверенный Дрягин начал задавать Пивоварову вопросы об этих допросах, его немедленно остановил председательствующий и потребовал, чтобы вопросы защиты касались только тех обстоятельств дела, для уточнения которых Пивоваров был вызван в суд.

И совсем уж возмутительна оказалась та бесцеремонность, с которой обвинитель вёл себя по отношению к защитнику. Равевский неоднократно перебивал присяжного поверенного как при допросе последним свидетелей, так и при его обращениях к присяжным. Председательствующий не останавливал обвинителя и в такие минуты самоустраивался от ведения заседания.

Примечательно оказалось то обстоятельство, что даже при подобном неравноправии сторон присяжные заседатели не нашли возможным признать виновными всех подсудимых. Из 11 обвиняемых трое (Андриан Александров, братья Тимофей и Максим Гавриловы) были оправданы. Обвинительный акт никак не детализировал участие этих людей в убийстве Матюнина, отделяясь на сей счёт только общими декларациями; присяжные сочли, что подобных голословных утверждений недостаточно для вынесения обвинительного вердикта. Остальные 8 человек признавались в полной мере виновными и осуждались к ссылке в каторжные работы различной продолжительности.

Присяжный поверенный М. Дрягин принёс протест в кассационный департамент Правительствующего Сената, справедливо указав на большое количество грубейших нарушений законодательных норм. Доклад в сенатском присутствии по протесту адвоката готовил известный юрист А. Кони, в то время один из обер-прокуроров Сената. Замечания Дрягина по

организации и проведению процесса в Сарапуле Кони счёл «существенными» и рекомендовал направить дело на пересмотр. Указом Сената от 5 мая 1895 г. было постановлено приговор Сарапульского окружного суда от 11 декабря 1894 г. отменить, а само дело рассмотреть вновь в новом составе судебного присутствия и в другом городе (рекомендовался город Елабуга).

По поступлении дела из Правительствующего Сената в Сарапульский окружной суд, которому, собственно, и надлежало исполнить сенатское решение, присяжный поверенный Максим Дрягин в порядке подготовки нового процесса заявил ряд ходатайств. Он просил:

- вызвать в суд экспертов-этнографов, дабы прояснить вопрос о самом факте существования либо отсутствия человеческих жертвоприношений у вотяцкого народа (адвокат предлагал заслушать в качестве эксперта бывшего священника Верещагина);

- вызвать на новый судебный процесс экспертов-врачей, которые могли бы прояснить вопрос о прижизненности и самом характере некоторых повреждений трупа Матюнина. В частности, защиту интересовал вопрос о причине отсутствия на теле следов подвешивания за ноги, а также времени извлечения из грудной клетки лёгких и сердца (в качестве медицинского эксперта адвокат просил вызвать судебного медика Крылова);

- вызвать в суд новых свидетелей, способных удостоверить невиновность обвиняемых. Речь шла о жителях соседней деревни, способных подтвердить *alibi* некоторых из обвиняемых;

- вызвать в суд двух из трёх соподсудимых, оправданных на первом процессе.

Ходатайства защиты рассматривались в ходе распорядительного заседания (аналог современных предварительных слушаний) Сарапульского окружного суда 19 августа 1895 г. Председательствовал на этом заседании... тот самый Горицкий, что возглавлял судейскую коллегия на процессе 10-11 декабря 1894 г. Другими словами, судьбе Горицкому пришлось принимать решения по делу, непосредственно затрагивавшему его профессиональную репутацию. Понятно, что судья являлся заинтересованным лицом;

его участие в распорядительном заседании явилось грубейшим нарушением статьи 929 Устава уголовного судопроизводства, определявшей порядок пересмотра дела в случае отмены приговора (эта статья прямо и недвусмысленно предписывала рассматривать дела, приговор по которым был отменён, в новом составе суда. То же касалось прошений и заявлений, «которые могут подлежать рассмотрению его (т.е. суда) после отмены приговора»). По первому пункту ходатайства защиты (вызов эксперта-этнографа) было решено вызвать в суд не Верещагина, а профессора истории Казанского университета Смирнова. По второму пункту (вызов врача-эксперта) было решено согласиться с кандидатурой судебного врача Крылова, предложенной защитой, но кроме него пригласить и другого полицейского медика – Аристова. Третий и четвёртый пункты заявленного Дрягиным ходатайства были отклонены в принципе. Между тем отклонение четвёртого пункта явилось прямым нарушением статьи 557 Устава уголовного судопроизводства, согласно которой в суд могли вызываться не только оправданные подсудимые, но даже осужденные прежде.

Через месяц – 19 сентября 1895 г. – по требованию защитника было собрано повторное распорядительное заседание суда. На нём Дрягин обратился с ходатайством о вызове в суд экспертов и врачей за счёт обвиняемых, но в этом ему было отказано. На втором заседании также выступал судья Горицкий, и хотя теперь он не был председателем, тем не менее самим фактом его участия в заседании окружной суд вторично грубо нарушил статью 929 Устава уголовного судопроизводства.

Второй суд по делу старомултанских вотяков открылся 29 сентября 1895 г. В отличие от первого процесса, практически не привлёкшего к себе внимания, новый суд проходил уже под пристальным вниманием прессы. В зале находились журналисты провинциальных газет О. Жирнов, А. Баранов, В. Короленко.

Обвинение, представленное всё тем же помощником окружного прокурора Раевским, несмотря на отмену приговора предыдущего суда, держалось чрезвычайно уверенно. В значительной степени эта уверенность основывалась на солидном и убедительном экспертном заключении профессора истории

Казанского университета Ивана Николаевича Смирнова. Этот хорошо известный в кругах специалистов молодой профессор (на момент суда ему было 39 лет) подготовил историко-этнографическую экспертизу, как нельзя лучше отвечающую задачам прокуратуры.

В молодости Смирнов обучался в Казанской семинарии (в 1868–74 гг.), после чего поступил в Казанский университет, где был одним из лучших учеников известного русского историка Николая Алексеевича Осокина. Сначала Смирнов специализировался на всеобщей истории, но с конца 1880-х гг. заинтересовался происхождением финно-угрских народов, и сделал ряд важных открытий, касавшихся их истории. Ныне его изыскания признаны во всём мире; достаточно сказать, что они полностью переведены на венгерский язык, где изучаются как классические (венгры – один из финно-угрских народов и исследования Ивана Николаевича Смирнова проливали свет на особенности его формирования и движения по Европе).

Смирнов считал, что вотяки могут и поныне сохранять традицию человеческих жертвоприношений. Многие народности, родственные вотякам, имели разнообразные поверья и традиции, предписывавшие осуществление казней по самым разным случаям жизни, например для открытия кладов, задабривания разнообразных богов из весьма многочисленного пантеона, в случае смерти родового вождя и пр. По мнению Смирнова, в качестве жертв для заклания всегда выступали инородцы. Для подтверждения своих умозаключений профессор ссылался на три публикации, так или иначе освещавших этот вопрос (последняя из них имела место в 1855 г., т. е. за 40 лет до суда). Из трёх публикаций (Магницкого, Фукс и Максимова) наибольший интерес представляла статья Михаила Леонтьевича Магницкого, попечителя Казанского учебного округа, посвящённая обычаям вотяков. Магницкий считал установленным факт человеческих жертвоприношений у вотяков в 18-м веке, хотя признавал, что вокруг этого явления было много спекуляций и лжи; полицейских, ложно обвинявших вотяков в этом преступлении, автор назвал «живоглотами».

Помимо экспертизы профессора Смирнова обвинение представило суду нового свидетеля, чьи показания также весомо укрепили версию ритуального убийства. Священник Якимов был наблюдателем от епископального руководства при проведении двух расследований, связанных с обвинениями вотяков в подготовке человеческого жертвоприношения. В обоих случаях речь шла о заявлениях в полицию; заявителем в одном случае явился вотяк, обвинивший односельчан в том, что те намереваются его «замолить», а в другом – православный священник, узнавший о подготовке ритуального убийства со слов вотяка. Во втором случае вотяк, рассказавший священнику о жертвоприношении, должен был явиться той самой жертвой, которая планировалась на заклатие. В обоих случаях полицейские расследования закончились ничем. В первом случае заявитель на допросе в полиции отказался от своих слов, а оговорённые им сельчане дали крупную взятку полицейским; во втором – вотяк утверждал, будто на протяжении долгого времени находился в состоянии белой горячки и не помнит того, о чём разговаривал со священником. Другими словами, в обоих случаях даже не были возбуждены уголовные дела: всё закончилось на стадии проверок.

Тем не менее показания Якимова в суде были выдержаны в том смысле, что ритуальные убийства в среде вотяков существуют и поныне. Тот факт, что результаты официальных дознаний по обоим случаям привели к прямо противоположным выводам, священника не смущал. Причём достоин внимания тот факт, что Якимов открыто заявлял о бытовавшем в среде вотяков обычае дачи взяток полицейским, другими словами, священник обвинил власти чуть ли не в потворстве ритуальным убийцам. Такая оценка (в чём-то перекликавшаяся с мнением профессора Смирнова) лишь усиливала ощущение странности от всего, происходившего в суде: защитник утверждал, будто власти умышленно раздувают процесс, а представители обвинения, напротив, выражали недовольство вялостью и продажнойностью власти, закрывавшей глаза на убийства.

Необходимо отметить, что в утверждениях прокуратуры и экспертов существовали многочисленные и притом весьма су-

ществленные противоречия, к сожалению, не отмеченные в тот момент защитой. Между тем требование объяснить эти противоречия, если бы оно прозвучало со стороны защиты, могло бы радикально изменить впечатление от всей обвинительной мотивации. Кратко эти противоречия можно свести к следующему:

– обвинение считало, что убийцы наняли палача за деньги. Эксперт Смирнов категорически утверждал, что сие невозможно в силу догматических установок вотяцкой веры;

– эксперт Смирнов верил в существование в среде вотяков ритуальных убийств людей и настаивал на том, что в жертвы выбираются только инородцы: мусульмане или христиане. Свидетель Якимов тоже верил в ритуальные убийства, но при этом утверждал, что и сами вотяки могут сделаться жертвой фанатично настроенных соплеменников. Противоречие это было куда серьезнее, нежели могло показаться на первый взгляд, поскольку дискредитировало обе точки зрения. Если бы защита настояла на разъяснении этого противоречия, то обвинению пришлось бы либо отказаться от свидетельских показаний Якимова (и согласиться на их исключение из протокола процесса), либо дезавуировать экспертизу профессора Смирнова. И то, и другое было прокуратуре чрезвычайно невыгодно и рушило всю линию обвинения;

– эксперт Смирнов утверждал, что вотяки сохраняют строгое клановое деление и представители разных родов никогда не объединяются для отправления ритуалов в «родовых шалашах» (эти моленные шалаша потому-то и назывались «родовыми»!). Между тем обвинительное заключение настаивало на том, что для убийства Матюнина представители разных родов объединились: пятеро обвиняемых были буддуками, а двое – учурками. Более того, один из обвиняемых вообще был русским! Это противоречие также не нашло никакого объяснения в ходе процесса;

– профессор Смирнов обстоятельно рассказал суду и присяжным о существовании в вотяцком пантеоне злых, недобрых к людям богов Акташа и Киреметя. По мнению эксперта, именно этим божествам и мог быть принесён в жертву Конон Матюнин. При этом профессор полагал, что ритуальные чело-

веческие убийства осуществлялись вотяками не в «родовых» шалашах, а в особом необжитом месте, называемом «кире-метящем». Таковыми были большие поляны в лесу или возле болота. Подобное умозаключение эксперта вступало в прямое противоречие с обвинительным заключением, утверждавшим, будто ритуальное убийство было осуществлено в «родовом» шалаше Моисея Дмитриева, находившемся в самом центре населённого пункта с большим числом жителей;

– в зачитанных на процессе показаниях Головы утверждалось, будто Матюнина «замолили» в честь бога Курбана (или Курбона). Однако профессор Смирнов заявил, что у вотяков нет такого бога, а словом «курбан» обозначается «жертва».

К сожалению, единственный адвокат обвиняемых не смог своевременно обратить внимание судебной коллегии и присяжных на существенные противоречия утверждений обвинителей и эксперта. Не в последнюю очередь это произошло в силу того, что свидетель Якимов был заявлен стороной обвинения лишь за неделю до процесса; его показания не были должным образом приобщены к делу и оставались неизвестными защите. Между тем обвинение было обязано ознакомить адвоката и обвиняемых с содержанием всех следственных материалов. Без подобного ознакомления процесс нельзя было начинать.

Адвокат, узнав о появлении у обвинения важного свидетеля, разумеется, пожелал ознакомиться с сущностью заявления, которое тот предполагал сделать на суде. С этой целью Дрягин накануне открытия процесса заявил ходатайство о его переносе. Ходатайство это было отклонено, и Якимов оказался тем джокером, которого обвинение, подобно ловкому шулеру, в нужный момент вытащило из рукава. Кроме того, адвокат, незнакомый с вотяцкой мифологией и не имевший должной этнографической подготовки, явно пасовал перед авторитетом эксперта обвинения. Можно сказать, что прокуратура добилась обвинительного приговора не силой улик, которые не стали весомее со времени первого суда, а исключительно благодаря тому сильному впечатлению, которое произвёл на присяжных 39-летний профессор Смирнов.

Выступил на суде и ещё один эксперт в области истории и этнографии – профессор Богаевский – но его участие было скорее формальной данью юридической норме, требовавшей прений сторон, нежели диктовалось объективной потребностью. Оппонировать Смирнову Богаевский не смог, а возможно, и просто не захотел. Он придерживался в своём выступлении весьма обтекаемых формулировок, считая человеческие жертвоприношения среди вотяков недоказанными, но мало мог помочь этим защите.

Новые врачи, приглашённые для экспертного заключения о повреждениях трупа на основании акта аутопсии, также заметно подкрепили обвинение утверждением, будто следы сдавления на ногах Конона Матюнина могли произойти от их обматывания верёвкой при подвешивании. Хотя Минкевич, непосредственно производивший анатомирование, возражал им и настаивал на том, что повреждения кожи несколько не походили на strangulationный след, характерный для сдавления верёвкой, его мнение не было услышано. Формулировка же протокола вскрытия трупа Матюнина была сочтена «неоднозначной» и допускающей двоякое толкование.

Второй суд по «делу мултанских вотяков» закончился 1 октября 1895 г. дублированием обвинительного приговора, вынесенного первым судом. Предвзятость разбирательства, игнорирование судом большого числа явных нестыковок обвинения были очевидны и вызвали справедливое негодование как адвоката, так и журналистов, наблюдавших за ходом процесса.

Присяжный поверенный Дрягин заявил в Правительствующий Сенат новую кассационную жалобу, указав в качестве существенных нарушений, допущенных вторым судом, следующие моменты:

- отказ в отсрочке судебного разбирательства ввиду представления обвинением новых свидетелей;
- отказ в вызове заявленного защитой эксперта (защита настаивала на этнографе Верещагине, вместо него в суде появился Богаевский);
- отказ в вызове эксперта даже после того, как адвокат предложил оплату его услуг за счёт подсудимых.

Рассмотрение жалобы Дрягина вновь принял обер-прокурор Сената Кони, подготовивший и сделавший Сенатскому присутствию доклад по существу дела. Жалобу на отказ от вызова эксперта Кони счёл «не заслуживающей уважения», поскольку суд вправе действовать этим вопросе по своему усмотрению. Однако нарушение, связанное с вызовом в суд нового свидетеля обвинения, обер-прокурор рекомендовал счесть Присутствию существенным. Кони в своём выступлении совершенно справедливо указал на особенный характер «мултанского дела», требовавший чрезвычайного внимания к соблюдению процессуальных норм: «Признание по этому делу подсудимых виновными должно быть совершено с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства, ибо этим решением утверждается (...) не только существование ужасного и кровавого обычая, но и невольно выдвигается вопрос о том, приняты ли были достаточные и целесообразные меры для выполнения Россией, в течение нескольких столетий владеющей вотским краем, своей христианско-культурной и просветительской миссии».

Рассмотрев жалобу присяжного поверенного Дрягина, Уголовный кассационный Департамент Правительствующего Сената решением от 22 декабря 1895 г. постановил: 1) приговор Сарапульского окружного суда и решения присяжных заседателей отменить; для нового рассмотрения дело передать в Казанский окружной суд; 2) Сделать замечание Елабужскому окружному суду за состав присутствия, участвовавшего в распорядительных заседаниях по данному делу 19 августа и 19 сентября 1895 г.

Короленко, опубликовавший в начале 1896 г. цикл статей, посвященных «мултанскому делу», сделал предстоявшему суду необыкновенную рекламу. Из достаточно заурядного провинциального уголовного процесса за несколько месяцев выросло явление общероссийского масштаба. Короленко удалось привлечь в качестве защитника вотяков Николая Карабчевского, самого высокооплачиваемого столичного адвоката того времени. Последний согласился выступать безо всякого материаль-

ного вознаграждения (всё равно во всём Старом Мултане не хватило бы денег ему на гонорар!), поскольку очевидная скандальность предстоящего суда гарантировала Карабчевскому рекламу, которая была для него важнее любых денег.

Нельзя не признать, что в силу некоторых своих нравственно-этических качеств Николай Платонович Карабчевский представляется нам, своим потомкам, личностью далеко не рыцарской. Мало кто знает, что ещё в студенческие годы он убил свою любовницу, но дело это было замято, возможно, не без участия его влиятельных родственников (дед Николая Платоновича Карабчевского был обер-полицеймейстером Крыма). Вечный либерал и оппортунист, неявно третировавший российские порядки, Карабчевский всегда безвозмездно защищал народовольцев и террористов (и кстати, первым своим браком он был женат на сестре народовольца С. Никонова, осуждённого на каторжные работы), что, впрочем, ничуть не мешало ему одеваться у лучших столичных портных и ужинать в самых шикарных ресторанах. На старости лет убеждённый либерал плавно отказался от идеалов своей народовольческой молодости, женившись на миллионерше Ольге Варгуниной и поселившись в роскошном расстерлиевском особняке на Знаменской улице, дом 45. Известно, что Карабчевский не брезговал разного рода некорректными ораторскими приёмами и имел склонность манипулировать присяжными. Сохранились любопытные воспоминания П. Мартьянова, повествующие о том, как Карабчевский в гостях у Льва Толстого «целый вечер хвастался тем, как он добился оправдания братьев Скитских, обвинявшихся в убийстве секретаря консистории Комарова, а когда Толстой спросил: «Но кто же, по вашему мнению, Комарова убил?», без зазрения совести ответил: «Несомненно, убил Степан Скитский», чем, естественно, шокировал собеседника». Уже после Февральской революции 1917 г. Карабчевский произнёс настоящий панегирик революционным террористам, поставив себя в один ряд с такими бомбометателями, как Гершунни, Сазонов, Перовская и пр. Сказано это было им во время публичного выступления 16 мая; речь эта в контексте событий

последующих лет столь красноречива, столь саморазоблачительна, что тут даже и комментировать нечего.

Вместе с тем, следует отметить, что не одна только беспринципность обеспечивала Карабчевскому феноменальный успех на процессах, в которых он участвовал. Это был адвокат высочайшей квалификации, с выдающимися аналитическими способностями и бесспорным ораторским даром. Он был дотошен в разборе деталей, стремился тщательным разбором всех обстоятельств дела постичь скрытый смысл событий. В исследовании следов и улики демонстрировал качества опытного криминалиста; был активен в период подготовки к процессу и не ограничивался материалами только предварительного следствия, благодаря чему в своей защите порой далеко выходил за рамки фактического материала, представленного обвинительным заключением.

Карабчевский при деятельной поддержке Короленко добился того, чтобы защита представила на новом процессе собственную этнографическую экспертизу. Её должен был подготовить А. Верещагин, этнограф, получивший известность благодаря своим работам «Вотяки Сосновского края» и «Вотяки Сарapulьского уезда». Кроме того, Карабчевский съездил в Вятскую губернию, где ознакомился с обстановкой и повстречался с некоторыми свидетелями и родственниками обвиняемых. Встречи эти, как станет видно из дальнейшего, дали адвокату весьма важную для предстоявшей защиты информацию.

Обвинение, разумеется, не на шутку встревоженное как касацией второго приговора, так и заметным усилением защиты, принялось, что называется, приводить в порядок расстроенные ряды. Понимая, что внимательный к мелочам Карабчевский непременно ухватится за многочисленные противоречия между экспертным заключением профессора Смирнова и свидетельскими показаниями священника Якимова, обвинение решило не вызывать последнего в суд, а зачитать стенограмму его допроса в ходе заседания. Этот приём позволял избежать допроса свидетеля защитой.

При этом обвинитель вызвал в суд 105-летнего Иванцова, того самого деда, что повествовал о нападении вотяков на него

и его семью в 1842 г. Разумеется, сделано это было не без умысла: допрашивать такого свидетеля было крайне нелегко (в силу банальных причин: плохого слуха и замедленной реакции при ответе), выставить его в смешном свете либо лгуном значило продемонстрировать неуважение к старости, и даже если бы Карабчевскому удалось полностью дезавуировать показания Иванцова, обвинение всегда могло бы объяснить возникшее недоразумение большим возрастом свидетеля. Дескать, что вы хотите, ведь это ж столетний дед!

Но, разумеется, не этими и им подобными приёмами обвинение собиралось бить защиту наповал – это всё-таки была тактика процесса, помимо которой требовалось некое глобальное, стратегическое решение. И оно было найдено. Если точнее – организовано, подстроено.

Идеальным решением с точки зрения прокуратуры, гарантированно отправлявшим вятяков в каторжные работы, представлялось добровольное сознание обвиняемых. Его, однако, за все прошедшие годы получить так и не удалось. Конечно, полиция, используя тюремных осведомителей, могла бы организовать дело так, будто кто-то из «стукачей» подслушал саморазоблачительный рассказ кого-то из вятяков и поспешил донести об этом властям, но подобному доносу была грош цена – присяжные заседатели вряд ли бы ему поверили. Поэтому полиция пошла на более тонкую комбинацию.

Василий Кузнецов, единственный русский из числа обвиняемых, через некоторое время после вынесения второго обвинительного приговора был выпущен на свободу с обязательством явиться в полицию по первому требованию. Удивительная милость, что и говорить, особенно принимая во внимание как тяжесть обвинения, так и строгость назначенного Кузнецову наказания (10 лет каторжных работ). Однако, как показали дальнейшие события, полиция так просто милостивой не бывает.

Во время одного из посещений Кузнецовым местного трактира «Медовые ключи» к нему подсел какой-то нищий, из тех, кого в дореволюционной России называли переходжими людьми, бродяга-богомolec, живущий подаянием «Христа ради».

Нищий разговорился с Кузнецовым, выпил с ним стопочку водки, затем вторую. Более не пили...

А через несколько дней в Вятской окружной прокуратуре появился исключительный по своей важности документ: протокол допроса причётника Богоспасаева, в котором последний рассказывал, как своими ушами слышал от Василия Кузнецова рассказ об убийстве Конона Матюнина. Именно он, Богоспасаев, и был тем нищим, что подсел в трактире к обвиняемому. Это с ним Кузнецов выпил водки – и простодушно всё рассказал! И Богоспасаев – чистая душа! – не смог умолчать об услышанном.

Это было то звено, которого так недоставало обвинению. Теперь можно было с полным основанием утверждать, что признание по крайней мере одного из обвиняемых всё же существовало и тому был свидетель. Нормальный, с точки зрения суда, свидетель – не уголовник, не полицейский, бродяга, правда, ну дак что ж с того!

Ссылка на показания Богоспасаева тут же попала в очередную редакцию обвинительного заключения по делу о «мултанском жертвоприношении», а сам он был задержан до суда в Вятке. Обвинение рассматривало его как одного из важнейших своих свидетелей.

Третий судебный процесс по сильно затянувшемуся делу «старомултанских вотяков» открылся в маленьком городке Мамадыше, расположенном в 130 км. от Казани, 28 мая 1896 г. Председательствовал на процессе, проходившем с участием присяжных заседателей, член Казанского окружного суда Завадский, обвинение поддерживали товарищ прокурора Казанской судебной палаты (суда 2-й инстанции) Симонов и товарищ прокурора Сарапульского окружного суда Раевский, тот самый, что стоял у самых истоков расследования. Защищали обвиняемых присяжные поверенные Дрягин и Карабчевский.

В принципе, фактический материал, которым оперировало обвинение, по сравнению с предыдущими судами изменился ненамного: добавилось разве что показание Богоспасаева об услышанном им признании Кузнецова. Но уже тут у обвинения вышла серьёзная осечка: Карабчевский напомнил присяжным,

что Богоспасаев в этом деле далеко не случайный свидетель, не человек со стороны; ещё в 1892 г. он допрашивался прокуратурой как человек, лично знакомый с убитым Матюниным. Это действительно было так – Богоспасаев познакомился с Матюниным за несколько дней до гибели последнего, в связи с чем и был официально допрошен. Можно было счесть простой случайностью то обстоятельство, что один и тот же человек с интервалом в почти 4 года возникает в этом расследовании, но освобождение Кузнецова из-под стражи выглядело вовсе неслучайным. Уж не для того ли его отпустили из тюрьмы, чтобы к нему в трактире подсел Богоспасаев?

Карабчевский переключил внимание суда со слов свидетеля на его личность, а этого ни обвинители, ни сам Богоспасаев, видимо, никак не ожидали. Последний растерялся и пошёл на попятную, заявив, что не помнит, что же именно говорил ему Кузнецов, поскольку был сильно пьян. И на адресованный ему вопрос, зачем же он говорил то, в чём сам не уверен, Богоспасаев простодушно пожал плечами: «Так, просто балябал!» («Городил вздор», – охарактеризовал впоследствии показания Богоспасаева Карабчевский). Это «просто балябал» выбило из колеи обвинение, которое никак не ожидало конфуза одного из важнейших своих свидетелей. Обвинитель Раевский бросился объяснять, что, дескать, Богоспасаева отыскивали полицейские урядники, узнав, что тот на всех углах рассказывает о «сознании вотяков об убийстве Матюнина», что в прокуратуре лишь записали его показания и пр., но усилия помощника прокурора вряд ли достигли цели: ощущение того, что суд стал свидетелем банальной «подставы», позорно провалившейся полицейской провокации, было слишком сильно.

Важным моментом процесса стало экспертное выступление А. Верещагина, фактически оппонировавшего профессору Смирнову в его историко-этнографической экспертизе по делу. Верещагин совершенно справедливо указал на то обстоятельство, что все рассказы о вотяцких жертвоприношениях людей всегда делались с чужих слов: никто никогда не встречался ни со свидетелем таковых действий, ни с их участником, никто никогда не слышал признательных показаний жрецов, со-

вершающих ритуальные убийства. Наконец, никто никогда не находил останков ритуально казнённых людей. Всё это придаёт рассказам такого рода характер мифа, предания, повествующего о событиях, быть может, и реальных, но отдалённых большим числом лет. Поскольку вотяки довольно часто совершают жертвоприношения животных, то и человеческие жертвоприношения, будь они реальными, приносились бы довольно часто; во всяком случае, за те 400 лет, что Россия владела этими землями, должно было бы накопиться очень много вполне достоверных примеров такого рода закланий. На самом же деле этого нет. На этом основании Верещагин сделал вывод о том, что вотяки прекончили с практикой человеческих жертвоприношений ещё до включения их народа в состав русского государства.

Касаясь конкретных обстоятельств «мултанского дела», эксперт заметил, что «злого бога Акташа», требующего, по мнению обвинения, человеческой жертвы, сарапульские вотяки вовсе не знают; у них существует культ Киреметя. Но жертвоприношение Киреметю осуществляется в лесу или на болоте; во всяком случае не так и не там, как об этом рассказывал обвинению арестант Голова. Жертвоприношение подразумевает не только убийство, но и извлечение сердца, лёгких и печени жертвы с последующим их зажариванием и поеданием; считается, что злой бог вкушает жертвенную пищу устами своих адептов. Поэтому совершенно непонятно, почему убившие Матюнина вотяки не извлекли его печень, важнейший жертвенный орган.

Эксперт несколько вышел за рамки узкой экспертизы, посвящённой верованиям вотяков, и сказал о том, что на самом деле, по его мнению, могло случиться с Матюниным. Верещагин рассказал суду о существовании среди русских крестьян весьма древнего поверья, согласно которому, если эпилептику во время припадка отсечь голову, то любая эпидемия тут же прекратится. Эксперт напомнил, что в 1892 г. по Волге и Каме шёл тиф; не в этом ли крылась истинная причина гибели Матюнина? Спутником на тропе случился припадок падучей болезни, и другой человек, вспомнивший о поверье, решил отсечь ему голову, дабы избавить тем самым всю округу от тифа. А через несколь-

ко часов, возможно, и дней, другой путник здраво рассудил, что полиция начнёт мучить своими розысками всех жителей подряд и решил направить сыск в сторону вотяков, имитировал жертвоприношение, вынув из груди сердце и лёгкие.

Выступление Верещагина произвело сильное впечатление на суд, дав толчок продолжительной дискуссии о том, какой срок мог разделять моменты отсечения головы, т.е. наступления смерти, и извлечения внутренних органов. В конце концов восторжествовала точка зрения Минкевича, производившего вскрытие трупа Матюнина, считавшего, что от времени убийства до извлечения внутренних органов не могло пройти более 12 часов (поскольку при разившемся трупном окоченении раздвинутые края рассечённого торса не смогли бы вернуться в исходное положение и деформация спины и груди была бы сразу заметна).

Возникла полемика в суде также и по поводу того, были ли рядом с телом следы крови. Акт осмотра места обнаружения трупа не давал ответа на этот вопрос; собственно, потому и возникла версия о переносе трупа Матюнина из другого места. Однако Карабчевский заявил, что ему доподлинно известно о том, что кровь рядом с телом была, при составлении акта некоторые свидетели указывали на неё приставу Тимофееву и даже несли тому окровавленные ветки и щепки, которые полицейский забросил подальше и прогнал свидетелей. Примечательно, что обвинение не стало оспаривать этот момент и не потребовало вызова свидетелей, способных подтвердить слова адвоката. Данное обстоятельство указывает на то, что обвинители прекрасно знали, как обстояло дело в действительности, и сознавали правоту адвоката.

Пожалуй, кульминацией процесса можно считать перекрёстный допрос пристава Тимофеева, в ходе которого выяснилось, что в ночь с 4 на 5 мая 1892 г. (т.е. именно тогда, когда вотяки, по мнению обвинения, убивали Конона Матюнина) пристав находился в Старом Мултане. Он проезжал через село и остановился для ночёвки в «казённой квартире», особой избе, название которой говорит само за себя. По иронии судьбы – вот уж настоящая ирония! – это строение находилось рядом с

домом Моисея Дмитриева; в саду последнего, напомним, стоял «родовой» шалаш, где якобы был замучен Матюнин. Расстояние между шалашом и «казённой избой», измеренное Карабчевским при посещении села, составило 10 метров. Ночь была тёплой, и пристав, разумеется, спал с открытыми окнами. Он не слышал ни криков убиваемого человека, ни лая собак, привлечённых запахом крови, ни запаха поджариваемых на костре внутренностей. Возможно ли это на расстоянии всего десяти метров от костра? Конечно, возможно, но только в одном случае – если не было в ту ночь в «родовом шалаше» ни Матюнина, ни сырой человеческой крови, ни зажаренных в огне костра сердца и лёгких. Неожиданно для самого себя пристав Тимофеев сделался главным свидетелем защиты...

Разумеется, случившееся не было экспромтом. О том, что пристав был проездом в Старом Мултани, Карабчевский узнал ещё до суда. Ни на первом, ни на втором процессах защита не допрашивала пристава по этому поводу, поскольку ничего не знала об этом совпадении. До него докопался Карабчевский, благодаря чему и смог буквально взорвать изнутри всё обвинение. Но помимо безусловной удачи адвоката для нас здесь важен и нравственный аспект произошедшего: пристав 4 года молчал об обстоятельствах, фактически снимавших все подозрения с обвиняемых. Его дважды вызывали в суд, приводили к присяге, и он всякий раз якобы «забывал» упомянуть о том маленьком нюансе, что в ночь убийства ему довелось, оказывается, находиться всего в 10 метрах от предполагаемого места преступления. Что можно сказать о совести этого человека? А ведь в силу своего служебного положения он был призван защищать справедливость, ограждать от произвола невинных...

В своей заключительной речи Николай Платонович Карабчевский указал на существование ещё одного серьёзного довода в пользу версии об убийстве Матюнина именно в лесу, а не в деревне. Протокол осмотра места обнаружения трупа зафиксировал факт нахождения под его правым плечом пряди ровно срезанных светло-русых волос. Обвинение признавало эти волосы принадлежащими покойному, поскольку было известно,

что Матюнин имел длинные, до плеч, прямые русые волосы. Но никто не задавался вопросом, как ровно отрезанная прядь могла оказаться под плечом трупа, найденного на тропе? Очевидно, что такая находка могла иметь место только в одном случае – если отрезание головы было произведено непосредственно на том месте, где осталось лежать тело. Другими словами, голову Конону Матюнину рубили не в Старом Мултани, а прямо на лесной тропе; острый топор убийцы рассёк не только шею, но и волосы, прядь которых так и осталась под воротником азяма.

Совещание присяжных заседателей, на которое они удалились 4 июня 1896 г., длилось всего 50 минут. Спорить им фактически было не о чем. Все обвиняемые были оправданы и освобождены из-под стражи в зале суда.

Историческое предание гласит, что профессор Смирнов, покидая зал суда, обескураженно произнёс, что ныне он верит в совершаемые вотяками ритуальные убийства даже больше, чем перед вторым процессом. А в воспоминаниях Анатолия Фёдоровича Кони есть любопытный фрагмент о том, как приехавший в Петербург обвинитель вотяков Раевский с негодованием рассказывал сенатским чиновникам о «вакханалии прессы» и грозился «явиться к обер-прокурору, дважды кассировавшему справедливый приговор» (т.е. к Кони). Кони ждал ретивого помощника прокурора, чтобы поговорить с ним и о роли прессы в общественной жизни, и об этике поведения обвинителя в уголовном процессе. К сожалению, Раевский к Кони так и не пришёл и разговор между ними так и не состоялся. Об этом нам остаётся только пожалеть, поскольку этим людям было что сказать друг другу.

Кто убил Конона Матюнина и с какой целью были вынуты его внутренности мы уже никогда не узнаем. Думается, что истина лежит там, куда указал этнограф Верещагин: нищий сделался жертвой суеверия, причём вовсе не вотяцкого. С уверенностью можно сказать, что в Старых Мултанах он не ночевал; в ночь с 4 на 5 мая там был другой нищий. Последнюю ночь своей жизни Конон провёл в доме Санниковых в селе Кузнерка. Оттуда он ушёл засветло и после полудня 5 мая вполне мог оказаться

между деревнями Анык и Чуля. Что с ним там случилось? кто и почему на него напал? ныне не знает никто. Однако с уверенностью можно утверждать, что вотяки из Старого Мултана тут абсолютно ни при чём.

В ходе подготовки данного очерка автору стало известно, что и поныне в Удмуртии существуют предания о совершаемых местными жителями человеческих жертвоприношениях. Выросшие в тех местах русские рассказывают, что слухи об исчезновениях «замоленных» людей циркулировали и в 60-х, и в 80-х годах прошлого столетия, при этом никакая атеистическая пропаганда не могла побороть стойкого предубеждения русских в этом вопросе. Говорят, что практика человеческих жертвоприношений сохранилась в Удмуртии и поныне, но официальные власти всячески замалчивают подтверждающие это факты, дабы не нагнетать противостояние в обществе.

В этой связи хочется заметить, что комментировать слухи, даже повторенные вполне уважаемыми людьми, дело не только неблагодарное, но и прямо бессмысленное. Оставим ветряные мельницы Дон Кихоту, благо у него неплохо получалось сокрушать несуществующих врагов. Данный очерк отнюдь не претендует на роль всеохватного исследования, посвященного ритуальным убийствам в среде прикамских удмуртов. Мы лишь попытались проанализировать один, вполне конкретный, эпизод криминальной истории России. Что же касается ритуальных убийств, совершённых на территории Удмуртии уже в нынешнее время, то это вопрос уже не к сайту «Загадочные преступления прошлого», а к Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Завершая разговор об обвинении старомултанских вотяков в ритуальном убийстве Конона Матюнина, следует остановиться на ещё одном немаловажном моменте. Данное дело с лёгкой руки Короленко и писак коммунистической эпохи обычно представляется как своего рода образчик косности, тупости и продажности царского правосудия. Дескать, царизм разжигал национальную рознь и инспирировал подобного рода дела.

Согласиться с подобным суждением никак нельзя. Царизм не инспирировал подобные дела и не поощрял их. Думается, отдель-

ные чины прокуратуры и полиции действительно рассчитывали использовать «мултанское дело» в личных интересах, однако, честолюбие и корысть отдельных служащих, стремящихся сделать карьеру на скандале, существовали во все времена, во всех странах и при любом строе. Это фундаментальные свойства личности, а вовсе не пороки общественной системы. «Мултанское дело» убедительно показало, что уже в первой половине 19-го столетия Российская Империя имела эффективный механизм правового регулирования, пожалуй, самый совершенный для того времени.

Примерно в то же время во Франции можно видеть позорное «дело Дрейфуса», связанное с подлогом, фальсификацией экспертизы, произволом власти. В тогдашних США на рубеже 19-20-го столетий можно насчитать десятки совершенно скандальных судебных решений, в той или иной степени затрагивающих интересы организованной преступности; этими решениями невинные люди приговаривались к самым суровым наказаниям, а настоящие преступники оправдывались. В «мултанском» же деле силой закона было дважды остановлено исполнение ошибочного решения суда. Причём сделано это было в интересах достаточно бедных людей, бедных до такой степени, что они даже адвоката не могли нанять и им приходилось воспользоваться услугами назначенного адвоката. Честь и хвала присяжному поверенному Дрягину и обер-прокурору Кони – это были честные люди и компетентные юристы, но также честь и хвала российскому законодательству того времени, предоставившему в их распоряжение эффективную процедуру пересмотра ошибочных судебных решений.

(с) А. И. Ракитин

(с) Загадочные преступления прошлого

Оригинал: http://murders.ru/Multan_3.html

*Алексей Иванович РАКИТИН – для того чтобы разгадать тайну этого имени, вернее творческого псевдонима, также необходимо провести целое журналистское расследование. «Алексей Ракитин» – литературный псевдоним коллектива авторов, пишущих в жанрах исторического детектива, криминального детектива, боевой фантастики и документальной литературы.

Руководитель коллектива – Алексей Иванович – живет в Санкт-Петербурге.

Большинство изданных книг вышли за подписью «Алексей и Ольга Ракитины».

Алексей Иванович Ракитин предпочитает не афишировать свою личность. Подавляющее большинство интересующихся его творчеством не представляют себе, как он выглядит и какова его биография. Он практически не дает интервью, не публикует в открытом доступе свои фотографии, не выступает в телепередачах и на публичных мероприятиях, близких к тематике его творчества. Фамилия «Ракитин» является псевдонимом. Имя «Алексей» – подлинное.

С ноября 1999 года Алексей Ракитин ведет некоммерческий интернет-проект «Загадочные преступления прошлого», посвященный истории отечественной и иностранной криминалистики, уголовному сыску, расследованиям-головоломкам (изначально он назывался «Загадочные преступления прошлых лет»). Очерки представляют собой результаты изысканий и изучения криминалистической, юридической и исторической литературы, как отечественной (преимущественно дореволюционного периода), так и иностранной.

Наибольшая известность пришла к Алексею Ракитину после публикации в 2011 году на сайте murders.ru исследования-версии гибели группы молодых туристов под руководством Дятлова на Северном Урале в 1959 году. Авторская версия гибели группы Дятлова вызвала бурные обсуждения среди интересующихся загадкой этой трагедии и породила как поклонников, так и противников (По материалам <http://coollib.com/a/78288>).

Тема 2. Расследовательская деятельность Юрия Петровича Щекочихина.

Расследовательский цикл «Лев прыгнул»

Андрей Золотухин

Уроки вечного подростка

*Расследовательская судьба журналиста
Юрия Щекочихина (1950 – 2003 гг.)*

Один четырнадцатилетний подросток, звали его Володя Сухоруков, написал в «Комсомольскую правду» письмо. Было это в начале 90-х. Письмо на вечную тему «отцов и детей». О том, что взрослые сами не знают, для чего живут, и ничему не могут научить «нас, детей». А поэтому, писал Володя, «я призываю всех подростков, которые думают, как и я, сейчас же начать менять весь этот мир и эту глупую систему, в которой мы существуем!» Письмо было опубликовано в «Алом парусе» – так называлась знаменитая подростковая страница «Комсомолки». Здесь же Володе ответили капитаны «Алого паруса» разных лет – журналисты, редактировавшие эту популярную «газету в газете» в 60-е, 70-е, 80-е годы XX столетия. Назову всех: Алексей Ивкин, Валерий Хилтунен, Павел Гутионтов, Борис Минаев, Валентин Юмашев, Виктор Кияница, Юрий Щекочихин. Многие капитаны к тому времени стали уже мэтрами отечественной журналистики.

Ответ Юрия Щекочихина был самым кратким. Он писал: «Я мечтал бы о государстве, в котором всем правили бы подростки. Однако подросток, к сожалению, состояние временное, подростки ведь неумолимо становятся взрослыми... Но, если серьёзно, поколение Володи – первое поколение, которое выросло в ином информационном климате. Это поколение иначе мыслит и иначе будет строить свою жизнь: главное, как мне кажется, попробовать сохранить это чувство на всю жизнь».

Щекочихин, по сути, писал о том, что попробовал и сделал в своей жизни. Он сохранил это чувство.

Под «Алым парусом»

С кем только его не сравнивали коллеги и друзья ласково: с воробышком, с вороненком, но чаще – «вечный подросток», «вечный мальчик». Вечный подросток, всю жизнь верующий в то, что возможно существование такой страны, такого государства, в котором будет солнечно и светло, как в детстве.

Один четырнадцатилетний подросток лепил солдатиков. Приходил в Исторический музей, срисовывал мундиры старинных полков и по этим рисункам вылепливал игрушечную армию, выступившую 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. «Я леплю!» – так назывался его первый текст, опубликованный в газете «Московский комсомолец». Этого четырнадцатилетнего подростка звали Юра Щекочихин.

Он пришёл в журналистику подростком, отроком. Надо сказать, что «Московский комсомолец» и тогда, и позже был изданием, в которое юные авторы могли попасть буквально с улицы. И остаться здесь надолго, если у них оказывались талант и призвание. Так в «МК» начинали многие будущие корифеи отечественной журналистики. Так начал и Юра Щекочихин.

Сразу после окончания школы, в 1967 году, его взяли в штат, в отдел учащейся молодежи. Уже в «Московском комсомольце» Щекочихин, по воспоминаниям друзей, был в центре всего и вся: не только писал, но и направлял на путь истинный талантливую молодежь, редактировал страничку для старшеклассников «Сверстник» и фактически руководил отделом, хотя руководить – этот глагол вряд ли был применим к нему. «Взвихривать жизнь вокруг себя» – так, наверное, можно назвать то, что он любил и умел делать.

Его многолетний товарищ по «Московскому комсомольцу» и «Комсомольской правде» Павел Гутионтов вспоминает такой эпизод: «Когда-то в «старом» «Московском комсомольце», где мы оба работали, юный Щекочихин две, кажется, недели проучился под чужим именем в десятом классе, о «внутренней жизни» которого хотел написать. Материал не получился. Но де-

сятнадцатиклассник с его парты, которого Юра самонадеянно взялся подтягивать по всем (самим забытым) предметам, – остался»¹.

Затем в его жизни надолго или навсегда оставались многие герои публикаций: трудные и нетрудные подростки, солдаты и генералы, правозащитники и правоохранители... Все они находили пристанище, точнее кают-компанию, сначала на «крейсере Очаков», так друзья называли небольшую квартиру на окраине Москвы, потом на его даче в Переделкино.

«На занятиях, которые я провожу со студентами факультета журналистики, говоря о Щекочихине, – пишет Павел Гутионтов, – всегда оговариваюсь, что в качестве примера для подражания он принципиально не пригоден, – Собственно говоря, все, чем он занимался, было антижурналистикой, нарушением всех профессиональных норм и канонов. Нельзя же КАЖДОГО своего героя НАВСЕГДА пускать в собственную судьбу, делать его частью собственной биографии – не хватит ни судьбы, ни биографии. И тем более нельзя КАЖДОГО, с кем пересеклись твои журналистские тропы, сходу провозглашать другом и братом». И далее: «...У Щекочихина было только два «фирменных» профессиональных приема (и оба, повторяю, вполне антипрофессиональные): ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ ИСКРЕННОСТЬ И ЛЮБОВЬ»².

Не могу согласиться с известным журналистом.

Да, видимо, немногим дано впускать героев в собственную судьбу. Редкими журналистами на протяжении всей творческой жизни движут искренность и любовь. Но разве это антипрофессионально? Это идеально для журналистской профессии. Без сомнения, Юрий Щекочихин не нарушал никаких профессиональных норм и канонов, напротив, он их обнажал, делал видимыми, зримыми, реальными. На факультетах журналистики в ходу книга Дэвида Рэндалла «Универсальный журналист». Щекочихин был ИДЕАЛЬНЫМ журналистом. Журналистом-идеалистом, Дон Кихотом профессии, которому очень

¹С любовью: произведения Ю. Щекочихина; воспоминания и очерки о нём. СПб. : ООО «Инапресс», «Новая газета», 2004. – С. 206.

²Гутионтов П. Марзан почти не виден. Книга о журналистике и журналистах. М, 2008 г. – С. 352-353.

хочется подражать в юности. Но подражать ему на протяжении всего большого пути, когда оптимизма всё меньше, а журналистская ноша всё сильнее тянет к земле, очень трудно. Почти невозможно.

УРОК ПЕРВЫЙ. Любить, дружить, помогать... Это, конечно, не журналистские – общечеловеческие нормы. Любить своих героев, дружить с ними, помогать им – это не профессиональные каноны, это нечто большее.

У Щекочихина герои-друзья – пожалуй, главные и самые надежные источники информации. Это также против журналистских правил, но когда друзей много, и когда ты можешь доверять им как самому себе, это не только человеческое, но и журналистское счастье.

Если мы заглянем в теорию публицистического текста, то окажется, что его, щекочихинская, «разомкнутость», открытость миру – одна из сущностных характеристик публицистики. Публицистический текст, в отличие от художественного, беллетристического, неавтономен, разомкнут. Он тысячами лучей соединён с реальностью, как прошлой, так и настоящей, и будущей. Публицистический образ не только создаётся на основе реального: людей, событий, но и воздействует на жизнь своих прототипов, на реальные события, изменяя их ход.

Но публицистический текст не только воздействует, он взаимодействует с реальностью: изменяется ход событий – изменяется и его отражение...

Лучшие авторы-публицисты: Анатолий Аграновский, Анатолий Рубинов, Евгений Богат, Аркадий Ваксберг, Инна Руденко, Юрий Рост, Вячеслав Измайлов – названы лишь некоторые из славной когорты отечественных Журналистов Большого Стиля – пытались изменить к лучшему не только жизнь большой страны, но и жизнь обыкновенного или необыкновенного человека, принимая в этом личное участие. Если для улучшения жизни недостаточно было слова, они подкрепляли своё слово своим же делом. Такова практика мировой и отечественной Журналистики, которая, в общем-то, не противоречит теории. Расхожая фраза: «работать журналистом нельзя, журнали-

стом надо жить» – остаётся верной несмотря ни на какие смены общественно-политических формаций.

УРОК ВТОРОЙ. *Журналистика – это творчество, распахнутое миру, переплетённое с реальными событиями, сплетённое с судьбами героев. Журналист пытается улучшить жизнь вокруг себя, изменить социальную практику не только словом, но и делом, своею собственной судьбой. Журналист принимает личное участие и в жизни своих героев, и в жизни своей страны. Это не громкие слова. Такова, если хотите, «сверхзадача», «сверхмиссия» журналистики. Наверное, так понимал суть профессии журналист Юрий Щекочихин.*

«Алый парус» в «глухие и слепые» семидесятые защищал подростков, возвращал их для другой, лучшей жизни. По сути, миссией подростковой страницы «Комсомольской правды» была правозащитная деятельность, молодые журналисты становились подлинными правозащитниками.

«Парус», как мы его называли, – писал один из его капитанов, Борис Минаев, – всегда боролся за то, чтобы права только что вышедших из детства людей (возрастная группа от 14 до 20, приблизительно) в обществе защищались, признавались и были хоть как-то законодательно закреплены.

Невозможно подсчитать, сколько статей было посвящено тому, чтобы школьникам можно было летом подзаработать карманных денег, например. Это каким-то странным образом было созвучно политике советского государства – оно тоже было не прочь наварить бабок на труде юных. Однако в отличие от «АП», государство придерживалось такой позиции: работать летом надо, но лучше бесплатно и в коллективе. Если 15-летний парень приходил, скажем, на почту, или в магазин, чтобы поработать грузчиком и почтальоном, а потом купить себе мопед (одним из таких юных соискателей мопедов был известный в будущем экономист Андрей Илларионов), его ожидало немало трудностей с оформлением. Другое дело – сбор картошки, хлопка, фруктов и овощей в составе «трудовых лагерей», это пожалуйста и всегда. Конечно, немало было слопано витаминов, спето песен, выпито дешевого вина и закручено бурных

романов в этих самых «лагерях», спору нет, но условия жизни там были все равно крайне примитивными, а работа – рабской, унизительно-подневольной.

Тут не надо искать «десять отличий». Достаточно одного – «АП» пытался защитить права личности. Государство, весело и со свистом, их попирало. Государство было за систему, «АП» – за продвинутых одиночек (сознательно заработать летом на мопед, разумеется, хотели очень немногие умники, остальные предпочитали балдеж и полный покой).

И так во всем»³.

Нельзя сказать о том, что Щекочихин ни разу не писал в это время или позже на «конъюнктурные» темы: на злобу дня, по повестке партии. Но даже в таких «конъюнктурных» статьях у него находились неконъюнктурные слова и нетривиальные размышления.

В 1975 году Щекочихин едет в командировку в Узбекистан и делает с соавторами несколько ярких текстов. Один из них – «Дети и деньги» – о том, чем зарабатывают подростки в этой среднеазиатской республике и как это сочетается с политикой партии и государства. Дети, торгующие на рынке в эпоху развитого социализма...

«Ну и что – дети? Нормальные ребята, смуглые, белозубые, с ослепительными, улыбками. Не оружие ведь продают – ридиску, не габардиновый отрез из обворованного универмага приносят на базар – лепешки, которые испекла мама, не яблоки тащат из авосек ошарашенных домохозяек, а складывают в мамин кошелек копейки и рубли, заработанные за продажу честного товара.

Опасно ли это? А если опасно, то для кого? Для общества? Для самих детей? Но, может, наоборот, – извините за «крамольное» суждение – не опасаться этого надо – приветствовать? Ведь говорим же мы: дети должны узнавать жизнь, которая не вмещается в школьные программы. Узнавать и готовиться к ней, то есть жить. А разве лучше, если парень дорастет до семнадцати лет, и знать не знает, как этот рубль зарабатывает-

³<http://boris-minaev.livejournal.com>.

ся, и еще до двадцати будет просить у мамы денег – девушку в кино сводить?

Но давайте подождем с выводами. Давайте просто пройдем по Ташкенту. Увидим и подумаем».

Авторы не делают поспешных морализаторских выводов. Щекочихин в своих журналистских материалах вообще принципиально избегает морализаторства и дидактики. Ему кажется более продуктивным и полезным дать слово как экспертам, так и самим героям. Давайте «увидим и подумаем» – традиционное для его творческого периода в «Комсомолке» прямое обращение, приглашение к соразмышлению. Он, как экскурсовод по текущей, ускользающей жизни ведёт читателя за собой, показывая то, что в обыденности незаметно, непродуманно. И о чудо, он может даже останавливать время! Задолго до российского кинорежиссера Тимура Бекмамбетова, земедляющего и останавливающего ход времени при работающей подвижной кинокамере, «самодеятельный стоп-кадр» применяет и журналист Щекочихин: «...Жилой массив Ак-Тепе. Здесь – не базар, здесь – газоны и скверик, а вдоль газонов, вытянувшись четкой линией, стоят кошелки с тем же, что и на базаре, товаром. А возле них – через одного – дети. Маленькие и почти взрослые – старшекласники. Улыбаются, перебирают в руках зелень и лепешки, отсчитывают сдачу...

Вместе с нами – лейтенант горотдела милиции Хасан Саламатов. Он – в форме, и это вдруг придало действию некую динамичность. Мундир лейтенанта заметили! Совсем маленькая девочка сгребла пучки зелени – и прочь, через газоны. Рослый парень схватил свою сумку – и на другую сторону улицы. Другой, маленький, бежит, ежесекундно оборачиваясь, и большие лепешки вываливаются из его узла...

Через несколько минут все встанет на свои места. Мы увидим из окна машины, как шагает девчонка по газонам – назад, на свое место, как снова переходит улицу рослый парень, как возвращается маленький с узлом, подбирая на ходу вывалившиеся лепешки. Убегают, хотя мы и не хотели их останавливать, составлять акты, сообщать в школу. Убегают...

Стоп. Давайте, как в кино, на секунду остановим камеру и смастерим стоп-кадр «убегающий мальчик с лепешками». Кто обучил его быть таким ловким, суетливым и осторожным?.. Да, конечно, дети – цветы жизни. Но и – ее зеркало. И в нем-то отражается, к сожалению, не только звон пионерских горнов и отблески походных костров. Но и суета «толкучек». Но и магия дефицита. Но и сытое довольство деляг и воротил.

Вглядитесь: какой взгляд у «убегающего мальчика» на нашем самодеятельном стоп-кадре.

Не страшно торговать на рынке... Страшнее – вечное суетливое бегство от большой жизни».

Анализ дальнейшего творчества журналиста Щекочихина невозможен без понимания: он сошел на берег «взрослой» журналистики с бригантини под «Алым парусом». Не вошел, а именно сошел, не потеряв при этом ни юношеского максимализма, ни ярости и бескомпромиссности в борьбе с разными обликами зла. Но дети, детство, юность и в дальнейшем оставались сердцевиной его интересов.

1985 год. В стране идет антиалкогольная кампания. Никчёмная – как оказалось впоследствии. Щекочихин пишет в «Литературной газете» материал «Осенний сон» на, в общем-то, конъюнктурную тему. Но и в нём обнаруживаются совсем неконъюнктурные строки:

«Юность нуждается в защите от алкоголя точно так же, как детство от скарлатины или каких-нибудь ещё инфекций. Не в словесной чепухе, а в реальных, обеспеченных законом мерах охраны должна выражаться эта защита»⁴.

Он их защищал всегда, по-настоящему. Увы, уже 25 лет государство и общество не могут защитить своих детей ни от алкоголизма, ни от хлынувшей чуть позже наркомании.

«Я помню Юру еще по «Комсомолке», когда он занимался «Алым парусом», – вспоминал журналист Андрей Иллеш. – Нынче принято говорить о Щекочихине как о первооткрывателе жанра журналистского расследования. Отчасти это так. Но в нашем деле, по-моему, важнее открывать не жанры, а темы.

⁴Литературная газета, 12 ноября 1995 года.

И уже в «Алом парусе» Юра по-настоящему открыл тему молодежи. Он первым написал о том, что в фарцовке джинсами ничего преступного нет, как нет ничего сатанинского и в самих джинсах. Ведь тогда как было: «Иностранцы, иностранки? Нет, от пяток до бровей – это местные поганки, доморощенный Бродвей». Этими крокодильскими стишками молодежная тема практически исчерпывалась. А Щекочихин написал об обычных заботах молодых людей нормальным человеческим языком. Для того времени это было немало.

Точно так же он открыл тему «Дети на хлопке», который в СССР был стратегическим сырьем. Соответственно, для южных республик Союза уборка хлопка приобретала исключительное значение. Причем надо понимать, что это только наши правдивые кинодокументалисты изображали хлопок в виде белых пушистых шариков на стройных стеблях. В действительности же поля сначала обрабатывали сильнейшими дефолиантами (в том числе ДДТ) – веществами, которые вызывают опадание листьев и раскрытие коробочек. После такой химической атаки собирать урожай в поле выходили дети. Случалось, что занятия в школах начинались только на исходе октября, когда стратегическое сырье уже поступало в закрома родины. Обо всем этом Щекочихин написал первым⁵.

Специальные корреспонденты Юрий Щекочихин и Евгений Чернов попытались написать о поистине смертельной «битве за урожай» предельно честно. В таком виде материал «Дети на хлопке» не мог быть опубликован в «Комсомолке».

«Алый парус» был местом революционно-романтическим или романтико-революционным. Он явно контрастировал с серым, скучным, ханжеским миром застойных 70-х. «Алый парус» превратил «скучное, затёртое слово «подросток», из педагогическо-милицейской практики, связанное с чем-то неприятно-физиологическим», в синоним маленькой революции. «Были мешки писем, которые стояли в крошечной редакционной комнате, – вспоминает Борис Минаев, – когда какое-нибудь коряво написанное послание от мальчика из маленького города вдруг задевало чувства миллио-

⁵<http://www.bg.ru/article/2608/>.

нов и превращалось в манифест. Было ощущение, что любое проявление этой самой подростковости – от длинных волос до права на ранний секс – это чудовищно важно. Возможно, эту атмосферу рождали и сами люди, работавшие в «АП». Градус иронии, свободы, страсти, дружбы, который царил в том нашем кабинете, куда приходили каждый день просто так и по делу десятки людей разного возраста (это была самая многолюдная комната в редакции), поддерживался как-то сам собой. Мы боготворили людей, которые сидели в этой комнате до нас и мы верили в людей, которые придут сюда после нас. Это была своеобразная религия – «Алый парус». Ну и конечно, в этой комнате всегда было много симпатичных, нежных, красивых девушек. Без них я плохо себе представляю все остальное»⁶.

В такой ауре закладывалось ОСОБОЕ в творениях журналиста Щекочихина.

Особое отношение к героям-детям – как к личностям, не только равным автору, но и более возвышенным, более ранимым. Особая, неподражаемая искренность и неистребимое стремление и умение понять героев. В этих текстах внутренне красивые подростки кажутся мудрее рассудительных взрослых. И взрослый мир мстит им за их устремлённость ввысь, за их искренность и мудрость. В этих текстах автор – не разочувившийся удивляться, вдохновляться и мечтать взрослый, по сути – взрослый ребёнок, один из героев, о которых он пишет. Иногда биографический автор просто сбрасывает свою «взрослую кожу» и в текстах становится одним из них – подростков с нашего двора. Так происходит, например, в небольшом цикле 1973 года: «Первая амбразура», «Выдумщик», «Минус наш парень Света»; опубликованном под рубрикой «Беспокойный подросток»:

«Я все-таки пришел в этот зал, хоть сомнений у меня было немало. Но вчера вечером в подъезде я нос к носу столкнулся с Серегой и Мишкой.

– Ха,– сказал Серега и ударил пятерней по гитаре, а Мишка угрожающе засопел...

⁶<http://boris-minaev.livejournal.com>.

– Это не к тебе в среду ребята приходили? – спросил Серега.

– Нет, Серега, не они...

– И, значит, не они Додиду глаз подбили?

– Нужен им твой Додик, и вообще, если я не ошибаюсь, он еще на прошлой неделе ходил с подбитым глазом...

– Да нет, в тот раз ему отец удружил. Это еще раз... Ну нет, так нет, – вздохнул Серега, и снова, как уж было не раз в последнее время, я подумал: что-то не так с Серегой».

Его тексты воспринимаются как дружеская беседа, как разговор с читателями. Он и позже любил строить тексты в форме беседы, в ходе которой люди соразмышляют.

О некоторых выдающихся журналистах говорят – он здорово умел общаться с представителями разных социальных групп: от городского дна до высоколобой элиты. Так отзывались о выдающемся «разгребателе грязи» Джордже Линкольне Стеффенсе, о «короле репортажа» Владимире Гиляровском, о мастере «провокации действительности» Гюнтере Вальрафе. Примерно то же можно было сказать и о Юрии Щекочихине – он умел найти общий язык с представителями самого разного возраста, профессии, социального статуса. Но, пожалуй, было в этом качестве и характерное отличие.

УРОК ТРЕТИЙ. Пытаясь найти общий язык с собеседником, Щекочихин никогда не пытался «подстроиться» под него, он всегда оставался самим собой.

В общении с подростками, а именно с ними журналист «Комсомолки» встречался чаще всего – «подстраивание», фальшь – были видны как на ладони. Юрий Щекочихин разговаривал с ними на своем языке. И язык этот был понятен подросткам, потому что Щекочихин был с ними «одной крови». «Они – это мы, только моложе», – любил повторять он в своих текстах. Да и сам он был ещё очень молод в это время. Когда пришел в «Комсомолку» – ему едва исполнилось 20 лет. Но и значительно позже молодость помогала ему понять трагедию мальчишки или привести в редакцию пацанов с соседнего двора для «встречи под стенограмму».

Личность для Щекочихина и во времена «Комсомолки», и позже была интересна, когда в ней живо было мальчишеское, рыцарское начало, когда в ней сохраненными оставались светлые и несколько наивные представления о жизни. Может быть, отсюда – чувство тревоги, сожаления, звучащие во многих его текстах. Тревога и сожаление – разные формы сочувствия, когда сожаление – от «жалеть».

В его текстах времен «Комсомолки» были ещё и особая монтажность, и летучая недосказанность, оставляющая место для мысли и чувства собеседника по ту сторону газетной полосы.

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ. В «Комсомолке» 1970-х была рубрика «Только тебе». И Щекочихин писал так, что газета из «средства массовой информации» превращалась в средство дружеской беседы, межличностного общения.

Он часто ездил в командировки по «горячим» письмам. Как-то поехал в южный город, в котором жил юноша, написавший в редакцию о своих подвигах. «Что еще? Пожалуйста. Однажды, проезжая с друзьями вот так, на все 110, прижимаясь к рулю и выжимая газ, он первым увидел огненную змейку, пронзившую налившиеся хлебные колосья. Он первым стащил с плеча кожаную куртку и бил ею колосья, пока огонь не был остановлен. Немного обгорел – руки, лежал в больнице. Но поступили они так не для славы и какого-то уважения.

Что еще? Решили конфисковать деньги у одного гражданина, которые тот добыл абсолютно нечестным путем. Дело провели ночью. Втроем. Всего втроем. Милиция до сих пор найти не может следов». Подвиги оказались воображаемыми, парнишка – вруном. «– Вы будете о нас писать? – спрашивает меня мой собеседник, который к концу разговора сидит нормально в кресле, и взгляд у него совсем не наглый, обыкновенный.

– Нет, не буду. Не интересно.

Он ошарашен, удивлен.

– Не интересно, – повторяю я, – вот есть еще одно письмо, там, знаешь, компания – человек сто двадцать. И все на конях. И борются с теми, кто нарушает правила советской торговли.

Иногда, правда, не чаще двух раз в неделю, спасают поезда от крушений.

– Вы шутите?

Да, как видишь, пошутил. Хотя, если честно, не до шуток», – написал Щекочихин в финале очерка. Естественно, ни имя, ни фамилия героя в тексте прозвучать не могли. Но – характерная деталь – даже в финальной подписи автор и редакция не обозначили точный пункт командировки, ограничившись лишь романтическим адресом – «Город у моря». Почему? Очевидно потому, что не хотели, не могли дать повод для осмеяния, оскорбления, унижения «героя» в жизни, которая по большому счёту только начинается, только встречает рассвет.

УРОК ПЯТЫЙ. Конечно, журналист – не врач. Но заповедь – не навреди – это и журналистская заповедь. Для творчества Щекочихина – неизменное правило: если не можешь помочь, то хотя бы – не навреди.

Нельзя сказать, что в «Комсомолке» Щекочихин писал много. Гораздо больше и «крупнее» писали в тех же номерах и признанные в 1970-е годы мэтры Инна Руденко, Лидия Графова, Геннадий Бочаров, Леонид Жуховицкий, и более молодые Ярослав Голованов, Ольга Кучкина... Талант двадцати-двадцатипятилетнего Юры Щекочихина прорастал и креп в этой атмосфере Журналистики Большого Стиля.

Бой со львом

Сражаться со львом он начал из-за мальчишек. Но об этом чуть позже... Сначала о знаменитой публикации Щекочихина, из которой тот самый лев и выпрыгнул. Она появилась 20 июля 1988 года в «Литературной газете». Её название – «Лев прыгнул!». Этот текст – беседа с Александром Гуровым, тогда скромным научным сотрудником НИИ МВД СССР – попал в учебники по журналистским расследованиям ещё при жизни автора. В учебниках обычно отмечают две детали, связанные с этой публикацией. Первая: до самого выхода в печать ни журналист, ни милиционер, ни главный редактор «Литературки» Александр Чаковский не знали, какова будет реакция на пу-

бликацию со стороны властей и что им всем за это будет. Сам Щекочихин в более поздних публикациях цикла вспоминал: «... после его (Александра Гурова. – А.З.) выступления в «ЛГ» – уже, как я знаю, был заготовлен приказ об увольнении из милиции, но вмешался, прочитав наш диалог, Михаил Горбачёв. И мгновенно всё изменилось. Вызвали на ковёр, чтобы уволить, а вместо этого: «Правильно сказано, полковник». Вместо крушения карьеры – назначение (это случилось спустя год после первого «льва») на пост начальника управления, вместо снятия погон – надели генеральские, вместо позора и презрения – избрание в Верховный Совет России».

Вторая деталь связана с такой же непредсказуемостью реакции со стороны криминального мира страны Советов. Только позже стало известно: на «ассамблее» «воров в законе», прошедшем в том же году в Сухуми, всего лишь двух голосов не хватило для того, чтобы принять решение о физическом устранении обоих собеседников: и милиционера, и журналиста.

В том, опубликованном 20 июля 1988 года журналистском материале, благородный идальго-журналист сделал символом отечественной мафии благородного с виду льва. Параллель с воззрениями и действиями рыцаря из Ламанчи здесь уместна лишь отчасти. Вспомните сражение Дон Кихота со львом: «Прежде всего лев повернулся к своей клетке, выставил лапы и потянулся всем телом, засим разинул пасть, сладко зевнул и языком почти в две пяди длиною протер себе глаза и облизал морду; после этого он высунулся из клетки и горящими, как угли, глазами повел во все стороны; при этом вид его и движения могли бы, кажется, навести страх на самоё смелость. Дон Кихот, однако, смотрел на него в упор, – он с нетерпением ждал, когда же наконец лев спрыгнет с повозки и вступит с ним в рукопашную, а он изрубит льва на куски».

Но лев так и не спрыгнул, предпочтя повернуться к рыцарю задом... Образ Льва, созданный Щекочихиным, имел другой, вполне реальный, прототип и основывался на факте из биографии его собеседника: «Не удержусь, – писал он в завершении первой беседы, – расскажу еще об одном эпизоде из его биогра-

фии. Возможно, некоторые читатели сейчас мучительно вспоминают: « Гуров, Гуров... Знакомая фамилия».

Еще не вспомнили?..

Однажды его фамилия облетела все советские газеты, а его поступок вызвал ожесточенные споры. Александр Гуров, тогда еще младший лейтенант милиции, застрелил знаменитого льва Кинга, который «играл» (как было написано в газете) со случайным прохожим на школьном дворе почти в центре Москвы». Позже он напишет и о том, что после этого эпизода лейтенанта Гурова в первый раз чуть не уволили из рядов МВД: «История о жестоком менте, убившем беззащитного льва, облетела тогда все газеты, и только одним – снятием погон – должна была закончиться милицмейская карьера А. Гурова, если бы уже в кабинете Щёлокова он не сумел объяснить, что беззащитный лев иначе съел бы не менее беззащитного студента».

Своим вступлением в войну со львом Юрий Щекочихин был обязан знакомым мальчишкам. Можно сказать, что он «творчески эволюционировал» в сторону битвы за уже выросших ребят.

До «Льва...» было восемь лет работы в «Литературке». В 1980 году Щекочихин пришёл в эту газету из «Комсомольской правды». Последними его темами в «Комсомолке» были «трудные подростки». В «Литературке» он вышел на вполне «взрослые» криминальные темы. Но о ребятах не забывал, не мог забыть. В глухие времена позднейшего социализма, как и в начавшуюся эпоху перестройки и гласности, укреплялась, массовизировалась, ставилась на конвейер схема, обеспечивающая «нерушимую связь» подростка и криминалитета как в лихие девяностые, так и в начале нового века – в современное время. Подростки, сгоняемые ветрами безвременья в стада «неформальных объединений»: фанатских, полукриминальных или попросту беспризорнических групп, компаний, шаек и банд – становились «лакомым куском» для профессионального криминалитета – почти бесплатными рекрутами, «пехотинцами», «быками» для стремительно растущей криминальной армии – армии мафии. Фактически её неприхотливыми рабами. С этим Щекочихин смириться не мог. В «Литературке», так же как и в «Комсомол-

ке», задолго до эпохи онлайн-СМИ он занимался интерактивной журналистикой, всячески обеспечивая обратную связь с аудиторией, привлекая к работе над сложными темами самих героев. Так появились рубрики-эксперименты «Алло, мы вас слышим!» (1985 год), «Гости из соседнего переулка. Встреча под стенограмму» (1986 год), «Алло, я вас выбрал наугад» (1990 год). Предваряя новую рубрику «Встреча под стенограмму», Щекочихин писал: «Обычно на подобные встречи мы приглашаем – и соответственно готовимся к ним – министров, академиков, государственных и общественных деятелей, то есть людей, у которых есть что спросить и которым есть что рассказать.

На этот раз мы решили позвать подростков, которые живут рядом с нашей редакцией – Москва, Костянский переулок, дом 13 (кого и как мы выбирали для встречи – скажу позже).

А в тот день, когда мои коллеги уже собирались, оставив свои текущие рабочие дела, в одной из комнат редакции, я вышел на улицу, пересёк двор и оказался в соседнем переулке.

Ребята ждали. <...>

– Ну что, ребята, пошли? – спросил я.

– Пошли.

Мы пересекли двор и вошли в редакционный подъезд.

– Здесь можно снять пальто... – сказал я, показав на нашу раздевалку.

– А не украдут? – спросил Саша.

– Да вроде не должны, – ответил я.

Мы поднялись на второй этаж, я открыл дверь – и даже замер от удивления. Комната была заполнена до отказа.

Десятки глаз с напряжённым вниманием смотрели на наших гостей, а гости, как мне показалось, испуганно остановились на пороге.

Ребята сели вокруг стола, за которым в обычные дни сидит редакционная коллегия и обсуждается будущий номер «Литературной газеты». Так началась беседа⁷.

Для Юрия Щекочихина они, ребята, всегда были рядом, на расстоянии вытянутой руки или локтя, и он не мог отдать их,

⁷Литературная газета, 1 января 1986 года.

близких людей, им, тем, кто тоже рядом, но там, на той стороне, за львом. И еще одну ассоциацию рождает это вступление в рубрику. Вспоминается дискуссия о «пластмассовых» мальчиках и «пластмассовой» журналистике, начатая на рубеже веков Виктором Лошаком, в то время редактором газеты «Московские новости». Речь в его колонке шла о молодых журналистах, которые собирают материал, не вставая из-за компьютера. В итоге появляется «пластмассовая» (и не только глянцева, гламурная ets.) журналистика, имеющая мало общего с живой жизнью. Увы, сегодня в журналистике можно говорить не только о «пластмассовых мальчиках», но и о «пластмассовых дядях и тетях» и даже о «пластмассовых дедушках», глубокомысленно изрекающих истины в последней инстанции без отрыва от экрана компьютера. Они не утруждают себя даже взглядом в окно...

УРОК ШЕСТОЙ. *Для Щекочихина журналистика всегда была отражением живой жизни. Он мог писать только о том, что рядом: на расстоянии дыхания, реплики, взгляда.*

«Осматривая двор, в котором началась эта история, я старался запомнить все, чтобы самому представить, что же тогда было перед глазами ребят.

Беседка. Стол доминошников. Узорная решетка детского сада. Гаражи, вплотную примыкающие к пятиэтажкам: один, второй, третий, пятый, одиннадцатый... – сбиваюсь со счета. Лужа возле асфальтовой дорожки. В ней – смятая пачка сигарет «Наша марка» и кукла без головы и рук. Наконец, качели. Те самые. Думал, заскочу сюда, в Западный поселок Таганрога на Большую Бульварную, на пять минут, окину взглядом место события – и назад. Что рассматривать-то? Дома как дома, гаражи как гаражи, качели как качели. Но вот уже почти час, подняв повыше воротник куртки от пронзительного ветра, брожу между домами, чувствуя на себе взгляды из окон», – это начало его очерка «На качелях», в котором он защищает честь и достоинство подростков, мертвого и живых. Это ещё не дело льва, убийство – поступок человека, в глазах которого «ненависть, смешанная со страхом». А убитый Саша Проказин, так же как

и журналист, приехавший сюда уже после его смерти, хотел всего-то – защитить чувство достоинства своих друзей.

Юрий Щекочихин пристально всматривался в львиные глаза и бился со львом на протяжении всего последнего периода своего журналистской и человеческой жизни. Он был не одинок в этой битве. Его товарищем, идущим рядом, был всё тот же Александр Гуров. За 15 лет, с 1988 года по 2003 год в «Литературной газете» и «Новой газете» Щекочихин опубликовал 6 диалогов с Александром Гуровым, которые и легли в основу его «антимафиозного цикла». К этому циклу мы отнесли и ещё несколько публикаций, которые связаны между собой не только темой⁸. Каждый последующий текст как-бы перекликается с предыдущими материалами серии с помощью ссылок, сквозной образной структуры, но главное, продолжающимися и всё более глубокими размышлениями об эволюции отечественной мафии. К циклу примыкают и ещё несколько публикаций, посвященных становлению и развитию этого явления как внутри страны, так и за её пределами⁹.

В первых текстах цикла, написанных в 1988–1989 годах, ощущается некая идеализация и даже романтизация отечественной мафии. Недаром символом нашей родной мафии становится не спрут, как там у них, а лев – животное в высшей степени благородное. И Щекочихин, и Гуров находят корни этого явления в отчётливом противоречии между тягой человека к предпринимательству, к обеспечению достойной жизни себе и своей се-

⁸Литературная газета: «Лев прыгнул!», 20 июля 1988 года; «Лев прыгнул: взгляд из-за океана», 31 мая 1989 года; «Под контролем мафии», 19 июля 1989 года; «Охота на льва, или бой с тенью», 23 мая 1990 года; «Гуров ушёл... Лев съел?», 24 ноября 1991 года; «Лев прыгнул. Уже через границу», 22 сентября 1993 года; «Чужой», 11 марта 1995 года.

Новая газета: «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 29 января 2001 года.

⁹Литературная газета: «Экстремальная модель», 12 октября 1988 года; «Наши в Америке», 8 мая 1991 года, «Мое имя – Сергей. Возможно, я самый юный коррупционер», 8 сентября 1993 года; «На всю Россию всего девять бандитов?», 1 декабря 1993 года; «Здравствуй, дорогая мафия!», 17 августа 1994 года и другие...

мье и рыночной сутью социалистического государства, всячески, в том числе и на законодательном уровне, подавляющем эту предпринимательскую, бизнесменскую, а по сути, личную инициативу. Полноценная отечественная мафия, по мнению собеседников, появилась как раз в семидесятые годы на почве активизации деятельности советских подпольных предпринимателей. У них-то поначалу и отнимали незаконно, но большим трудом заработанное разные криминальные элементы, объединяемые в группы. Затем произошло сращивание «теневиков» и профессиональных уголовников и началась продолжительная и кропотливая работа по встраиванию в эту систему госслужащих разных ведомств и рангов.

«Александр Иванович, – спрашивает Щекочихин в первом тексте цикла, – но если, допустим, «цеховики» обязались тогда платить «блатным», то точно так же они должны были передавать деньги и наверх: в различные административные органы. О подобных связях не раз писала «Литературная газета» даже в те, застойные времена.

– Конечно... Наверх они платили, чтобы там их прикрывали от закона или визировали незаконные поставки в их подпольные цеха, ну, и вниз – чтобы оградить себя от нападений. Так в семидесятые годы и были сформированы преступные организации, верхи и низы которых хоть и не знали о существовании друг друга (или делали вид, что не знали), но были связаны теми миллионами, которые – с помощью «цеховиков» – шли из дохода нации в доход преступных кланов. С таким наследством мы и пришли в сегодняшний день».

Щекочихин идеализирует и даже в чём-то оправдывает героев незаконного предпринимательства, «капиталистического соревнования» – таких, как Мардо.

«Помню, много лет назад – в годы Брежнева, Рашидова, Щелокова и т. п. – я написал две статьи о том, как один человек в Ташкенте по кличке Мардо создал подпольный синдикат, снабжавший целую республику лесом, запчастями, железом и т. д. Да, за взятки, да, создавая вокруг себя истинный мафиозный клан, да, подкупая и уничтожая противников. Да! Но сумел же,

имея всего два класса образования и три судимости. Я не мог назвать Мардо героем нашего времени – и даже не потому, что только начинались восьмидесятые и было бы странно назвать его героем, когда другой человек вешал себе на грудь очередную геройскую звезду. Меня интересовала тогда психология ответственности чиновника, готового за мизерную мзду стать мальчишкой на побегушках ташкентского дельца, и я до сих пор благодарен газете, что в «те» годы она опубликовала мои статьи «Деловые люди» и «Мотыльки». Я и тогда понимал (а в Ташкенте воочию убедился в этом, сейчас уже можно признаться, еле унеся оттуда ноги), какая тень легла на страну. Я понимал, что набрёл не просто на «дельцов», а на мафию. Но тогда же я понял и написал о Мардо: «Что было бы, если бы энергия, заложенная в нём, пошла на благое дело?» Пишу, а сам думаю: не в Госплан же Мардо определиться! Ну превратится ещё в одного взяточника или в тихого, незаметного расхитителя страны.

Думаю вслух: может быть, для командно-административной системы выгодно было, чтобы такие дельцы пребывали в подполье?»

Мафиозные структуры выстраивались ещё при социализме. Благодаря системным противоречиям, которые, казалось бы, и возвращали советскую мафию: противоречиям между командно-административной системой и частным предпринимательством.

Выводы, к которым приходят собеседники во время первых встреч, сегодня, с высоты прожитых страной капиталистических лет, кажутся несколько наивными. Придёт рынок со своими законами, – размышляют Гуров со Щекочихиным, – и не будет никакой почвы для развития мафии. Мафия, как это ни странно прозвучит, займет своё место в обществе.

Ещё до появления в стране рыночных отношений Гуров делает прогнозы, посвященные тому, как будет развиваться отечественная мафия в первые годы построения капитализма. Забегая вперед, можно заметить, что прогнозы эти оказались очень точными, эксперт будто картинку с натуры рисовал:

«По его мнению, при переходе на рыночную экономику многие преступления отомрут сами собой. Появятся другие

преступления: неуплата налогов, банковские незаконные операции и т. д.

Но самый трудный период – это переход к рыночным отношениям.

– Организованная преступность резко поднимется, – убеждён Гуров. Нам придётся пережить шок. Мафия какое-то время будет свирепствовать.

– Какое-то время? А потом?..

– Часть уйдёт в легальный бизнес, отмыв деньги, как это было, допустим, в США. Сегодня американцев уже не волнует «коза-ностра», а итальянцев – «каморра» («Мы её контролируем», – сказали они мне). Запад волнует лишь новая волна наркобизнеса.

– То есть у мафии на Западе есть своё место?

– Вот именно. И своё место, и свои виды бизнеса. Полиция их контролирует. У нас же сегодня нет «места» мафии в обществе. Она везде. И потому, когда начнётся переход к рынку, мафии придётся искать своё место».

От диалога к диалогу собеседники всё отчётливее осознают существенные причины появления и развития отечественной мафии. В этих беседах, растянувшихся почти на 15 лет, речь идёт и о всеобщих, и о национальных корнях этого острого социального зла.

– Нет, – размышляют собеседники, – мафия, конечно же, была и есть. Её почва – извечный человеческий порок: путь к наживе и личному обогащению любыми путями, способами, средствами. В России своя, особая склонность и свой особый путь «мафизации всей страны». Образно говоря, мафию тащит за руку одна из древнейших российских бед. Издревле известно, что в России кроме двух бед, гениально определенных Николаем Карамзиным, есть ещё и третья – «берут». Именно «любовь к взяточничеству» является основой для возникновения коррупции, а следовательно, и мафии.

Ясно, что взяточничество – это лишь небольшая, видимая часть айсберга коррупции. Взяточничество, в отличие от коррупции и мафии, родилось в России не в XX веке. В России, ка-

жется, брали, берут и будут брать всегда. А вот коррупция и мафия, по мнению собеседников, в царской России отсутствовали.

На вопрос Щекочихина в самой первой беседе: «Когда же это началось?» – Гуров уверенно отвечает: «Только не при царизме!»

«И когда я напоминаю ему о том, – пишет Щекочихин, – что писали Гиляровский или Дорошевич, объясняет, что они то рассказывали о профессиональных преступниках, которые были и тогда, есть и теперь, и никуда мы от них не денемся в будущем. Но это не мафия. Профессиональная, то есть блатная преступность – карманники, квартирные воры, разбойники, карточные шулеры, конокрады (исчезли ввиду отсутствия лошадей) – была и тогда, но ту преступность нельзя назвать «организованной». Хотя, допустим, одесские карточные мошенники платили дань некоторым полицейским чинам, но в целом преступность не сочеталась с коррупцией».

Здесь не обойтись без краткого исторического экскурса: от дворян – к «олигархату».

Действительно, достаточно трудно представить себе дворянина, состоящего в одной криминальной группе с разбойниками или ворами. Такие люди, которые время от времени все же появлялись, были молниеносно отторгаемы сословием. Но главное, у дворянства за столетия сформировались морально-нравственные нормы и табу, нарушить которые не позволяла не столько окружающая среда, сколько нравственный закон внутри человека, который можно обозначить понятием «человеческое достоинство» – в данном случае, более точно было бы употребить – «дворянская честь». В советско-коммунистические времена табу взяточничества, как и личного обогащения любой ценой, поддерживалось партийными нормами и дисциплиной, которые, в свою очередь, базировались на элементарном страхе. Как только удавка страха была ослаблена – начал развиваться подпольный бизнес, а за ним коррупция и мафия...

Новый виток коррумпированности и «мафизации» начался как раз в период публикации первых материалов щекочихинского сериала – на рубеже 80-х и 90-х годов двадцатого столетия. Один из современников Щекочихина, журналист и писа-

тель Дмитрий Быков очень точно охарактеризовал это время в историческом контексте: «В истории чаще всего плохое побеждается худшим – как царский режим был побеждён большевистским, как впоследствии советская империя была побеждена духом всеобщего попустительства и распада...»¹⁰. Слом советского строя и демократические преобразования в России в начале 90-х годов фактически проходили под лозунгом: «грабь всё общенародное», то есть ранее национализированное, отобранное большевиками после удавшейся революции 1917 года. Историкам ещё предстоит дать развёрнутую оценку процессу приватизации 1990-х годов, в ходе которых общенародная собственность бывшего СССР будто по мановению волшебной палочки превратилась в собственность частную (Этот процесс ещё далеко не завершён и, вряд ли завершится даже к столетию Великой октябрьской социалистической революции 1917 года – А.З.). Но об одном можно сказать уже сейчас – в процессе приватизации в России появился так называемый «олигархат» – небольшая группа в несколько десятков миллиардеров, которым стала принадлежать значительная часть бывшей общенародной собственности страны. Большая же часть граждан не получила в процессе приватизации ровным счётом ничего.

Время, в котором жила и продолжает жить Россия – поистине уникальное время – было названо периодом «первоначального накопления капитала». Не углубляясь в исторические подробности и оценки, можно сказать о том, что это уникальное время и уникальные процессы, увы, очень быстро начали криминализировать и коррумпировать саму государственную машину. Старые и новые государственные чиновники, получив демократические свободы, а, фактически одну из них – свободу обогащаться – всем скопом стали проверять себя: «тварь я дрожащая или право имею?»

Процесс личного обогащения начал стремительно развиваться сверху, с чиновничьего олимпа. Законы в начале 90-х перестали распространяться на многих «избранных». В дальнейшем степень избранности стала зачастую определяться раз-

¹⁰Быков Д.Д. Борис Пастернак. – М., Молодая гвардия, 2007. – С. 409.

мером суммы, имеющейся в распоряжении для покупки нужных решений правоохранительных органов...

Именно в это время журналисты ввели в обиход понятие «семья», имея в виду ближайшее, неприкасаемое, окружение президента Б.Н. Ельцина: прежде всего его дочь Татьяну Дьяченко и её мужа Валентина Юмашева (того самого – одного из капитанов «Алого паруса»! – А.З.). Близким другом «семьи» был и Б.А. Березовский. Не секрет, что он в свою очередь нередко общался с представителями организованного криминального сообщества, с теми, кого без труда можно было назвать «мафией». Так что цепочка «президент – семья – мафия» прослеживалась в эти времена вполне отчётливо.

К России 1990-х годов легко можно было применить понятие «криминальное государство». Щекочихин увидел зарождение этих процессов одним из первых. Он и начал анализировать их раньше других, но главное, журналист никогда не боялся откровенно размышлять об этом. Получалось, что Щекочихин вёл беседу о болезненных явлениях не только с товарищем – Александром Гуровым, но и с читателями газет, в которых он работал. Умными и образованными читателями.

УРОК СЕДЬМОЙ. Нельзя сказать, что журналист Щекочихин обладал даром предвидения. Но случалось так, что многие его версии, опасения, предчувствия сбывались. Во многом это обеспечивалось «аналитической работой в кругу друзей», в процессе которой можно сверить не только мысли, но и настроения, чувства.

Часто прогнозу помогает личный опыт и интуиция журналиста. В случае со Щекочихиным его личный журналистский опыт «резонировал» с личным опытом его друзей, профессионалов в самых разных областях, что, по-видимому, и помогало предвидению. Говоря научно, правильному прогнозу способствовала «синергия содружества».

Так было с определением перспектив «мафизации» в России, так было с более конкретными версиями развития событий, например с ролью «Лужкова и К» в российской столице на рубеже веков или, чуть позже, с вереницей терактов в Москве...

Конечно, нельзя сказать, что процессы «криминализации и мафизации» руководящих верхов страны не имели места во времена «развитого социализма».

«Александр Иванович, почему так поздно мы начали говорить об этом? – вопрошает Щекочихин Гурова в своем первом диалоге, – Всего лишь пять лет назад (а что такое пять лет? Мгновенье!) вопрос о существовании мафии в нашей стране заставлял руководителей МВД СССР удивленно поднимать брови и покровительственно усмехаться: «Что, детективов начитались?»

– Если бы даже Щелоков захотел признать существование у нас организованной преступности, то как бы он это сделал? Как, я вас спрашиваю, если с преступниками был связан секретарь Брежнева? А Чурбанов?.. Думаете, не было тогда людей в милиции, которые все это знали?»

Но период «развитого социализма», безусловно, был гораздо аскетичнее, чем эпоха «дикого капитализма». Если в 1970–80-е правоохранительные органы боролись с «кое-кем» – теми, кто «кое-где у нас порой честно жить не хочет», то в 1990-е годы борьба скорее уже велась с теми, кто захотел позволить себе жить честно.

Щекочихин писал об организованном криминалитете и мафии с начала 1980-х годов, но даже его, издавшего виды, удивило то, что начало происходить в стране в 1990-е. Особенно много впечатлений и размышлений вынес он после нескольких поездок на Чеченскую войну.

В кавказское пекло он сунулся почти сразу после начала этого «ада, смерти, грязи, крови». Несколько фрагментов из его очерка «За Родину?! За мафию?» точно передают и характеризуют понимание масштаба проблемы «мафизации всей страны», сложившееся у Щекочихина во время и после чеченских командировок:

«... одно несомненно: в войну ввергли совершенно неподготовленных солдат, многие из которых и в стрельбах-то участвовали раз или два. <...>

Это только прелюдия, жестокая, кровавая, но объяснимая хотя бы патологической бездарностью наших генералов. А дальше-то начинается самое интересное: дальше правят бал деньги. Огромные деньги тех, кто в этой войне уже выиграл.

Ещё в Москве, до отъезда в Грозный, знакомый ингушский писатель спросил меня: «А тебе не кажется, что в Грозном идёт очень странная война... Ведь дорога на юг совершенно свободна, и, как я знаю, именно по ней Дудаев получает и оружие и боеприпасы...» Я не поверил и потому, только прилетев в Моздок, начал уточнять: да может ли такое быть на самом деле?.. Оказалось, да, может, и не одна дорога, а даже две, которые связывали ополченцев Дудаева с их базами: свободно, вези что хочешь.

Но и это ещё не всё! Уже в Грозном я узнал о перехваченных радиопереговорах дудаевского штаба: речь шла о том, куда будут внесены 100 тысяч долларов как плата за оружие, которое должно быть сброшено с парашютами. Ну не люксембургский же самолёт пересёк наше воздушное пространство?!

И это не всё! По словам одного из высших офицеров, дудаевская армия использует на вооружение автомат АКМС 94-го года выпуска с восемью магазинами, оптическим и ночным прицелом. Эти автоматы, как сказал мой собеседник, производятся в Туле и в Ижевске, и до сей поры так и не поступили ни в армию, ни во внутренние войска.

Одни проливают кровь, другие на этой крови обогащаются.

Да, на войне как на войне: подонство и благородство, мужество и грязь – близко, рядышком. Но что-то в этой войне совсем нехорошее настолько, что я всё больше и больше прихожу к одной странной версии: а не была ли придумана вся эта история с независимой Чечнёй только лишь для того, чтобы легче, удобнее, безопаснее было делать себе миллионные состояния. И ту же Чечню создали точно так же, как и многочисленные преступные группировки прикрывались крышами фирм? И не только тем, кто в Грозном, но и тем, кто в Москве? <...>

Может, для того и нужна была такая Чечня и такой Дудаев? Иначе не понимаю, почему же он – раз уж такой нам враг – до сих пор не лишен нашего генеральского звания? Почему он свободно мотался по всему земному шару – не на баллистической ракете, а, скорее всего, на самолёте, пересекавшем пространство России? Почему и сами российские власти с ним время от времени заигрывали? (вспомним хотя бы прошлую осень)?..»

«Посчитал бы эту версию чистейшим бредом, если бы вдруг на днях не нашёл в Грозном один любопытный документ, который проливает свет на подпольную экономическую деятельность Чечни в России или России в Чечне», – пишет Щекочихин. И предлагает вниманию читателей факсимиле контракта, в котором говорится о том, что культурно-торговый центр «Эркээни» (Республика Саха) продает Министерству финансов и экономике Чеченской республики 5 000 килограмм золота 999-й пробы. «Как мне известно, – продолжает свой рассказ Щекочихин, – сделка эта состоялась на одном из небольших аэродромов Азербайджана...»

«Грязная штука эта война. Совсем грязная – завершает он свое повествование, – Возможно, правы те мои собеседники, которые сказали мне, что единственно «точечными» ударами российской авиации в Грозном были удары по банку и по Министерству финансов и экономики. Сейчас я уже ничему не удивляюсь. И тому, что оружие, на котором кто-то зарабатывает сейчас колоссальные деньги, будет последней операцией, после которой отпадёт необходимость в самом существовании независимой Чечни».

Отступая от темы этих заметок, заметим, что в Чечне, на войне, Щекочихин представлял собой пример самого что ни на есть толерантного и образцового поведения журналиста в горячей точке: «Когда я уговорил его взять меня с собой в их бэтээр, – пишет он в книге о своей военной командировке, – мне предложили одеться в камуфляж и надеть «сферу», то есть каску. Я отказался: нет, я человек гражданский. Правда, бронешит нацепил.

Естественно, я отказался брать и автомат: если, не дай Бог, что-нибудь случится, человек, найденный убитым не с диктофоном, а с автоматом, уже не может считаться журналистом. Даже посмертно».

УРОК ВОСЬМОЙ. Журналист в горячей точке не имеет право брать в руки оружие. Иначе он перестает быть журналистом.

Итак, уже в середине девяностых Россия была повергнута в «коррупционный шок» и фактически достигла своего «корруп-

ционного потолка» (или дна?). Россия в этот период стала страной не только «тотальной коррупции», но и «государственной мафии». Любопытнее всего, что эти процессы разворачивались на фоне перманентной борьбы с коррупцией!

Здесь необходимо еще одно «нелирическое» отступление.

С коррупцией в демократической России начали «бороться» сразу же после преобразования государства российского. История создания антикоррупционного законодательства уходит своими корнями в 1992 год. Именно в это время депутаты Верховного Совета Российской Федерации начали разрабатывать закон о борьбе с коррупцией. В этом же году закон был провален народными избранниками в первом чтении. Продолжение законодательной работы по борьбе с коррупцией в 90-е годы декларировал затем каждый новый созыв Госдумы. Но у депутатов долгое время находились более важные дела, например создание законов, повышающих благосостояние и социальную защиту самих законодателей. Когда же закон «О борьбе с коррупцией» был, наконец, принят Государственной Думой и Советом Федерации, он был несколько раз заветирован президентом РФ Б.Н. Ельциным.

В итоге, на протяжении всех 90-х годов, как и в начале 2000-х, «де-юре» коррупции в стране не существовало.

Новые попытки создать антикоррупционное законодательство были предприняты уже в новом тысячелетии и продолжались семь лет. В 2001 году в Госдуму был внесён проект закона «О противодействии коррупции». После многочисленных перипетий и приключений, в декабре 2008 года документ, по некоторым оценкам, пятый по счёту в череде не утверждённых проектов антикоррупционного законодательства, наконец, был подписан Президентом РФ Д.А. Медведевым и обрел статус закона. В этом документе понятие коррупция трактуется достаточно широко: «коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в

целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица». По сути, закон закрепляет в виде коррупционных преступления, предусмотренные несколькими статьями Уголовного кодекса РФ, а именно ст. 285. «Злоупотребление должностными полномочиями»; ст. 286. «Превышение должностных полномочий»; ст. 290. «Получение взятки»; ст. 292. «Служебный подлог». Многострадальный «антикоррупционный» закон принёс с собой и несколько важных положений. Согласно закону любое должностное лицо РФ обязано «представлять представителю нанимателя (работодателю) сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей». Кроме этого «государственный или муниципальный служащий обязан уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений». В этом же законе государственному или муниципальному служащему вменяется в обязанность «принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов». По сути, означающая всё то же уведомление о самой возможности чиновника использовать служебное положение в личных интересах.

Раньше, в 2002 году вступил в силу ещё один важный закон – Закон «О противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путём». Суть Закона сводится к тому, что организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, наделаются обязанностью отслеживания проходящих через них финансовых и имущественных потоков в том случае, если они подпадают под установленные в Законе

«критерии подозрительности». Об этом оперативно сообщается в специализированный государственный орган, который анализирует полученную информацию и при необходимости передает ее в правоохранительные органы. В случае установления оснований для наступления уголовной ответственности в действие вступают соответствующие нормы Уголовного кодекса...

Поможет ли принятие этих законов успешной борьбе с коррупцией и мафией? Вопрос остается открытым... Пока же многочисленные экспертные оценки показывают, что заклинания и декларации никак не влияют на жизнь и благополучие коррупционного спрута. Несмотря на постоянные отчёты о борьбе с коррупцией, по оценке международной организации «Трансперенси Интернешнл – Россия» (ТИР), регулярно составляющей рейтинги, характеризующие уровень противодействия коррупции в разных государствах, «антикоррупционное» место России в мире сегодня находится далеко во второй сотне стран:

- 2000 год – 82 место (2,1 балла)
- 2001 год – 79 место (2,3 балла)
- 2002 год – 71 место (2,7 балла)
- 2003 год – 86 место (2,7 балла)
- 2004 год – 90 место (2,8 балла)
- 2005 год – 126 место (2,4 балла)
- 2006 год – 126 место (2,5 балла)
- 2007 год – 143 место (2,3 балла)
- 2008 год – 147 место (2,1 балла)
- 2009 год – 146 место (2,2 балла)¹¹

Россия в этом списке в разные годы соседствовала с такими государствами, как Албания, Сирия, Бангладеш, Кения, Нигер, Сьерра-Леоне, Гамбия, Того, Гвинея-Бисау, Ангола... Ясно, что серьёзного продвижения к победе над коррупцией и мафией в России в ближайшие годы ожидать невозможно. Успех может прийти только в долгосрочной исторической перспективе.

Вряд ли всего этого не понимал опытный журналист, а с начала 1990-х ещё и депутат Государственной Думы Юрий Щекочихин. И всё же раз за разом он задавал себе и своим собеседникам

¹¹www.transparency.org.ru.

эти вопросы: Как бороться с мафией? Какие инструменты борьбы с коррупцией являются наиболее эффективными и успешными? И иногда находил тех, кто уже ответил на эти вопросы.

«– Так где же выход?»

И Александр Иванович дает ответ, который, наверное, должен был (в силу профессии) дать я:

– В гласности! Мафия должна знать, что мы о ней знаем и будем бороться с ней, как с явлением».

Так отвечает на очень важный вопрос Александр Гуров в конце 1980-х, на пике перестройки. И Щекочихин солидарен со своим собеседником. Он всегда был одним из тех, кто понимал, что только широкая гласность, открытость и прозрачность во взаимоотношениях «государство – народ» (уже в первых текстах цикла «Лев прыгнул» мафия олицетворялась для него не столько бандитами, сколько госчиновниками – А.З.) может привести к искоренению этого зла. Мафия и коррупция «скукожатся», когда ВСЕ смогут узнать, как принимается то или иное решение, когда ВСЕ смогут узнать, соответствует ли реальное благосостояние того или иного служащего государственных интересов его заработной плате и уровню легальных доходов. Щекочихин не только понимал это, но и на протяжении большей части творческой жизни работал ради осуществления этих принципов.

Но одной гласности и прозрачности для полного искоренения мафии и коррупции всё же недостаточно! Ради победы необходимо тесное взаимодействие общества, журналистов и правоохранителей. Общества, которое осознавало бы всю безнравственность этих явлений и противостояло им силой общественного мнения. Журналистов и правоохранителей, которые не боялись бы противостоять этому злу, имея за спиной материальные и моральные стимулы.

Увы, всё вышеперечисленное – не про современную Россию. Сегодня в нашей стране есть общество, которое само втянуто в тотальные коррупционные процессы, считает их нормальными и не представляет себя без них; журналисты, многие из которых давно стали не «цепными псами» – защитниками личности, общества и демократии, а, напротив, верными псами вла-

сти; правоохранители, которых давно уже зовут не иначе, как «мафия в погонах».

Но, несмотря на понимание всех этих горьких реалий, Юрий Щекочихин не терял веру и надежду.

УРОК ДЕВЯТЫЙ. Журналист не имеет права терять веру в торжество справедливости и надежду. Иначе как он сможет вести за собой общество, отстаивать его интересы?

Очевидцы вспоминают, каким вдохновенным, упоённым «поэзией борьбы с мафией» приехал он осенью 2002 года из очередной зарубежной командировки – с Сицилии – признанной родины «коза ностры». Там он впервые с удовольствием отметил: есть реальный опыт успешной борьбы с мафией, и тщательно изучал его секреты. Главный из рецептов Щекочихин вынес в заголовок своего сицилийского материала: «ЧТОБЫ ОТОБРАТЬ У НИХ ВЛАСТЬ, НАДО ЛИШИТЬ ИХ СОБСТВЕННОСТИ». Всей реальной собственности, нажитой незаконно, а не только той, которая записана в декларации! Как только власть сделает это, общество сразу же поверит в серьёзность намерений государства и станет ему надёжным союзником. Невозможно не процитировать несколько восторженных строк журналиста:

« – ...А ты знаешь, что это такое? – указывает мне на дырку в земле парень, – он сегодня владеет участком одного из донов мафии, которому дали пожизненное заключение.

– Наверное, водопровод, – говорю я, глядя вниз с балкона.

– Нет, – говорит он. – Это не водопровод. Это подземный ход. Именно с этого балкона он смотрел в бинокль на дорогу, ожидая карабинеров, и, когда они появлялись, спускался в эту дыру и полз подальше. А его подземный ход в городском особняке в Палермо начинался под стиральной машиной.

– Ты не боишься, что он вдруг вернется и убьет тебя? — спрашиваю я.

– Он никогда не вернется. А я не боюсь. Я устал бояться. <...>

...И про мэра маленького сицилийского городка – он решил построить новое здание мэрии на земле, отнятой у мафии: пусть люди знают – ОНИ больше сюда не вернутся. И еще о

многим рассказываю, чтобы самому себе признаться: у нас такого не будет. Пока не будет».

Его восторженность не может не превращаться в грусть, в сожаление «информированного оптимиста»:

«Отправляясь в эту поездку, которая была организована Луис Шели, руководителем американского центра по борьбе с коррупцией, я запросил документы в Минюсте и Минкомимущества: куда девается имущество, конфискованное у наших бандитов и госчиновников? Получил не совсем внятные ответы. Да, конфискуют. Но никто не видел этого конфискованного.

А неконфискованное мы видим каждый день».

В сицилийском тексте, опубликованном уже в «Новой газете», он не забыл про своего старого знакомца – льва.

«Да, вот еще что... Очень беспокоюсь о льве. Куда бы я ни приезжал, я у всех спрашивал: «Вам лев не нужен?». Живой, настоящий, грустный лев, конфискованный у одного из донов. Может, потому что ко львам у меня особое отношение.

Когда двенадцать лет назад еще в «ЛГ» мы опубликовали наш диалог с Александром Гуровым «Лев прыгнул», впервые объявив о существовании мафии в СССР, мы надеялись, что вдруг что-то изменится. И сейчас надеюсь.

Но наши львы себя замечательно чувствуют.

Только грустный сицилийский лев никак не найдет свое место в новой жизни».

УРОК ДЕСЯТЫЙ. Для успешной борьбы с мафией и коррупцией, оказывается, есть рецепты: это свобода прессы, придающая обществу гражданское здоровье, и антикоррупционные законы, в основе которых – не декларации, а действенные механизмы, например конфискация доходов и имущества, полученных преступным путём.

В стране трёх китов: коррупции, криминала, казнокрадства

«В стране трёх китов: коррупции, криминала, казнокрадства» – так назывался один из ключевых текстов последнего расследования Юрия Щекочихина, посвященного знаменитому

делу о «Трёх китах». Его герои ныне живут и здравствуют. Кто-то из них, правда, лишился должности, на кого-то было заведено уголовное дело, кто-то, наконец, осужден, но, казалось бы, в целом ничего переломного в стране не случилось. И всё же последнее расследование Щекочихина и его друзей-единомышленников можно считать в какой-то степени переломным и знаковым. В России, в которой к этому времени для коррупции не осталось никаких преград и барьеров, должна была сработать самая последняя защитная реакция. Вот что об этом говорит друг и соратник Щекочихина, к этому времени уже председатель комитета Госдумы по безопасности Александр Гуров: «Умные люди понимают, что ситуация, возникшая вокруг «Трёх китов», – знаковая и может быть названа переломной.

Развитие постсоветского общества подошло к той черте, когда настала пора принципиально решать, подчёркиваю, важнейший аспект экономической безопасности страны: будет ли российская экономика и впредь настраиваться на криминальные ориентиры либо же в этом процессе, наконец, наступят конституционная справедливость, юридическая упорядоченность, общественное благоденствие».

До общественного благоденствия, конечно же, оставалось и остаётся ещё немало времени, а вот защитная реакция в этот период всё-таки сработала. И катализировали её законодатели и журналисты. Юрий Щекочихин был и законодателем (еще в 90-е он стал депутатом Государственной Думы РФ – А.З.), и журналистом.

Мы не сможем досконально восстановить ход самого расследования – это гораздо лучше могли бы сделать коллеги Щекочихина по «Новой газете», да и сам Юрий Петрович успел написать об этом в своей книге «Однажды я был...» – мы лишь попытаемся реконструировать фабулу событий, извлечь некоторые уроки и рассказать о том, что случилось после...

Эта история началась в 1999 году. Служба собственной безопасности Государственного таможенного комитета России выявила на Одинцовском таможенном терминале ряд злоупотреблений, да таких, что весь таможенный пункт пришлось

срочно расформировывать. В ходе расследования выяснились некоторые фирмы, через которые проходил контрабандный товар. Контрабанда мебели, например, шла через некую фирму «Лига Марс». В результате действий таможенников было принято решение возбудить по вскрывшимся фактам уголовное дело и создать следственную группу Следственного комитета при МВД РФ. Её возглавил следователь из Твери капитан Павел Зайцев. Он-то и раскопал связи «Лиги Марс» с крупными игроками на московском мебельном рынке, фирмами «Гранд» и «Три кита», владельцем которых был некто Сергей Зуев. В это же время сам Зуев начал настойчиво искать «дружественные» каналы в Государственном таможенном комитете (ГТК), чтобы «разрегулировать» это дело. Он попросил председателя Мебельного союза Сергея Переверзева (позже его, как одного из основных свидетелей, убьют прямо в палате больницы – А.З.), организовать ему встречу с зампредом ГТК. Но на этом уровне решить проблему не удалось. Тогда Зуев встретился с руководителями ГТК рангом ниже – Волковым и Файзулиным. Таможенники предложили ему достойный и вполне официальный выход из ситуации. Для того чтобы избежать уголовного преследования, Зуеву необходимо было внести в казну 5 миллионов долларов платежей, которые раньше недополучил российский бюджет. Зуев деньги заплатил, и дело бы, судя по всему, благополучно закрыли. Но тут произошло то, что, видимо, можно назвать не иначе как «агрессивным сценарием» или «ответным ударом». Дело о «Трёх китах» вдруг срочно забирает Генеральная прокуратура и менее чем через месяц возбуждает уголовные дела против таможенников и следователя Зайцева. Оказывается, что фирма Зуева якобы вообще не участвовала в таможенных действиях и всё, что было совершено против неё, сделано было незаконно...

На этом этапе к расследованию и подключился Щекочин. Поводом, видимо, стало письмо самого Павла Зайцева, пришедшее в Госдуму. В письме подследственный следователь пишет о том, что «лидеры преступного сообщества, используя сотрудников Генеральной прокуратуры, приняли все меры для

прекращения расследования дела, опорочивания полученных доказательств и дискредитации следственной группы.

В частности, при расследовании мной уголовного дела в ноябре 2000 года мне и бывшему руководству следственной части Следственного комитета были предоставлены рассекреченные материалы прослушивания телефонных переговоров, из которых следовало, что участникам преступного сообщества было известно о том, что уголовное дело будет затребовано Генеральной прокуратурой и там прекращено, что «ментам нужно лоб зелёной мазать» (дословно), что часть из них уволят, а часть «посадят». По устным сообщениям представителей оперативного сопровождения (ГУВД Московской области), в Генеральную прокуратуру участниками сообщества было заплачено 2 миллиона долларов США».

Уголовное дело по «Гранду» и «Трём китам» начали разваливать, видимо, по уже отработанной в Генеральной прокуратуре схеме. Адвокаты обвиняемого Зуева направили в прокуратуру жалобу о якобы имевших место незаконных действиях со стороны следственной бригады и ее руководителя. В Генпрокуратуре жалобу уже ждали. После того как возбудили уголовное дело против следователя, «автоматически» начало разваливаться то дело, которое он вел. К тому же внимание журналистов и общественности стало обращено к возбуждаемому делу против следователя, что упростило задачу по развалу основного дела.

«Почему же так просто было решить какие-либо вопросы в Генеральной прокуратуре, – пишет в своем письме Зайцев. – Об этом становится известно из следующего разговора (из тех же рассекреченных материалов прослушивания телефонных переговоров фигурантов дела – А.З.), состоявшегося 7 декабря 2000 года, когда материалы уголовного дела были уже изъяты в Следственном комитете: «...ситуация наша стала предсказуемой и понятной в плане чего, то есть дело по большой фирме забрала Генеральная прокуратура к себе. Они там создают следственную группу, которая всё это дело будет закрывать, прикрывать и разваливать... сегодня поступил звоночек по поводу того, что ручка на бумажке занесена, и они просили первую пропла-

ту сделать, включая работу, 125 тысяч – то, что им надо сегодня привезти. То ли боятся меченых денег, то ли ещё чего...».

Письмо следователя по особо важным делам Павла Зайцева, пожалуй, как ни что другое характеризует атмосферу, царящую в Генеральной прокуратуре России, да и в других правоохранительных органах времен перехода власти от президента Ельцина к президенту Путину. Возможно, будущие историки – исследователи этого периода напишут и о том, что именно в эти годы в России начался очередной передел собственности в пользу так называемых «государственников», конкретнее, бывших и действующих чиновников, отставных и продолжающих работать представителей правоохранительных и силовых ведомств. Большинство журналистских расследований этого периода появлялись на свет тогда, когда уже не могли удержаться «в избе» противоречия между представителями разных государственных и правоохранительных органов. И они начинали выяснять отношения между собой, что обычно заканчивалось либо заведением уголовных дел (что происходило чаще), либо вооруженными столкновениями со стрельбой и кровью (что случилось реже). Но и в том, и в другом случае конфликт, к радости журналистов, выплёскивался на страницы СМИ. Только тогда общество и узнавало об очередном «коррупционном скандале», когда большие начальники из разных ведомств не могли что-то между собой поделить.

Что касается Юрия Щекочихина, то для него было характерно «ввязаться в драку» тогда, когда что-то серьёзное угрожало конкретному хорошему человеку, к тому же борющемуся за истину и справедливость. Именно этот творческий стимул был, пожалуй, для Щекочихина самым главным.

УРОК ОДИННАДЦАТЫЙ. *Юрий Щекочихин часто начинал расследования не тогда, когда нужно было нападать и разоблачать, а тогда, когда необходимо было защищать человеческое достоинство или саму жизнь человека, который не хотел становиться винтиком в коррупционной системе.*

Характерен и ещё один эпизод, связанный со скандальным делом «Трёх китов». Заместитель председателя комитета Госду-

мы по безопасности Юрий Щекочихин не позволял себе писать о том, о чём говорилось на закрытых заседаниях комитета, но на этот раз он попросил разрешение у председателя комитета Александра Гурова опубликовать стенограмму заседания комитета, посвященного делу «Трёх китов». Перед вами несколько фрагментов из этой стенограммы, опубликованной тогда же в «Новой газете»:

«КАРЕТНИКОВ В., член Комитета по безопасности: Что явилось основанием для изъятия этого дела из МВД? Забрали это дело у них, и всё?

КОЛМОГОРОВ В., заместитель генерального прокурора РФ: Ну забрали-то забрали – не надо так говорить.

В ходе исследования этого дела, которое проводилось оперативно-следственной группой, от граждан, особенно из Подмосковья, пачками пошли жалобы, что их родственников прямо из дома забирают и увозят, никто ничего не объясняет.

Мы должны были разобраться с этим делом как надзирающий орган. Мы разобрались. И усмотрели, что в действиях этой следственно-оперативной группы, возглавляемой следователем Зайцевым, имеется превышение власти. Поэтому было принято решение: передать это дело следователю Следственного управления Генеральной прокуратуры.<...>

КОВАЛЕВ Н., член комитета, председатель комиссии ГД по борьбе с коррупцией: <...> Василий Васильевич Колмогоров! Хочу сказать от имени комиссии по борьбе с коррупцией. Нам приходится направлять документы в Генеральную прокуратуру десять раз в день. Десять в день! В каждом из них говорится о нарушениях прав человека, о незаконных задержаниях, арестах, обысках и так далее. Получается – 300 в месяц. Ни по одному Генеральная прокуратура не приняла дело к своему производству. Поэтому, конечно, возникает естественный совершенно вопрос: почему именно дело Зайцева? В чем причина такой избирательности? И на этот вопрос Генеральная прокуратура должна ответить совершенно гласно и однозначно, честно, чтобы всем было понятно. Дело приняло очень широкий, не только российский, но и международный оборот. Оно скандальное и беспрецедентное».

Судя по стенограмме, на заседании Щекочихину не удалось выдерживать беспристрастную интонацию. Он был эмоционален и даже несколько запальчив. И решение опубликовать именно стенограмму, документ, безо всяких комментариев, было, пожалуй, самым верным журналистским решением. Ответы заместителя генпрокурора в этом документе (хотя, по сути, в ней нет ни одного прямого ответа – А.З.) – саморазоблачающие. Мне они напомнили показанное на одном из журналистских семинаров телеинтервью с одним британским чиновником. Журналистка ВВС двенадцать раз в разной интерпретации задавала чиновнику один и тот же интересующий её вопрос и ни разу не получила на него ответа. Но как только интервью было продемонстрировано по телевидению – сразу все недосказанности стали прозрачными!

По канонам жанра журналистского расследования, принятым на родине макрейкеров, в США, позиция журналиста, как и его произведение, должны быть беспристрастными. Никаких личных оценок, а тем более эмоций в расследовательском тексте быть не должно.

Творчество Юрия Щекочихина ломает эти законы жанра. В своих комментариях и очерках-расследованиях он принципиально пристрастен. Проблема препарируется им не только с помощью точного отбора фактов и их логического анализа, она раскрывается с участием самого автора как человека и гражданина. Автор не может молчать, он не может не быть эмоциональным, он не может не быть чувствующим.

«Вот и не стало генерала Гамова... – пишет Щекочихин об убийстве генерала-пограничника, боровшегося с рыбной мафией на Дальнем Востоке. – В конце прошлой недели мне сообщили, что заказчиком его убийства стал один из восьми мафиозных главарей, перечисленных в японской газете.

Сообщил тем, кто пытается раскрыть очередной наш ужас. Еще до этого передал пакет документов, которые привез из Японии, в МВД.

Не знаю, что еще делать...

Сказать, что, кроме криминальной столицы в Петербурге, есть еще далекая, но нашенская криминальная земля?

Купить на Тишинском рынке «АКМ»?

Жалко генерала».

Практически все его тексты отличаются яркой эмоциональностью. Наиболее часто встречающиеся приемы эмоционального обогащения текста – контраст (антитезы, контрастные детали и т. д.), парадоксальность заявлений, а также сознательное выстраивание диалога с читателем, дающее эффект межличностного общения, дружеской беседы. Получается, Щекочихин на протяжении десятилетий сумел выстроить дружескую беседу с большой частью своей страны!

Рассказчик, абсолютно идентичный биографическому автору, почти всегда присутствует в его текстах в качестве действующего лица, и именно это придает его расследованиям психологическую и эмоциональную достоверность и убедительность, превращающуюся в итоге в яркую публицистичность.

УРОК ДВЕНАДЦАТЫЙ. *Расследовательские тексты могут быть эмоциональными и даже пристрастными. Правда, только при одном условии: если в ходе расследования автор не поступился принципами честности и объективности. А влияние личности автора и его позиции на аудиторию будут тем сильнее, чем выше его репутация, созданная всей предыдущей творческой жизнью.*

...Но вернёмся к делу о «Трёх китах». Сама схема закрытия, по сути, развала крупного уголовного дела, о котором говорилось на заседании комитета Госдумы, в те годы применялась нечасто. Обычно с милиционерами можно было договориться по-другому. Но и алгоритм развала дела о «Трёх китах» оказался несложным. В результате разработанной и осуществленной схемы доказательства, собранные Павлом Зайцевым и его бригадой, должны были признаться ничтожными, дело, которое он вёл – закрыться, а сам он – попасть за решётку.

После появления стенограммы с заседания Госдумы Юрий Щекочихин успел напечатать в «Новой газете» ещё три материала, связанные с делом о «Трёх китах» и с делом следователя

Павла Зайцева. Эти процессы развивались по-разному. В сентябре 2002 года Щекочихин в заголовке своего комментария вздыхал с оптимизмом: «Ещё не свет, но лёгкий проблеск». Решением Мосгорсуда следователь Павел Зайцев всё-таки был оправдан! Но в июне 2003 года Щекочихин вынужден был с горечью констатировать, что судье, ведущему дело о «Трёх китах», угрожают, прокурора изолировали, а одного из главных свидетелей убили. Это был последний текст журналиста, посвященный «Трём китам», через месяц его не стало...

Многие эксперты и очевидцы тех событий свидетельствуют: останься жив Юрий Щекочихин, многое тайное стало бы явным, ведь ниточки от контрабандистов тянулись на самый верх. Был даже кто-то, кто брался организовать встречу номинального руководителя мебельных холдингов Сергея Зуева с Президентом России Владимиром Путиным. Летом 2003-го Щекочихин должен был лететь в США с тем, чтобы предоставить интересующую ФБР информацию, связанную с американскими эпизодами коррупционных российских историй. А в конце лета из недр Комиссии Госдумы по борьбе с коррупцией в отношении высших чинов Генеральной прокуратуры должен был отправиться президенту неутешительный вывод – руководство Генпрокуратуры необходимо, по меньшей мере, отправлять в отставку.

...Он не остался жив, не улетел, не отправился...

Щекочихин умер, и всё осталось по-прежнему. Высшие чины Генпрокуратуры остались в своих креслах и продолжали работать. На свободе оставались и главные фигуранты дела о «Гранде» и «Трёх китах». Ни журналистам, ни коллегам Щекочихина по Госдуме не удалось проследить дальнейшую цепочку, тянущуюся от Зуева, которого знающие люди считали всего лишь «зиц-председателем» мебельных центров. По одной из версий ниточка дела о «Трёх китах» вела к другим крупным скандалам, и прежде всего, к знаменитому в 90-е годы делу о так называемых «чеченских авизо», с помощью которых были украдены многомиллионные суммы. «Когда мы расследовали уголовное дело, одна из основных версий заключалась в том, что стартовый капитал, который был потрачен на строительство самих

комплексов «Гранд» и «Три кита», был получен в результате афер с так называемыми чеченскими авизовками, – рассказывал следователь Павел Зайцев, – Помните 90-е? Очень небольшая часть денег от тех афер, примерно \$38 миллионов, были отмыты при помощи печально известного Bank Of New York. 10-12 лет назад это были хорошие деньги. И через немецкие банки эти 38 миллионов пришли в Россию под видом неких инвестиций немцев в российскую экономику. В ходе расследования мы связывались с германской стороной. Они с удивлением узнали от нас, на что именно эти средства были потрачены»¹².

Видимо, расследовать всё это было под силу только самому Щекочихину...

В ноябре 2003 года Мосгорсуд приговорил Павла Зайцева к 2 годам тюрьмы, а судья Ольга Кудешкина, которая ранее его оправдала, была отстранена от работы. Говорили о том, что в процессе принятия этого решения немаловажную роль сыграли звонки председателю Мосгорсуда Егоровой из Генпрокуратуры. Замгенпрокурора Бирюков якобы разговаривал с ней лично.

И всё же Щекочихин и его единомышленники кое-что успели... 14 июня 2006 года, после почти трёхлетнего затишья, практически все СМИ сообщили о том, что задержаны 5 основных фигурантов по делу о «Трёх китах», включая Сергея Зуева. Постановление подписал всё тот же заместитель генпрокурора Бирюков, но его начальник, генеральный прокурор РФ Устинов уже был снят с работы. Чуть позже в отставку ушли и почти все его замы, включая Бирюкова и Колмогорова.

Таковы были первые результаты кропотливой работы ленинградского прокурора Владимира Лоскутова, однокашника Владимира Путина, которому президент лично, фактически в обход генпрокуратуры, поручил разобраться с делом о «Трёх китах». Это произошло не без участия Комитета по безопасности Госдумы и лично Гурова и Щекочихина. По свидетельствам Александра Гурова и Павла Зайцева решения о возобновлении расследования дела о «Трёх китах» и о последующих действиях принимались непосредственно в кабинете Путина. Обращения

¹²http://www.rian.ru/trend/grand_sentence_19032010/.

во все иные инстанции, включая генпрокуратуру, по мнению Александра Гурова, были абсолютно бессмысленными.

Кроме того, в сентябре 2006 года в отечественных СМИ появилась информация о массовых увольнениях высокопоставленных чиновников и представителей спецслужб, так или иначе связанных с делом о «Трёх китах». В общей сложности 19 человек покинули свои посты. Это были люди, работавшие в ФСБ, таможне, прокуратуре, а также в правительстве и управлении делами президента. В управделами были отправлены в отставку чиновники, осуществлявшие контакты с правоохранительными органами и силовыми структурами. Очевидно, эти увольнения были произведены не без конъюнктурных соображений – в стране разворачивалась антикоррупционная кампания. И всё же просматривалось в этих отставках нечто большее, чем обычная для нашей страны волна очередной конъюнктурной кампании. Имен уволенных не называли. Но одна фамилия всё же не могла не замелькать в прессе в связи с делом о «Трёх китах». Фамилия Евгения Заостровцева, генерала, бывшего замгендиректора ФСБ и руководителя охранной фирмы, услугами которой пользовались «Три кита». Именно он, по мнению знакомых с ситуацией людей, выстроил систему взаимоотношений владельцев мебельной фирмы с нужными людьми из правоохранительных и властных структур. К тому же фраза «бывших чекистов не бывает» была для Евгения Заостровцева более чем справедлива. Дело в том, что его сын, Юрий Заостровцев, в описываемое время руководил ни много ни мало – департаментом экономической безопасности ФСБ РФ.

В конце декабря 2007 года прокуратура наконец-то передала дело о «Трёх китах» в суд. Сначала в городской суд подмосковного Наро-Фоминска, затем – в Санкт-Петербург, потом – снова в Наро-Фоминск. Видимо и судебные органы боялись давления... Только весной 2008 года уголовное дело начали рассматривать по существу. Судебный процесс длился два года. В апреле 2010 года по делу был вынесен обвинительный приговор: Сергея Зуева, как владельца торговых центров и организатора группы суд признал виновным в контрабанде и дал

ему восемь лет колонии строгого режима. Еще троих его подельников суд приговорил к 4, 7 и 7,5 годам колонии. Пятерых – к условным срокам. Прокуратура удовлетворилась решением суда. Журналисты отметили, что Сергей Зуев, фактически уже отбывший половину назначенного срока в СИЗО, в ближайшее время может быть амнистирован и выпущен на свободу.

P.S. о P.S. В его тексте о сицилийской мафии и борцах с нею было такое... «**P.S.** В Палермо меня нашли журналисты известной итальянской газеты «Республика». Они спросили, есть ли в России символы борьбы с коррупцией – как два убитых судьи, Фальконе и Борселино, из-за которых Сицилия поднялась против мафии. Нет, у нас их не убивают, у нас их выживают, увольняют, топчут ногами. Я вспомнил самых лучших, о которых писала «Новая газета»: Катышев, Волков, Михеев и чуть не съеденный Зайцев...»

...Горько осознавать, но теперь и в России есть свой символ борьбы с коррупцией.

Это он – журналист Юрий Щекочихин.

Оригинал: Щекочихин Ю. Незавершен... М., 2010. – 560 с.

Тема 3. Написание заявки на журналистское расследование

Форма заявки на проведение журналистского расследования

СМИ: Автор: Редактор:	Срок сдачи материала:
--------------------------------------	------------------------------

Краткое описание темы	
Варианты заголовков	
Ключевой вопрос материала	
Рабочая гипотеза (предварительный ответ на ключевой вопрос, основной тезис, который требуется доказать, тезисы, вытекающие из главного)	
Открытые источники и специальные базы данных	
Эксклюзивные источники, эксперты, комментаторы	
Запросы на получение информации (организации, сроки подачи)	
Иллюстративный материал (оперативное фото, фотоархив, инфографика)	

**Количество публикаций,
их объем, жанровые реше-
ния**

**Юридическая экспертиза
(эксперт, организация)**

**Сроки (дедлайны)
контрольных точек**

Составление досье по открытым источникам
Подготовка итогового материала до редакти-
рования
Корректировка и редактирование

Тема 4. Составление предварительных материалов журналистского расследования (досье и резюме)

Справка (досье с резюме) по открытым источникам

Тема: мошенничество в сфере госзаказов в Эртильском районе Воронежской области

1. Законодательная база

а) Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»
Статья 1. Сфера применения настоящего Федерального закона

1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок, в части, касающейся:

- 1) планирования закупок товаров, работ, услуг;
- 2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключения гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также бюджетным учреждением либо иным юридическим лицом в соответствии с частями 1, 4 и 5 статьи 15 настоящего Федерального закона (далее – контракт);
- 4) особенностей исполнения контрактов;
- 5) мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- 6) аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;

7) контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – контроль в сфере закупок).

(...)

Статья 3. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

1) контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – контрактная система в сфере закупок) – совокупность участников контрактной системы в сфере закупок и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок (за исключением случаев, если использование такой единой информационной системы не предусмотрено настоящим Федеральным законом), в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд;

2) определение поставщика (подрядчика, исполнителя) – совокупность действий, которые осуществляются заказчиками в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных нужд (федеральных нужд, нужд субъекта Российской Федерации) или муниципальных нужд либо в установленных настоящим Федеральным законом случаях с направления приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершаются заключением контракта;

3) закупка товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее – закупка) – совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим Федеральным законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика

(подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта.

4) участник закупки – любое юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала или любое физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя;

5) государственный заказчик – государственный орган (в том числе орган государственной власти), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, действующие от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации и осуществляющие закупки;

6) муниципальный заказчик – муниципальный орган или муниципальное казенное учреждение, действующие от имени муниципального образования, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени муниципального образования и осуществляющие закупки;

7) заказчик – государственный или муниципальный заказчик либо в соответствии с частью 1 статьи 15 настоящего Федерального закона бюджетное учреждение, осуществляющие закупки;

8) государственный контракт, муниципальный контракт – договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд;

9) единая информационная система в сфере закупок (далее – единая информационная система) – совокупность информации, указанной в части 3 статьи 4 настоящего Федерального за-

кона и содержащейся в базах данных, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации.

10) уполномоченный орган, уполномоченное учреждение – государственный орган, муниципальный орган, казенное учреждение, на которые возложены полномочия, предусмотренные статьей 26 настоящего Федерального закона;

11) специализированная организация – юридическое лицо, привлекаемое заказчиком в соответствии со статьей 40 настоящего Федерального закона;

12) федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере закупок;

13) контрольный орган в сфере закупок – федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления муниципального района, орган местного самоуправления городского округа, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок.

14) орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок – орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный на осуществление функций по обеспечению (во взаимодействии с федеральным органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок) реализации государственной политики в сфере закупок для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации, организации мониторинга закупок для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации, а также по методологическому сопровождению деятельности заказчиков, осуществляющих закупки для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации;

15) эксперт, экспертная организация – обладающее специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла физическое лицо, в том

числе индивидуальный предприниматель, либо юридическое лицо (работники юридического лица должны обладать специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла), которые осуществляют на основе договора деятельность по изучению и оценке предмета экспертизы, а также по подготовке экспертных заключений по поставленным заказчиком, участником закупки вопросам в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

16) совокупный годовой объем закупок – утвержденный на соответствующий финансовый год общий объем финансового обеспечения для осуществления заказчиком закупок в соответствии с настоящим Федеральным законом, в том числе для оплаты контрактов, заключенных до начала указанного финансового года и подлежащих оплате в указанном финансовом году.

(...)

Статья 6. Принципы контрактной системы в сфере закупок

Контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулирования инноваций, единства контрактной системы в сфере закупок, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.

Статья 7. Принципы открытости и прозрачности

1. В Российской Федерации обеспечивается свободный и безвозмездный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок.

2. Открытость и прозрачность информации, указанной в части 1 настоящей статьи, обеспечиваются, в частности, путем ее размещения в единой информационной системе.

3. Информация, предусмотренная настоящим Федеральным законом и размещенная в единой информационной системе, должна быть полной и достоверной.

Статья 8. Принцип обеспечения конкуренции

1. Контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между

участниками закупок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

2. Конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок любых действий, которые противоречат требованиям настоящего Федерального закона, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок.

Статья 9. Принцип профессионализма заказчика

1. Контрактная система в сфере закупок предусматривает осуществление деятельности заказчика, специализированной организации и контрольного органа в сфере закупок на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок.

(...)

Статья 11. Принцип единства контрактной системы в сфере закупок

Контрактная система в сфере закупок основывается на единых принципах и подходах, предусмотренных настоящим Федеральным законом и позволяющих обеспечивать государственные и муниципальные нужды посредством планирования и осуществления закупок, их мониторинга, аудита в сфере закупок, а также контроля в сфере закупок.

Статья 12. Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок

1. Государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, муниципальные органы, казенные учреждения, иные юридические лица в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд.

2. Должностные лица заказчиков несут персональную ответственность за соблюдение требований, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок и нормативными правовыми актами, указанными в частях 2 и 3 статьи 2 настоящего Федерального закона.

Статья 13. Цели осуществления закупок

(...)

Статья 15. Особенности закупок, осуществляемых бюджетным, автономным учреждениями, государственным, муниципальным унитарными предприятиями и иными юридическими лицами

1. Бюджетные учреждения осуществляют закупки за счет субсидий, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, и иных средств в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи.

2. При наличии правового акта, принятого бюджетным учреждением в соответствии с частью 3 статьи 2 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и размещенного до начала года в единой информационной системе, данное учреждение вправе осуществлять в соответствующем году с соблюдением требований указанных Федерального закона и правового акта закупки:

1) за счет грантов, передаваемых безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, в том числе иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории Российской Федера-

ции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, субсидий (грантов), предоставляемых на конкурсной основе из соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, если условиями, определенными грантодателями, не установлено иное;

2) в качестве исполнителя по контракту в случае привлечения на основании договора в ходе исполнения данного контракта иных лиц для поставки товара, выполнения работы или оказания услуги, необходимых для исполнения предусмотренных контрактом обязательств данного учреждения;

3) за счет средств, полученных при осуществлении им иной приносящей доход деятельности от физических лиц, юридических лиц, в том числе в рамках предусмотренных его учредительным документом основных видов деятельности (за исключением средств, полученных на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию).

3. Принятое бюджетным учреждением решение об осуществлении указанных в пунктах 1 - 3 части 2 настоящей статьи закупок в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, или в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» не может быть изменено в текущем году.

4. При предоставлении в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, регулирующими бюджетные правоотношения, средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации автономным учреждениям, государственным, муниципальным унитарным предприятиям на осуществление капитальных вложений в объекты государственной, муниципальной собственности на такие юридические лица при планировании и осуществлении ими закупок за счет указанных средств распространяются положения настоящего Федерального закона, регулирующие отношения, указанные в пунктах 1 - 3 части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона.

(...)

Статья 22. Начальная (максимальная) цена контракта, цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)

1. Начальная (максимальная) цена контракта и в предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), определяются и обосновываются заказчиком посредством применения следующего метода или нескольких следующих методов:

- 1) метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка);
 - 2) нормативный метод;
 - 3) тарифный метод;
 - 4) проектно-сметный метод;
 - 5) затратный метод.
- (...)

§ 2. Определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) путем проведения конкурсов и аукционов

Статья 48. Проведение открытого конкурса

1. Под открытым конкурсом понимается конкурс, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении такого конкурса, конкурсной документации и к участникам закупки предъявляются единые требования.

2. Заказчик во всех случаях осуществляет закупку путем проведения открытого конкурса, за исключением случаев, предусмотренных статьями 56, 57, 59, 72, 83, 84 и 93 настоящего Федерального закона.

(...)

6. Взимание платы с участников открытого конкурса за участие в открытом конкурсе не допускается, за исключением платы за предоставление конкурсной документации в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

(...)

§ 7. Исполнение, изменение, расторжение контракта

Статья 94. Особенности исполнения контракта

1. Исполнение контракта включает в себя следующий комплекс мер, реализуемых после заключения контракта и направленных на достижение целей осуществления закупки путем взаимодействия заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в соответствии с гражданским законодательством и настоящим Федеральным законом, в том числе:

1) приемку поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, а также отдельных этапов поставки товара, выполнения работы, оказания услуги (далее – отдельный этап исполнения контракта), предусмотренных контрактом, включая проведение в соответствии с настоящим Федеральным законом экспертизы поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения контракта;

2) оплату заказчиком поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения контракта;

3) взаимодействие заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) при изменении, расторжении контракта в соответствии со статьей 95 настоящего Федерального закона, применении мер ответственности и совершении иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или заказчиком условий контракта.

2. Поставщик (подрядчик, исполнитель) в соответствии с условиями контракта обязан своевременно предоставлять достоверную информацию о ходе исполнения своих обязательств, в том числе о сложностях, возникающих при исполнении контракта, а также к установленному контрактом сроку обязан предоставить заказчику результаты поставки товара, выполнения работы или оказания услуги, предусмотренные контрактом, при этом заказчик обязан обеспечить приемку поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги в соответствии с настоящей статьей.

3. Для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта заказчик

обязан провести экспертизу. Экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами или к ее проведению могут привлекаться эксперты, экспертные организации на основании контрактов, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом.

(...)

б) Уголовный кодекс, глава 21, статья 159. Мошенничество.

1. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, –

наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину, –

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

3. Мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишением

свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

4. Мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение, –

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. СМИ

«РИА Воронеж»

В Эртильском районе возбуждено уголовное дело в отношении директора городской управляющей компании

Он подозревается в мошенничестве с использованием служебного положения.

«Прокуратура Эртильского района признала законным постановление о возбуждении уголовного дела в отношении 42-летнего руководителя ООО ГУК «Эртиль-жилье». Мужчина подозревается в совершении преступления по части 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием служебного положения). В начале апреля 2011 года, по версии следствия, жильцы дома №3 по ул. Пушкинской Эртиля своими силами провели ремонт в подъездах. Он им обошелся в 13 тысяч рублей. Позже жильцы написали заявление на имя директора ООО ГУК «Эртиль-жилье», где попросили списать затраченные ими денежные средства на ремонт в счет взаиморасчета за полученные коммунальные услуги. Заявление жильцов организация удовлетворила. Однако руководитель компании, имея умысел на хищение бюджетных средств, ввел в заблуждение должностных лиц городской администрации. Он заключил

договоры на ремонт подъездов того же дома на сумму 195 тысяч рублей. В апреле 2011 года директор «Эртиль-жилье» предоставил в администрацию городского поселения фиктивные акты о приемке выполненных работ и счета на их оплату, хотя фактически условия договоров не были выполнены. В мае 2011 года администрация города перечислила на расчетный счет ООО ГУК «Эртиль-жилье» 195 тыс. рублей. Эти деньги и были похищены руководителем. Ведется следствие».

На шести сайтах подавалась такая же информация с разными заголовками и иллюстрациями (абстрактными картинками).

«Четыре пера»

Криминально-коммунальные хроники Воронежа

Второй год Воронежскую область лихорадит от неэффективной реализации программ переселения граждан из ветхого и аварийного жилья. Региональное следственное управление возбудило уголовное дело по статье «Халатность» по фактам нарушений в Поворино. Расследуется дело – правда, по мошенничеству – также в Эртиле. Между тем заявка команды губернатора Алексея Гордеева на возобновление финансирования региона из Фонда содействия реформированию ЖКХ остается неутвержденной.

Проверка Фонда проводилась, в частности, в Воронеже, Нововоронеже, Рамони и Семилуках. Результаты исследования показали, что не все организации, осуществляющие деятельность в сфере управления многоквартирными домами, полностью раскрывают информацию, предусмотренную соответствующим стандартом.

В период нахождения рабочей группы Фонда в регионе ее представители столкнулись с жалобами из Семилук на низкое качество жилья, предоставляемого в рамках программы переселения 2011-2012 годов. Специалистами Фонда при участии представителей администрации и прокуратуры был произведен анализ ситуации и установлено, что из 17 жилых помещений не переселены 37 человек. Зафиксировано, что дом № 4 «а» по улице Транспортной, в котором с использованием средств

Фонда приобретены жилые помещения для переселенцев из аварийного жилья, был введен в эксплуатацию, несмотря на то, что работы до конца не выполнены, имелся ряд недоделок.

(...)

Но непосредственным основанием для приостановления финансирования Воронежской области со стороны Фонда содействия реформированию ЖКХ стал Эртильский район. Как докладывал губернатору Алексею Гордееву Вадим Кстенин, руководитель областного профильного управления, которому в феврале 2014-го объявлен выговор, сбой произошел в период 2011-2012 годов. Подрядчик оказался недобросовестным. В целом в Эртиле переселению подлежали 98 человек из девяти аварийных домов. Однако, несмотря на своевременное финансирование, ООО «Регион-дом» к концу 2012 года остановило свою работу. К процессу пришлось привлечь субподрядчиков.

Губернатор Гордеев был, естественно, недоволен ситуацией. Он не ограничился выговором Кстенину, а еще и предупредил нерадивых глав администраций районов, что их подход к работе в сфере капремонта и переселения граждан будет караться. Префектам было поручено взять работу сельских поселений и райцентров на контроль.

А вот как развивались события дальше – вплоть до сегодняшнего дня. В начале апреля Фонд содействия реформированию ЖКХ сообщил, что продолжает совместную работу с представителями прокуратуры субъектов РФ с целью контроля за эффективностью и целевым использованием средств финансовой поддержки, предоставленной регионам, а также для предупреждения нарушений и принятия своевременных мер реагирования.

В частности, прокуратурой Воронежской области, как сообщалось, были организованы проверки по поступившему отчету рабочей группы Фонда содействия реформированию ЖКХ о результатах проведенных в регионе мониторинговых мероприятий реализации программ по капремонту многоквартирных домов, переселению граждан из аварийного жилищного фонда, а также выполнению условий предоставления финансовой поддержки за счет средств Фонда. По результатам проверок были

приняты меры прокурорского реагирования. Так, по информации прокуратуры области, вопросы раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами, постоянно находятся под контролем органов прокуратуры, которые регулярно проводят проверки, виновные лица привлекаются к установленной законом ответственности. Кроме того, после проведения Фондом проверки вопросы о своевременном сносе расселенных домов находятся на контроле. Принимались акты реагирования, в которых содержится требование о сносе расселенных аварийных домов. К примеру, в декабре 2013 года прокуратурой Воронежа было внесено представление в адрес горадминистрации, в котором указывалось на необходимость решения указанного вопроса. Постановлением администрации города от 24.12.2013 №1274 утверждена муниципальная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения городского округа город Воронеж», в рамках которой реализуется подпрограмма «Снос расселенных аварийных домов» со сроком реализации в 2014-2020 годах.

Прокуратурой Эртильского района неоднократно проводились проверки реализации программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, в ходе которых выявлялись многочисленные нарушения закона. 27 мая и 16 декабря 2013 года прокуратурой района вносились представления в адрес глав Эртильского поселения и администрации муниципального района, которые были частично удовлетворены.

22 ноября 2013 года по факту хищения бюджетных средств в размере 5,5 млн рублей при строительстве многоквартирного дома №9 «б» по улице Зеленая в городе Эртиль следственным отделом МВД России по Эртильскому району Воронежской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (мошенничество). В настоящее время ведется следствие.

Как подчеркивали в прокуратуре области, вопросы в части переселения граждан из аварийного жилищного фонда разрешаются региональным управлением жилищно-коммунального

хозяйства и энергетики в соответствии с компетенцией. Устранение выявленных Фондом ЖКХ нарушений находится на контроле прокуратуры области.

(...)

Между тем в конце апреля Фондом содействия реформированию ЖКХ принята к рассмотрению заявка Воронежской области на предоставление финансовой поддержки для переселения граждан из аварийного жилищного фонда. Регион планирует получить 306,7 млн рублей. Их планируется направить на переселение граждан из аварийного жилфонда на территории Борисоглебского городского округа, городов Боброва и Воронежа, а также Айдаровского городского поселения Рамонского муниципального района. В 2008-2013 годах Воронежской области, по сообщению Фонда, для реализации программ капитального ремонта многоквартирных домов и переселения граждан из аварийного жилья было выделено 7,07 млрд рублей. В порядке софинансирования регион добавил 3,14 млрд. Средства были направлены на проведение капитального ремонта 3187 многоквартирных домов и улучшение условий проживания 318,3 тыс. человек, а также предоставление новых квартир 8955 гражданам, ранее проживавшим в 513 аварийных домах. Заявка в Фонд ЖКХ до сих пор так и не рассмотрена.

360N

300 тыс. рублей, выделенных на благоустройство дворов, похищено в Воронежской области

Почти 300 тысяч рублей, выделенных из бюджета на благоустройство дворов, похищено в Эртильском районе Воронежской области. Об этом корреспонденту ИА REGNUM 1 апреля сообщили в пресс-службе ГУ МВД РФ по региону.

По данному факту возбуждено уголовное дело по статье 159 УК РФ «Мошенничество» по факту хищения денежных средств при благоустройстве дворовых территорий.

По данным следствия, в 2011 году на строительство детской площадки на улице Целинная в Эртиле было выделено и перечислено ООО ГУК «Эртиль-Жилье» 277,7 тысячи рублей. Сред-

ства были заложены в бюджете Воронежской области в рамках целевой программы. Однако детская площадка на месте, обозначенном в документах, к моменту перечисления средств уже была установлена, на ее строительство было затрачено 300 тыс. рублей. Но несмотря на это вновь перечисленные средства в бюджет возвращены не были.

Следствием устанавливаются обстоятельства совершения мошеннических действий и причастность к хищению денежных средств представителей руководящего звена ООО.

РЕЗЮМЕ: В течение нескольких лет в Эртильском районе Воронежской области были не раз замечены хищения денежных средств, которые были направлены на благоустройство города. Во всех возбужденных уголовных делах главным фигурантом является главный директор МУП «Эртиль-жилье.» В одном из дел фигурант получил около 200 тысяч рублей за несуществующий ремонт балконов дома по улице Пушкинской, точнее, балконы были отремонтированы, но не все, и силами собственников жилья, на общую сумму не больше 1 тысячи рублей.

В 2013 году тот же директор выиграл тендер, включенный в проект постройки социального жилья для жителей аварийных домов. Закончилось все в ноябре 2013 года, когда прокуратура возбудила новое уголовное дело о хищении 5,5 миллионов рублей и постановлением о том, что в данном доме жить нельзя из-за неправильной постройки\планировки\отделки.

На данный момент упомянутый директор находится в статусе подозреваемого в трех уголовных делах, возбужденных на основе ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (мошенничество). В настоящее время ведется следствие.

Несмотря на мошеннические действия в прошлом, предприниматель был допущен к отделочным работам строящегося социального жилья. Скорее всего, этому способствовали коррупционные операции. От подобных мошеннических и коррупционных действий страдают реальные люди. 98 людей из 9 аварийных домов так и не дождались нового жилья. В районе началось строительство двух новых зданий социального жи-

ля, но кто знает, будет ли оно выполнено с учетом всех правил, смогут ли в него переселиться нуждающиеся.

(Справка подготовлена Екатериной Дорохиной, 3 курс, 1 группа факультета журналистики ВГУ в 2014 году).

Темы 3-8. Подготовка студенческих заявок на проведение расследования, справки по открытым источникам и резюме.

«Настольные» ресурсы журналиста-расследователя:

<http://sudrf.ru/> – Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие».

<http://kad.arbitr.ru/> – Картотека арбитражных дел.

<http://egrul.nalog.ru> – Единый государственный реестр юридических лиц.

<http://fias.nalog.ru> – Федеральная информационная адресная система.

<http://www.fssprus.ru> – Федеральная Служба Судебных приставов. Информация об исполнительных производствах, арестованном имуществе, лицах в розыске.

<https://rosreestr.ru> – Информация об земельных участках и объектах недвижимости.

<http://zakupki.gov.ru> – Гос.заказ.

<http://gks.ru> – Гос.статистика.

<http://www.skrin.ru/> – База данных организаций.

<https://focus.kontur.ru> – База данных юрлиц и организаций. Коммерческая.

<http://rospravosudie.com/> – Суды, адвокаты, судебная практика, аналитика.

<http://pravo.ru/> – Нормативно-правовая база, картотеки дел, информация о судьях с отзывами и много другое.

Оглавление

Введение.....	3
Часть 1. Краткое содержание лекционных и лабораторных занятий.....	8
Тема 1. Что такое журналистское расследование. Метод, жанр, сверхтекст?.....	8
Тема 2. Из истории расследовательской журналистики.....	9
2.1. Журналистские расследования в Америке.....	9
2.2. Журналистские расследования в Европе.....	10
2.3. Журналистские расследования в России.....	11
2.4. Современная расследовательская журналистика в России.....	11
Тема 3. Методика и этапы проведения журналистского расследования.....	12
3.2. Первоначальные этапы расследования	12
3.3. Основные этапы расследования	13
3.4. Этапы создания контента расследования.....	13
Тема 4. Проблемы юридической и физической безопасности при проведении журналистских расследований.....	14
4.1. Юридическая безопасность при проведении журналистских расследований.....	14
4.2. Физическая безопасность при проведении журналистских расследований.....	14
Планы лабораторных занятий.....	14
Тематика курсовых и дипломных работ.....	17
Рекомендуемая литература.....	19
Часть 2. Дополнительные материалы по темам лабораторных занятий.....	21
Тема 1. Расследовательская публицистика Владимира Галактионовича Короленко. «Мултанское жертвоприношение».....	21
Тема 2. Расследовательская деятельность Юрия Петровича Щекочихина. Расследовательский цикл «Лев прыгнул».....	79
Тема 3. Написание заявки на журналистское расследование.....	123
Тема 4. Составление предварительных материалов журналистского расследования (досье и резюме).....	125
«Настольные» ресурсы журналиста-расследователя.....	142

Учебное издание

Золотухин Андрей Александрович

Расследовательская журналистика

Учебное пособие по направлению 420302
«Журналистика» (бакалавриат)

Компьютерная верстка – П.И. Новиков
Корректор – Т.П. Коновалова
Подписано в печать 20.02.2016. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. п. л. 4,27 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 266-17-50

Отпечатано в типографической лаборатории факультета
журналистики ВГУ